

**Дмитрий Силлов
Закон Меченого**

S.T.A.L.K.E.R. – 55

Аннотация:

У Зоны есть Легенды. Одна из них — Меченый. Другая — Снайпер. Они — в одной команде. В команде, состоящей сплошь из Легенд. И задача у них — легендарная: не дать превратить в Зону весь мир.

Якудза — не Легенда Зоны. Он — просто легенда. Там, в большом мире. Но здесь и сейчас он — киллер, которому поручили убить человека по прозвищу Снайпер. И человека по прозвищу Меченый. И всех, кто попытается помешать. Якудза всегда выполняет приказ. Это его закон. Но здесь — Зона. И законы здесь принимает Она.

Дмитрий Силлов

Закон Меченого

Автор искренне благодарит замечательного писателя Александра Мазина за бесценные советы и рекомендации, полученные от него в процессе написания романа, а также Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за неоценимую помощь в создании этой книги.

ПРОЛОГ

— Итак, после всего произошедшего я вынужден сказать, что проект «S.T.A.L.K.E.R.» полностью провалился.

Человек, который произнес эти слова, стоял у окна и глядел куда-то вдаль. На нем был надет военный камуфляж, перекрещенный португеей, и мягкие прыжковые ботинки.

Помимо неподвижной фигуры человека у окна, в кабинете имелись большое удобное кресло на колесиках и два стола, поставленных буквой «Т» — один большой, полностью вырезанный из красного дерева, второй попроще, из массива сосны, но несколько длиннее своего благородного собрата, как, впрочем, и положено быть ножке двадцатой буквы алфавита.

На столе хозяина кабинета были аккуратно расставлены селектор, ноутбук, кожаная папка с тиснением, золотое пресс-папье в виде фигурки японского дракона, держащего в лапе шар, и дорогой письменный прибор, вырезанный из зеленого камня. Внутри прибора, словно рыбка в аквариуме, плавал изумрудный огонек, то приближаясь к самому его краю, то вновь уплывая в малахитовую глубину, поближе к стаканчику с остро заточенными карандашами.

Но центр стола занимали не эти, несомненно, дорогие и полезные предметы. На его середине, словно три богатыря с известной картины, застыли громоздкие дисковые телефоны с кручеными шнурами, соединяющими аппарат с трубкой. Правда, отверстий для набора на телефонных дисках не было. Вместо них на больших белых блямбах красовались гербы России, Украины и Республики Беларусь.

Второй сосновый стол, заменяющий длинную ножку кабинетной «Т», был почти пуст, если не считать лежащей на нем картонной папки и ладошек сухонького человечка в сером гражданском костюме. Человечек чинно сидел на стуле, положив ладошки рядом с папкой, и внимательно смотрел на хозяина кабинета.

Пауза затягивалась. В могильной тишине было слышно, как сердито жужжит в районе люстры случайно залетевшая муха. Словно неопытный минер нервно прочесывает потолок в поисках выхода.

Наконец человек в камуфляже оторвался от созерцания заоконных далей и повернулся к человечку. На пятнистой форме хозяина кабинета стали видны погоны с двумя большими звездами защитного цвета. Возможно, человек, не обладающий хорошим зрением, не сразу различил эти звезды на фоне бледно-зеленых погон. Но зато он сразу понял бы, с кем имеет дело, ощутив себя на линии прицела зрачков, полностью сливающихся с абсолютно черной радужкой. Тот, кто побывал в горячих точках или, скажем, в Зоне и при этом не растерял способности мыслить абстрактными категориями, вполне мог сравнить такой взгляд с дулами пары крупнокалиберных пистолетов.

Но на человечка в костюме гипнотический взгляд хозяина кабинета не произвел ни малейшего впечатления. Он так же внимательно, не мигая, продолжал смотреть на хозяина кабинета бесцветными, пустыми глазами альбиноса.

В конце концов, хозяин кабинета моргнул и невольно перевел взгляд на рукоять «стечкина», торчащую из кобуры на его поясе. Действительно, чем целиться взглядом в пустоту, лучшешний раз проверить, на месте ли настоящее оружие.

Однако человечка в костюме смутить было сложно. Когда-то очень давно он учил таких вот бравых и самоуверенных вояк стрелять с обеих рук по-македонски, укладываясь в нормативы стрельбы из одного пистолета, и весьма удивлялся, почему ученики после пары часов занятий заматывают несколькими слоями пластыря ладони и пальцы, стесанные о затворные рамы. Ведь оружие — это часть себя, и лишь очень неуклюжий человек может ранить свое тело собственными зубами и ногтями.

Но те времена остались в далеком прошлом, и сейчас у него было другое задание, гораздо более важное, чем учить камуфлированных громил обращению с оружием.

— Откуда такие выводы, Александр Андреевич? — поинтересовался человечек. Его голос был мягким, как шерстка мангуста.

— Посудите сами, — сказал хозяин кабинета, отрывая взгляд от пистолета и с некоторым облегчением открывая кожаную папку, лежащую на столе. — Шесть объектов, один за другим посланных к центру Зоны с целью любой ценой уничтожить Монолит, пропали без вести. После чего яйцеголовые из вашего замечательного НИИ взяли паузу и выдали новый объект, уверяя, что на этот раз осечки не будет. И вправду, через несколько дней после того, как объект номер семь был внедрен в Зону, Монолит был якобы уничтожен. Якобы! — Хозяин кабинета выделил слово голосом, при этом, подняв к потолку указательный палец, на средней фаланге которого стала видна мозоль от спускового крючка.

В кабинете вновь повисла пауза, которую, впрочем, человечек в костюме нарушил довольно быстро.

— Александр Андреевич, давайте без эмоций и театральных эффектов, — все так же мягко произнес он. — Монолит был уничтожен или нет?

Человек в камуфляже криво усмехнулся.

— Ага, уничтожен, — кивнул он. — Мощность выброса после этого, так сказать, уничтожения составила шестнадцать с хвостиком единиц по шкале Бергмана, то есть вдвое против самого высокого показателя за последние пять лет. В результате границы Зоны расширились чуть ли не до Киева, и я со дня на день жду сообщения, когда же на Крещатике, наконец, пристрелят первого кровососа.

— Чуть ли не до Киева? — задумчиво проговорил человечек в костюме. — Нельзя ли поконкретнее?

— Мутанты прорвали наши кордоны, и их волну смогли остановить лишь на линии Запрудка — Владимировка — Толокунь силами войск Третьего кольца обороны, — сухо произнес хозяин кабинета. — В настоящее время восстановлены Второе и Первое кольцо и условно можно сказать, что в течение месяца мы смогли вернуть Зону в прежние границы. Если, конечно, не будем обращать внимания на аномалии и мутантов, которые по-прежнему довольно часто встречаются в границах Первого кольца.

— Спасибо, я читал сводки, — скучно сказал человечек в костюме. — И при этом хочу отметить, что Северные кордоны, охраняемые войсками НАТО, никоим образом не пострадали и не поменяли диспозицию.

Лицо генерала пошло пятнами, но ему удалось справиться с собой.

— Не понимаю, для чего тогда вы задаете вопросы, — проговорил он. — Знаете ли, если б на моих блокпостах стояли не срочники с автоматами Калашникова, а управляемые искусственным интеллектом и невосприимчивые к большинству аномалий боевые роботы, оснащенные тепловизорами, приборами ночного видения последнего поколения, «Миниганами» и автоматическими пушками, может, и мне удалось бы удержать границы Зоны на прежних позициях.

— Понимаю вас, — кивнул гость. — И не спрашивайте меня, для чего я задаю вам эти вопросы. Просто мне нужно еще раз проверить звенья логической цепочки, которая ведет меня к некоторым выводам.

— О каких выводах вы говорите? — настороженно поинтересовался хозяин кабинета, закрывая папку и усаживаясь в роскошное кожаное кресло.

— В том числе о тех, в результате которых будет принято решение о третьей звезде на ваших погонах, — безразлично произнес гость, рассеянно теребя край своей папки пальцами тонкими и чувствительными, какие бывают у пианистов и снайперов.

— Шутить изволите? — нервно усмехнулся человек в камуфляже. — После такого с меня скорее снимут те, что есть, и отправят полком командовать.

— Отчего же? — вскинул вверх белесые брови человечек в костюме. — По моим сведениям, наш объект номер семь не только выполнил задание, но и освободил большую часть диверсантов, засланных ранее в Центр Зоны. При этом он выкрал из-под Саркофага крайне ценные материалы и — самое главное — основную часть, так сказать, сердце Монолита.

— Вы неплохо осведомлены о наших делах, — краем рта усмехнулся хозяин кабинета.

— Это моя работа, — скромно прикрыл белесые ресницы гость, при этом, не сводя взгляда со своего собеседника. — Так же, как ваша работа — вернуть объект «семь» на базу вместе с его трофеями. Желательно, конечно, возвратить и тех, кто был заслан ранее, но это необязательно. Они отработанный материал, пригодный лишь для изучения ошибок в его программировании.

— Но это не так просто сделать, — мрачно произнес человек в камуфляже. — Те, о ком вы говорите, лучшие диверсанты, специально отобранные природные таланты, которых потом несколько лет натаскивали самые компетентные военные специалисты разных стран. И которых в вашем НИИ превратили в роботов...

— Ну-ну, генерал, я же просил без эмоций, — слегка поморщился гость. — Я понимаю, это непростое задание, но наши объекты не роботы, а просто хорошие мастера своего дела. Думаю, у вас найдутся не хуже.

— Вряд ли, — покачал головой генерал. — Как это ни прискорбно признать. Думаете, я своими силами не пробовал найти Снайпера? Результат — за последний месяц две пропавшие без вести диверсионные группы.

Гость растянул в подобие улыбки тонкие губы и машинально потер большой и указательный пальцы жестом, которым обычные люди обозначают счет денежных купюр.

— Значит, его местное прозвище — Снайпер, — неторопливо произнес он. — Что ж, показательно. Там, по-моему, есть еще один неплохой специалист из тех, кого засылали ранее, тоже с характерным прозвищем. Стрелок, кажется?

— Точно, — отозвался хозяин кабинета. — Прошу заметить — ни один из тех, кто побывал в вашем НИИ, а после отправился в Зону и выжил, не вернулся на базу. Теперь они именуют себя сталкерами, а другие сталкеры называют их Легендами Зоны. В совокупности на счету этих «легенд» около роты отличных военных специалистов, официально считающихся пропавшими без вести. И я больше не буду посылать личный состав на убой в эту чертову дыру, называемую Зоной. Вы видели глаза их матерей, господин куратор? А я видел. И я не знаю, что им говорить, когда они умоляют меня вернуть им хотя бы тело мертвого сына.

Глаза человека в костюме сверкнули как у мангуста, прихватившего кобру за шейные позвонки. В тишине кабинета было слышно, как скрипнули его зубы.

— Вы будете выполнять свою работу, генерал, до тех пор, пока не будет выполнено задание, — тихо проговорил он. — И вы его выполните. При этом отмечу — вовсе не обязательно, чтобы Снайпер и остальные Легенды Зоны были доставлены на базу живыми. В основном нас интересуют трофеи, которые объект номер семь вынес из Центра Зоны. Даже черт с ними, с трофеями! Ликвидируйте эти отбросы неудавшихся научных экспериментов, достаньте мне «Чистое небо» — и я гарантирую вам третью звезду.

— Дожил, — хмыкнул генерал, постукивая карандашом по папке. — Такие контракты предлагают обычным сталкерам бармены и торговцы артефактами. В таком случае, господин куратор, мне самому придется вылезти из мягкого кресла и топтать в Зону. Не имеет значения, кого я пошлю туда с заданием ликвидировать Легенды Зоны — какого-нибудь посеченного шрамами ветерана или целый разведывательно-диверсионный батальон. Обратно они не вернутся. Зона сама создает свои Легенды, они ее часть, и она не отдаст

свою собственность без боя. А воевать с ней бесполезно и бессмысленно. Как я сказал в самом начале, проект «S.T.A.L.K.E.R.» провалился и все, что мы можем, — это удерживать границы Зоны. До тех пор, пока ей это не надоест.

— Не нравятся мне ваши пораженческие настроения, Александр Андреевич, — покачал головой куратор. — Но в то же время я понимаю, что вы здесь уже не первый год и лучше знаете, что к чему. Потому я приехал не один. Сейчас в приемной сидит человек, который один стоит разведывательно-диверсионного батальона.

— Да ну?! — иронично хмыкнул генерал. — Очередной спаситель человечества? Знаете ли, я не увлекаюсь фантастикой и больше верю в «Град» и атомную бомбу, чем в героев-одиночек.

— А зря, — невозмутимо произнес куратор. — Недооценка роли отдельной личности в истории человечества есть не что иное, как переоценка собственных способностей. Например, не бомба и не «Град» скovyрнули Монолит, а наш объект номер семь. Пусть эффект оказался временным, но сути это не меняет.

— И сейчас вы хотите противопоставить Снайперу вашего столичного супермена? Он хоть раз в Зоне был?

Ирония в голосе генерала сменилась неприкрытым сарказмом.

— Нет, в Зоне он не был, — невозмутимо ответил человечек в костюме. — Но вы и ваши сотрудники введете его в курс дела. А его послужной список здесь.

Он дотронулся до папки, лежащей на столе.

— И чтобы не утруждать вас чтением весьма пространных документов, сообщу, что Виктор Савельев направлен сюда Комитетом по предотвращению критических ситуаций. Помимо того, что он в свое время прошел полный курс обучения в японской секретной школе синоби-дзюцу более чем известного клана якудзы Сумиёси-кая, звание майора было присвоено ему после уничтожения форпоста немецкой антарктической базы 211.¹

Возможно, это было игрой переменчивого солнечного света, льющегося из окна, но сторонний наблюдатель мог бы подумать, что полковник слегка побледнел.

— Русский якудза из группы «К»... — пробормотал он. — Я слышал о нем от наших особистов, но и они думали, что это легенда...

— А сейчас эта легенда сидит у вас в приемной, — сказал куратор. — В общем, потрудитесь в кратчайшие сроки предоставить ему все сведения о Зоне и по необходимости обеспечьте подкрепление. Хотя сомневаюсь, что оно ему понадобится, — он всегда работает один.

КИЛЛЕР

Это был обычный учебный класс по спецподготовке личного состава. Обычный по виду, но не по начинке. Просторное помещение с плакатами на стенах, восемь сильно потертых школьных парт с металлическими стульями при них...

На этом сходство заканчивалось.

Плакаты разительно отличались от тех, что Виктору приходилось видеть ранее. Вместо подробного описания вооружения — как своего, так и вероятного противника, — на них были изображены жуткие твари в разрезе с указанием уязвимых точек на их телах, камни и минералы необычной формы с описаниями их свойств и потенциальной опасности для человека, а также топографические карты различных районов, на которых то и дело пестрели заштрихованные довольно обширные области, помеченные надписью: «Не исследовано».

Помимо этого в классе стояло чучело, к внешнему виду которого вполне подходила распространенная поговорка «во сне увидишь — топором не отмахнешься». Незвестный таксидермист приложил немало усилий, чтобы сохранить внешний вид мутировавшего

¹ О приключениях Виктора Савельева до описываемых здесь событий можно прочитать в моих романах «Тень якудзы», «Ученик якудзы» и «Путь якудзы». Хотя это необязательно — трилогия «Русский якудза» и роман «Закон Меченого» вполне читаются как отдельные книги, не связанные между собой (примеч. автора).

организма. Естественно, перед поездкой в Зону Виктор успел ознакомиться с доступными материалами о месте проведения предстоящей акции, но одно дело картинка на экране монитора, и совсем другое — когда-то реально живая тварь, стараниями специалиста по дохлым мутантам получившая вечную жизнь.

Виктор подошел поближе к чучелу, стоявшему между окном и классной доской — такой привычной, знакомой любому, кто заканчивал школу, с тряпкой и кусочками мела на полке. Рядом с этой доской жуткая тварь выглядела нелепо, словно гость из нехорошего сна, вывалившийся в объективную реальность и неслабо пошатнувший представление очевидца события о существующем мире.

Тварь была на две головы выше Виктора, явно гуманоидного типа, с переразвитой, но на удивление гармоничной мускулатурой. Очень крепкие когти на лапах, лысая голова, отсутствие выраженных половых признаков, ротовые щупальца с присосками и глаза мутно-белые, без намека на зрачки, словно спец по чучелам, не морочась особо, вставил в глазницы твари пару шариков от пинг-понга... Складывалось полное впечатление, что эту биологическую машину уничтожения не сама природа создала в процессе эволюции, а венец ее творения спроектировал в научной лаборатории и сумел воплотить наяву.

— Впечатляет, правда? — раздался голос за спиной.

Виктор обернулся.

У двери стоял генерал, заложив руки за спину. По его с виду беспристрастному лицу опытный физиономист определил бы, что объект наблюдения испытывает явное чувство превосходства над собеседником, граничащее с презрением.

— Судя по вашему тону, можно предположить, что это вы его создали, — сказал Виктор — и обезоруживающе улыбнулся.

Снисходительная усмешка сползла с тонких губ генерала. Но не фраза, сказанная приезжим киллером, заставила его измениться в лице, а его улыбка.

Так улыбался много лет назад японский специалист по дакентай-дзютсу, практически неизвестной на западе науке о физическом уничтожении человека голыми руками и при помощи подручных средств. Не по рукопашному бою, а именно по *уничтожению*. И первое, чему учил русских диверсантов этот приглашенный за большие деньги убийца, — это улыбаться. Вот так, открыто и душевно, чтобы можно было безопасно сократить расстояние между собой и жертвой, а потом зачистить ее одним из наиболее простых способов, для которых не нужно оружие. Позже Виктор узнал, что инструктор не сам додумался до этого. В древнем трактате «Тридцать шесть стратагем», повествующем об искусстве тактики и стратегии войны, данный прием считался одним из самых эффективных.

Правда, за узкими щелочками между веками выражения глаз японца никто из учеников никогда не видел. А сейчас генерала даже слегка передернуло — слишком неестественным был контраст между обезоруживающей улыбкой и абсолютно равнодушными глазами московского гостя. Но внешне ветеран многих локальных конфликтов остался абсолютно спокоен, хотя неприятный осадок остался, словно он только что пропустил на татами первый же удар противника, которого заведомо считал слабее себя.

— Перейдем к делу, — сухо сказал генерал, садясь в кожаное учительское кресло и жестом приглашая Виктора занять место за первой партой.

— Спасибо, я постою, — снова улыбнулся Виктор.

Генерал усмехнулся про себя. Парень не принял его расстановку приоритетов и навязал свою стратегию — теперь, по идее, хозяин кабинета должен почувствовать себя неловко, сидя в присутствии гостя. Ну, уж хрен угадал этот молокосос. Здесь ему не Москва, а вообще другое государство, в котором Зона — отдельная территория, на южных кордонах которой он, генерал-лейтенант Звягинцев, царь и бог. Хочет торчать рядом с кровососом — пусть торчит, его дело.

— Необходимое оборудование и оружие получите на складе, — сказал генерал. — В КПК имеется вся необходимая информация, собранная преступными элементами Зоны в так называемую «Энциклопедию». У вас будет пара дней для того, чтобы ознакомиться с ней и

подготовиться к операции. Учтите, место, куда вы должны отправиться, настоящий филиал ада на земле, поэтому рекомендую отнестись к подготовке со всей серьезностью.

— Оружия мне не нужно, — сказал Виктор. — Как говорится, все свое ношу с собой.

— Автомата я у вас не видел, — заметил генерал. — А в Зоне человек без автомата все равно, что посетитель театра без штанов. Привлекает ненужное внимание и вызывает острое желание местных преступных элементов чисто для профилактики наkosten по шее очередному новичку.

— Это их право, — улыбнулся Виктор. — Но спорить не буду, вам виднее.

— Отлично, — хмыкнул генерал. — Теперь о главном. Ознакомьтесь. Этого не будет в «Энциклопедии».

Он аккуратно выложил на стол четыре фотографии.

Виктор оторвался от созерцания кровососа и подошел к столу.

Четыре фото — четыре лица. словно черно-белые круги на мишенях, которые вот-вот механизм плавно отправит в последний путь, к дальней стене стрелкового тира...

— Перед вами объекты, в разное время засланные к центру Зоны с заданием его уничтожить и вышедшие из-под контроля. Вследствие своих навыков представляют исключительную опасность и подлежат уничтожению. За каждым из них десятки трупов, как военнослужащих, так и местных преступных элементов, нелегально находящихся в Зоне. Это я все к тому, что ваша миссия, по сути, есть просто зачистка локальной территории от нескольких матерых убийц.

«Которых вы сами и подготовили, — про себя додумал фразу Виктор. — А как только они перестали выполнять приказы, то автоматически перешли в категорию преступников».

— Итак, начнем по порядку. Клык, — ткнул генерал пальцем в первую фотографию. — Особые приметы — с виду слегка заторможенные реакции, сильно картавит. Вышел из-под контроля еще в две тысячи восьмом году. Поступали сведения, что он погиб от рук наемников. Военными сталкерами, которые являются нашими агентами в Зоне, обнаружены две могилы объекта — одна в районе армейских складов, вторая — в Припяти. При этом в настоящее время факты о его смерти считаются неподтвержденными.

— Если у человека больше одной могилы, скорее всего, он жив и будет жить еще очень долго, — произнес Виктор.

— Насчет первого соглашусь с вами, второе же с сегодняшнего дня будет зависеть только от вас, — буркнул генерал.

— Я понимаю, но это сказал великий полководец У-цзы за шесть веков до моего рождения, — скромно заметил Виктор. — Просто вспомнилось.

Генерал ничего не сказал, лишь щелкнул ногтем по второй фотографии:

— Призрак. Особых примет нет. Обладает навыками диверсанта-профессионала, особенно по части скрытного проникновения на закрытые объекты. Вышел из-под контроля в две тысячи девятом году. Возможно, при помощи Клыка уничтожил большой отряд наемников. После чего, опасаясь их мести, нанялся к ученым, работающим в Зоне, и, выполняя их задание, погиб в лаборатории X-16. Предполагается, что, как и могилы Клыка, это была лишь инсценировка смерти, для того чтобы одним ударом избавиться и от преследования наемников, и от розыска нашими спецслужбами. В настоящее время факты о его смерти также считаются неподтвержденными.

Фотография третьего человека была наиболее отчетливой. С нее на Виктора смотрел скуластый парень лет тридцати — тридцати пяти, короткостриженный, с большими залысинами. На нем был надет комбинезон «Сева» без шлема со вставками на груди и плечах, сильно напоминающий усиленную мотоциклетную куртку. За левым плечом торчал длинный ствол СВД. Позади него, словно ажурный путепровод на небо, возвышалась сборно-разборная наблюдательная вышка, используемая на временных пунктах дислокации крупных воинских подразделений.

— Это Меченый, — пояснил генерал. — Известен также под вторым прозвищем — Стрелок, которое говорит само за себя. Особые примета — татуировка «S.T.A.L.K.E.R.» на правом предплечье. Снайпер-профессионал, специалист по выживанию в экстремальных

ситуациях. Известен тем, что в мае этого года в одиночку уничтожил значительную часть преступной группировки «Свобода», а также достиг центра Зоны. После чего сведения об объекте теряются.

Генерал достал из кармана пачку сигарет, вынул одну, повертел в пальцах...

— Курите?

Виктор покачал головой.

— Это правильно. Я тоже пытаюсь бросить, — криво усмехнулся генерал. — Даже электронными сигаретами пробую периодически заменить эту дрянь — не помогает.

— Сочувствую, — сказал Виктор.

Генерал бросил размятую сигарету в пепельницу и сунул пачку обратно в карман.

— И, наконец, последняя цель. Прозвище Снайпер. Особые приметы — татуировка «S.T.A.L.K.E.R.» на правом предплечье, проявляющаяся при воздействии ультрафиолетового излучения. Контроль утерян в этом году. Объект достиг центра Зоны и, по косвенным данным, выполнил задание, уничтожив раковую опухоль планеты под названием Монолит. По слухам, из-под Саркофага он вынес часть этого Монолита — артефакт, о многих свойствах которого мы можем только догадываться, однако обратно на базу не вернулся. При этом имеются сведения, что объект не погиб, а ведет в Зоне жизнь так называемого сталкера-бродяги, нелегально находящегося на запретной территории.

Виктор внимательно посмотрел на фото.

Обычный парень, ничего особенного. В толпе увидишь — не обратишь внимания. Глаза тусклые, невыразительные, как у кобры, затаившейся в засаде. Наверняка под свободным комбинезоном скрывается мускулистая фигура спортсмена. Но не перекачанные химией мышцы, а сухая, функциональная машина для выполнения узкоспециализированных тактических задач.

— Конечно, желательно зачистить всю четверку, — сказал генерал, собирая фотографии и укладывая их в нагрудный карман. — И принести артефакт Снайпера. Но я понимаю, что это маловероятно даже для такого специалиста, как вы. Эти преступники слишком хорошо подготовлены, не зря их считают Легендами Зоны.

Уголок его рта дрогнул в усмешке.

— Потому, если вам удастся выполнить задание хотя бы по минимуму и ликвидировать Снайпера, можете считать, что ваша миссия выполнена.

— А почему ваши специалисты не могут сделать эту работу? — поинтересовался Виктор.

— «Чистое небо» отклоняет пули, — нехотя сказал генерал. — Хотя выстрел в упор или с небольшого расстояния, произведенный из достаточно мощного оружия, по идее, может оказаться результативным. К тому же есть информация, что Снайпер вместе с артефактом вытащил из-под Саркофага всю эту банду, и теперь у них перед ним Долг жизни. Это понятие в Зоне чтут свято до тех пор, пока не представится возможность вернуть его обратно. После чего не возбраняется самому убить своего спасителя. Такая вот местная философия.

Генерал хмыкнул.

— После того как вы разберетесь со Снайпером, скорее всего, артефакт подберут другие сталкеры, но тогда уже мои специалисты, которые будут сопровождать вас, смогут с ними разобраться.

— И при этом вся слава достанется вам, — задумчиво произнес Виктор. — Причем это произойдет наверняка, если вашим специалистам после устранения Легенд Зоны не удастся спасти заезжего столичного киллера.

Генерал вскинулся словно ужаленный. Его кулаки грохнули по столу. Опершись на них, как крупнокалиберный пулемет «Корд» на сошки, генерал навис над Виктором.

— Слушай, ты! — резко выплюнул он. — Мне плевать, кто ты и откуда такой борзый вылез! Зона и не таких обламывала! И если ты хочешь вернуться оттуда живым, для начала оставь свои шуточки в этом кабинете, понял?!

...Когда человек бесится и орет, он тратит очень много личной силы, пытаясь подавить человека, на которого выливает свой гнев. Эта черная волна деструктивна для жертвы и позитивна для того, кто ее генерирует, — разрушив чужую волю, она возвращается к хозяину, словно военный трофей, неся на своем гребне эманации личной силы побежденного. Потому очень часто после вызова «на ковер» начальник чувствует удовлетворение и прилив сил, а подчиненный, получивший разнос, выходит из кабинета шефа разбитым.

Но тот, кто умеет работать с людьми, просто пропускает эту волну мимо себя, подныривая под нее, как опытный пловец и не обращая внимания на чужие вопли. И порой достаточно одного взгляда, легкого мысленного толчка, чтобы нанести решающий удар тому, кто потратил слишком много личной силы на неудачную черную атаку...

Внезапно генерал почувствовал, как у него перехватило дыхание. Схватившись за горло, он упал в кресло, видя лишь глаза киллера, заполнившие собой весь мир.

Генерал захрипел — но не потому, что ему не хватало воздуха. Просто еще ни разу в жизни он так не боялся...

Страх был искусственным, поднимающимся из глубины его естества, из тех далеких времен, когда человек был слаб и беспомощен, а чернота окружающего мира ужасна и беспощадна. Человек жался к огню, пытаясь согреться, но первобытная ночь окутывала его со всех сторон жутким покрывалом смерти, состоящим из когтей, клыков и вражеских каменных топоров, скрывающихся в этой темноте. И сейчас костер неумолимо гас, а из тьмы на жалкое человеческое существо надвигались эти глаза — жуткие, немигающие и равнодушные, как сама смерть...

— Н-неет... — взвыл генерал, суча ногами и пытаясь отодвинуться вместе с креслом подальше от приезжего киллера. Но двигаться было некуда — спинка кресла уперлась в стену и жалобно скрипела под давлением грузного тела.

— Что с вами? — участливо спросил Виктор, прерывая контакт. — Вам плохо?

...Черная волна разбилась где-то позади и стала зловонной лужей. Как и воля того, кто исторг ее из себя. Генерал был сильным человеком и неплохим воином, но вряд ли когда слышал о древнем искусстве сюнкан саймин-дзюцу — методах мгновенного гипноза противника — и о том, что воину никогда не стоит терять самообладания, для того чтобы противник не воспользовался его слабостью. Ведь гнев — это слабость, причем крайне опасная в бою. Людей надо как подавлять, так и убивать абсолютно спокойно — тем более, если ты военный и это твоя работа...

Увидев, что генерал перестал сучить ногами, и в его глазах появилось осмысленное выражение, Виктор снова улыбнулся и произнес тихо, но твердо — так хозяин выговаривает щенку за незначительную провинность:

— Я приехал сюда выполнить задание — и я его выполню без помощи ваших специалистов. И предупредите их, что если они попытаются мне мешать, то умрут вместе с Легендами Зоны.

И, не прощаясь, вышел из учебного класса.

СНАЙПЕР

Тошнотворный запах болота забивал ноздри и кружил голову не хуже хирургической маски с закистью азота. Я шел вдоль едва видимых вешек, порой по колено проваливаясь в омерзительную жижу. Я давно уже перестал обращать внимание на хлюпанье воды в берцах и на то, что от холода не чувствую пальцев ног, — бледному солнцу Зоны в условиях вечной осени никогда не под силу будет прогреть это болото. Онемевшие ноги и несколько жирных пиявок, присосавшихся к икрам, — нормальная плата за проход. Зона всегда и за все взимает плату.

При этом я прекрасно осознавал, что один шаг в сторону с местами подгнившей невидимой гати под моими ногами — и плата увеличится несоизмеримо. Зона — строгая

учительница и не любит тех, кто относится к ней невнимательно. Болото просто равнодушно поглотит меня, смачно чавкнув и выдавив на поверхность омерзительной жижи большой пузырь, похожий на шар из жевательной резинки, который выдувает жирный и ленивый гурман после сытного обеда.

Но меня вело в сторону — и вело неслабо. Лишь усилием воли удавалось мне сохранить направление и собирать двоящиеся вешки в единую картину. Пока удавалось. Обожженная рука, несмотря на антисептик, похоже, начала гнить, добавляя собственной вони к болотным миазмам.

Но больше всего меня беспокоила дырка в легком. Когда я последний раз открыл клапан иглы, воткнутой в мою грудь, из нее вместе с воздухом появился внушительный клочок розовой пены. Значит, началось внутреннее кровотечение. Плохо. Очень плохо. И чертовски обидно, если придется сдохнуть, не дойдя до цели каких-нибудь полкилометра.

Я остановился и достал из кармана куртки последний шприц-тюбик. Их было три, и второй я вколол час назад, так как серьезно опасался отключиться прямо на ходу. А в Зоне не рекомендуется отдыхать посреди Черного болота, поплеывая в камыши слюнями цвета пены на кончике иглы. Запах свежей крови — хорошая приманка, и, наверно, только жалкими остатками личной удачи можно объяснить, что еще никакой болотный кровосос не учуял обед, еле-еле плетущийся через его владения.

Укола в бедро я не почувствовал. Тоже неважный симптом, но об этом лучше не думать. Сейчас лучше вообще ни о чем не думать, а просто вытаскивать ногу из грязи и ставить ее вперед. Потом другую. И повторять эти крайне трудные в моем положении действия до тех пор, пока из жидкого месива медленно, словно спина разьевавшегося псевдогиганта, не вылезет пригорок со знакомой крышей, наполовину скрытой высоченными соснами, воткнувшими свои верхушки в темно-серое небо.

Я не знаю, что было намешано в тех шприцах, но помимо наркоты в них явно имелся еще какой-то стимулятор. Стало немного проще, опираясь на шест, вытаскивать ноги из грязи, но я знал, что это ненадолго. Час от силы. По идее, остров Болотного Доктора должен уже давно показаться над камышами, но его все не было. Зоне свойственно играть со своими детьми, искажая пространство и время. А может, это сегодня сама смерть играла со мной — мы с ней давние игроки, и, похоже, сегодня у нее в рукаве имелся серьезный козырь.

Но, если это было и так, достать его она не успела. Знакомый конек вынырнул из камышового моря, и я поневоле ускорил шаг, не обращая внимания на то, что с иглы на мох под моими ногами падают уже не клочья розовой пены, а капли крови, так похожие на спелую клюкву, в изобилии рассыпанную по болоту.

Да, точно, это не мираж и не бред. Под подошвами берцев была уже не грязь, а густой мох, мягкий, как искусственное резиновое покрытие. Идти стало намного легче. Я отбросил в сторону шест и застегнул куртку — не стоит пугать старика, он слишком хорошо ко мне относится. Еще не даст рассказать, что к чему и сразу определит под капельницу. А я и отрублюсь благополучно, не успев отдать то, ради чего ходил за край этого мира.

Дверь в его дом была открыта — впрочем, как и всегда для всех, кому нужна помощь, будь это человек, мутант или какая-нибудь мелкая зверюшка, на которую наступишь — и не заметишь.

Я сунул руку в контейнер, достал оттуда предмет, одновременно похожий на гранату РГД-5 без запала и на артефакт-помесь «Батарейки» с «Золотой рыбкой». И перешагнул порог.

Они обернулись одновременно — Доктор и его то ли псевдо — то ли пси-собака, разьевавшаяся зверюга, несмотря на рыхлые тела, обладающая хваткой бульдога и мозгами химеры.

— Ты даже не представляешь, где я был и что я там видел! — сказал я, протягивая предмет хозяину лачуги и при этом пряча в карман левую обожженную руку.²

² О приключениях Снайпера до описываемых событий можно прочитать в моих книгах «Закон Снайпера» и «Кремль 2222». Хотя и это не обязательно — все романы вполне читаются как отдельные произведения, не связанные между собой (*примеч. автора*).

Сквозь мои пальцы били ярко-оранжевые лучи. Псина сморщила нос и попятилась, а Болотный Доктор протянул руку и, нисколько не удивившись, взял у меня артефакт.

— Отчего же, вполне представляю, — ответил он. — Но знаешь, стрелок, больше не лезь туда. И сам запомни, и другим Перехожим скажи. Свою задачу ты выполнил, теперь...

И тут я почувствовал во рту соленый привкус. По моему подбородку потекло что-то теплое. Вот черт, раззявил пасть от счастья, что теперь подумает Доктор...

Но тут я осознал, что бревенчатые стены внезапно стали кружиться передо мной в безумном хороводе, к которому как-то сразу присоединились потолочные стропила. Меня мягко потрянуло, и я понял, что лежу на полу. А может быть, на земле Зоны, готовой навечно принять меня в свои объятия. И солнце, взошедшее над моей головой, бесконечно далеким голосом Болотного Доктора проговорило:

— Держись, сынок. Я о тебе позабочусь. Все будет хорошо.

КИЛЛЕР

Солнце пекло немилосердно, и хлипкая тень от вышки, в которой укрылся майор Халецкий, не приносила ни малейшего облегчения. Понятное дело, что наблюдателю приходится еще хуже, — прошлый выброс сорвал крышу, хорошо, что саму вышку не снес, и теперь парень медленно поджаривался в обнимку со своим пулеметом. Принимал на стриженную макушку, прикрытую камуфлированной кепкой, тяготы и лишения воинской службы.

Хотя до желанной прохлады рукой подать. Вот оно, спустись по лестнице, ототри сваренную из толстенной стали дверь в кирпичной стене — и, пожалуйста, тебе вечная осень, даже дождик накрапывает. Словно приглашает, дразнит, мол, не желает охладиться, товарищ майор?

Халецкий тряхнул головой, отгоняя странные мысли, и поспешил перейти на другую сторону здания по мосткам, тянувшимся вдоль стен всего блокпоста на уровне второго этажа. Хрен с ней, с тенью, говорят, что оно всегда так начинается. Стоит человек, мысли дурные в голове гоняет, а потом спускается и идет себе неторопливо в Зону на ужин контролеру. И хочешь, зови его, хочешь по ногам стреляй — без толку. На руках поползет на зов, не обращая ни малейшего внимания на перебитые колени. Видели, знаем. Так что ну его — и мысли, и тень, и Зону эту вместе с ее осенью. Теперь туда ни ногой. В прошлый раз вообще еле отвертелся, чуть под трибунал не загремел. Хорошо, что вовремя сообразил организовать зачистку базы оборзевших сталкеров на ферме за железнодорожной насыпью. Потому обошлось, и звездочки, и должность оставили, хотя о повышении ближайшие года два можно и не мечтать. Ну и ладно. Вообще-то он и на понижение готов, лишь бы подальше от Зоны. Но дураков нет, и сюда особо никто не рвется, потому и майора оставили, и должность, будь она проклята. Но сейчас, даже если и уволиться к чертям собачьим, не дожидаясь пенсии, особо никуда не дернешься. Никто тебе не рад на Большой Земле. Потому изволь стоять здесь и жариться, словно отбивная на раскаленном противне...

На другой стороне было вообще тоскливо. Светило лупило с высоты, нагло пытаюсь залезть лучами за оправу темных очков. Уйти бы внутрь здания, под тарахтящий словно «Корд» древний кондиционер, но нельзя. Без начальственного глаза срочники тут же попрятчутся кто куда, и тогда точно случится какая-нибудь пакость. Зона и закон подлости почти синонимы, это каждому известно.

Халецкий посмотрел на часы. До конца смены еще четверть суток. И какого хрена на них смотреть? И так ясно, что еще маячить здесь и маячить как медному котелку. Но свойство такое есть у человека — ждать чуда даже тогда, когда его не может быть в принципе.

Налюбовавшись на новенький Breguet, цену «Медузы», изъятой месяц назад у задержанного сталкера, майор поднял глаза — и не поверил им.

По дороге со стороны Дитяток шел человек. Спокойно так шел, как на прогулке. Судя по одежде — типичный сталкер, собравшийся похабарить. Причем небедный. Камуфляс нуля, броник облегченный из последних, которые, по слухам, чуть ли не «калаш» в упор держат, «Вихрь» без магазина под мышкой, сильно смахивающий в разряженном состоянии на большой пистолет, сумка объемистая на плече — подумать только, прям олигарх пожаловал. Не иначе из Павловской психбольницы сбежал, по пути где-то снарягой разжившись.

— Слышь, Овечко, маму твою за нижнюю конечность! Жопу в горсть и к воротам! Гости у нас.

— Есть в горсть, триц майор!

Сержант Овечко, расторопный малый, мухой скатился с соседнего наблюдательного пункта и чесанул, куда сказали, на бегу передергивая затвор автомата. Это по тем, кто из Зоны лезет, положено стрелять без предупреждения. В принципе тех, кто в Зону намылился, тоже положено, но лишь в случае попытки незаконного проникновения. Этот же вроде почти законно прется, вон в ворота стучит. С ума сойти — второй дебил за месяц. Жара, что ли, на них влияет? Ладно бы суммы нормальные предлагали, а то смех один. Щас ему Овечко объяснит популярно, почему дембеля не стоит отвлекать от несения караульной службы. Надо было предупредить, чтоб как в прошлый раз с ходу прикладом в морду не сунул, а то вдруг подсадной клиент от проверяющих, потом не оберешься. Хотя всегда можно отблехаться — с оружием шел, неважно, что разряженное. Кстати, под таким соусом, может, обуть клиента? «Вихрь», броник, камуфляс, бабло наверняка имеется... И выбросить на той стороне, где дождик, слепым собачкам на обед...

Халецкий лениво смотрел, как сержант приказывает пришлому лоху положить автомат на землю, снять броник и лечь лицом вниз. Лох, похоже, порядком струхнул, увидев ствол, направленный на него через сетку, и не сопротивлялся. Автомат бросил, правда, с броником и сумкой беда вышла — запутался в лямках с перепугу, оно и застряло — ни туда, ни сюда. Сталкер хренов. Понятное дело, что сержанту надоело смотреть, как это тело копается в ремешках, ну он и решил придать ему ускорение. Откинул засов, приоткрыл створку сетчатых ворот, занес ногу для смачного удара в колокола пришельца...

И упал навзничь. Халецкий аж вздрогнул от неожиданности. Ему показалось, что за мгновение до приземления Овечко из-за броника, закрывавшего грудь и голову незадачливого лоха, метнулась рука и коснулась точки чуть ниже уха сержанта.

А потом броник упал на землю, но лоха в нем уже не было. Только смазанная тень метнулась, просочилась в щель между створками и исчезла.

Мгновение майор смотрел на валяющийся в пыли автомат, навороченный броник и выглядывающий из-под него зеленый краешек сумки. Нагретые солнцем мозги не могли осознать очевидный нонсенс — на территории блокпоста безоружный нарушитель, пытающийся прорваться через полтора десятка вооруженных солдат. Но сдавленный хрип, раздавшийся внизу, вывел его из ступора.

— Тревога!!! — заорал он, хлопая ладонью по ближайшей тревожной кнопке. Утробно взвыла сирена над головой. Халецкий знал — сейчас все бойцы его подразделения уже бегут по своим позициям, на ходу досылая патроны в патронники. Черт, *по своим позициям!* Они будут уверены, что опасность идет из Зоны! Но никак не с тыла!

Майор отпрыгнул на середину мостка и прижался к стене, одновременно выдергивая из кобуры свой «Форт 12». Он уже успел сообразить, что на блокпост проник не простой нарушитель, а какой-то хрен со спецподготовкой. Что ж, посмотрим, как этот спец сумеет преодолеть три метра от ближайшего угла здания до среза ствола «Форта». Даже если попытается только руку с оружием высунуть и прострелять пространство, майор по-любому, словно в тире, сумеет ту руку отстрелить. Как и гранату пинком вниз сбросить, благо перила не сплошные, а сварены из труб.

С другой стороны здания, с вышки, перекрывая вой сирены, ударила очередь. Потом еще одна. И еще. И еще... Судя по тому, что противник был один, пулеметчик мазал. Оно и понятно — выдернул пулемет из гнезда и сейчас хреначит с рук. Никто ж не думал, что

придется когда-нибудь палить внутрь двора. И поди попади с такого положения в движущуюся цель из древнего ПКМ. Блин, поставляют на блокпосты всякое старье, сколько уже заявок на «Печенег» отправил — все без толку. И вот, дождались...

Пулемет замолчал, но отключать сирену никто не собирался. Плохо. Очень плохо. Значит, пулеметчику звезда. И спускаться нельзя — кто знает, что там внизу. А так, глядишь, чертов спец не заметит, мостки широкие, снизу не видно, есть кто на них или нет...

Сирена, наконец, заткнулась. На уши, словно вата, опустилась глухая тишина. Оно и понятно, когда у тебя только что практически над макушкой стоял вой под сотню децибелов, потом слышишь только стук крови в черепе. За которым Халецкий, естественно, не услышал звона тоненькой цепочки по стальным листам мостка. Лишь мелькнувшую руку успел заметить, даже выстрелил по ней.

Пуля выбила из стены треть кирпича. А Халецкий слишком поздно заметил, что вокруг его сапог обвилась серебристая нить, конец которой скрывался за углом здания. Потом был сильный рывок. Лейтенант охнул, пистолет вылетел из его руки, а сам он увидел, как перила мостка стремительно приближаются к его переносице. Он даже успел крикнуть своим солдатам, которые, наверно, были внизу и, конечно, не видели, что с ним происходит:

— Стреляйте! Он здесь, на мос...

Человеку свойственно ждать чуда даже тогда, когда его уже не может быть в принципе.

...Виктор не спеша, вернулся, надел бронежилет, забросил на плечо сумку и осмотрел автомат. Убедившись, что оружие в порядке и дорожная пыль не попала в ствол, он вытащил из кармана кургузый магазин, присоединил его к «Вихрю» и передернул затвор. После чего так же неторопливо прошел через площадку между кирпичными строениями блокпоста, на которой лежал лицом вниз единственный солдат, успевший выбежать из помещения и чудом не попавший под пулеметный огонь «соколиного глаза» с вышки. Интересно, они хоть какую-нибудь стрелковую подготовку проходят или у них учения, как день рождения, только раз в году?

Остальные солдаты остались лежать внутри помещения, так и не поняв, что, собственно, происходит. И отлично. Когда несколько военнослужащих с автоматами начинают что-то понимать, можно, несмотря на подготовку ненароком нарваться и на шальную пулю.

Обогнув брустверы, сложенные из мешков с песком, Виктор осторожно миновал сложный лабиринт из рогаток с накрученной на них колючей проволокой и окунулся в дождь.

Впереди лежала разбитая асфальтовая дорога, по обеим сторонам которой вздымались вековые деревья, словно жуками-древоточцами изъеденные пулевыми отверстиями. Виктору почему-то вспомнилась легенда о «дороге в никуда», участке автострады в Нью-Мексико, на котором вот уже много лет беспричинно и бесследно пропадают люди. Вот он, путь в Зону, откуда на Большую Землю возвращаются единицы... только для того, чтобы снова уйти и больше не вернуться.

— Здравствуй, Зона, — сказал Виктор.

Зона молчала. Лишь дождик равнодушно постукивал по козырьку камуфлированной кепки, словно раздумывая: сразу залезть за шиворот незваному гостю липкими холодными пальцами или все-таки пусть немного освоится.

Виктор двинулся вперед, попутно восстанавливая в памяти и соотнося с местностью карту, которую недавно показывал ему генерал. Но, пройдя с полсотни шагов, невольно остановился.

За ближайшим кустом лежал человек, практически разорванный напополам пулеметной очередью. Рядом с ним валялся распотрошенный старый рюкзак, из которого вывалилась размокшая краюха серого хлеба.

Виктор подошел ближе. Судя по виду внутренностей, вывалившихся из живота, человек был мертв не более суток, но за это время его ноги какой-то зверь успел сожрать почти до половины. небритый подбородок, седые волосы, старая, латаная-перелатаная одежда. Но не божж, все заплатки наложены аккуратно. А вот рюкзак распорот ножом и

полностью выпотрошен. И поскольку рядом нет ни пятен крови, ни второго трупа, получается, что содержимым того рюкзака поживилась охрана блокпоста.

Виктор посмотрел назад и нехорошо улыбнулся. Сейчас он сожалел, что потратил столько сил, выполняя личную просьбу куратора без необходимости никого из военных не убивать. Куратор, контролирующий деятельность российских войск на территории Украины, предупреждал, что эта местность сильно влияет на людей, порой превращая их в жуткие порождения Зоны. Но если военный не считает для себя зазорным убить старика, а после обогнуть и оставить труп на съедение мутантам, то это уже не военный, а именно то самое порождение Зоны, по поводу которых майор Виктор Савельев имел совершенно четкие инструкции.

...Он шел и думал о том, что попал в очень странное место. Полчаса назад из кустов на него выскочила жуткого вида тварь, похожая на пузырь с ножками, глянула глазами навыворот, понюхала воздух вывернутыми ноздрями, заблеяла жалостливо и довольно шустро для такой внушительной туши свалила обратно.

Патронов Виктор взял с собой немного, да и не любил он стрелять без особой нужды. Поразмыслив, он остановился, расстегнул сумку и достал оттуда черный вакидзаси. Уникальный клинок этого короткого японского меча, больше похожего на длинный нож, был выкован в незапамятные времена, а косираэ — ножны, рукоять и все остальное изготовил современный мастер якудза из знаменитого клана Ёсимунэ. Немного подумав, Виктор засунул меч за пояс на самурайский манер и пошел дальше.

Места вокруг сильно напоминали пейзажи какого-нибудь постапокалиптического романа. Искореженные, лысые деревья росли вперемешку с роскошными елями и соснами, словно высосавшими все соки из несчастных соседей. Вдоль дороги то и дело попадались ржавые машины, вросшие в землю по самые оси. В кабине одного «ЗИЛа» Виктор разглядел прекрасно сохранившийся человеческий скелет, положивший фаланги пальцев на руль и сосредоточенно глядевший вдаль пустыми глазницами.

Он обогнул изрешеченный пулями остов автобуса и удивился еще одному сюрпризу. За автобусом замер облезлый БТР-70 с дыркой в башне вместо положенного ствола КПВТ. Вроде бы старье старьем, но что-то привлекло внимание Виктора. Он подошел к брошенной машине, обошел ее вокруг и только после этого понял — БТР был абсолютно симметричным, словно кто-то рассек машину вдоль, одну часть выбросил, а вторую, скопировав зеркально, искусно приварил обратно. Даже пятна ржавчины по бокам машины, даже царапины на бортах имели зеркальный аналог с другой стороны машины. Но больше всего Виктора добил бортовой номер, набитый белой краской через трафарет. С одной стороны 811, с другой — 118.

Заметив движение справа, Виктор оторвался от созерцания бронетранспортера и повернул голову.

Метрах в пяти от него бежала собака, волоча за собой по жухлой траве ворох внутренностей, вывалившихся из прогнившего живота. Собака вообще сгнила почти наполовину, через две рваных дыры в ее боку были видны ребра, едва прикрытые клочьями кожи, но она бежала, причем довольно резво.

Виктор шевельнулся — и жуткая псина тут же остановилась как вкопанная, повернув в его сторону морду. На месте ее глаз зияли черные провалы, из которых сочился гной, наполовину размытый дождем. Собака сосредоточенно понюхала воздух остатками носа, скулинула разочарованно и потрусила дальше.

«Ну и местечко, — подумал Виктор. — А генерал-то почти не соврал, когда сказал, что это филиал ада на земле».

Внезапно в его кармане заверещал небольшой наладонный компьютер, которым его снабдили перед рейдом. Мордатый завсклада пояснил:

— Это конфискованная сталкерская хрень со сканирующим приемником широкого диапазона. Модель Z-2, самая последняя. Я тебе ее настроил, чтоб слышать, о чем ублюдки трут между собой на своих волнах. От себя отрываю, дорогуший — жуть.

Тогда еще Виктор подумал, откуда заведующий вещевого склада знает цену сталкерского наладонника и почему он отрывает его от себя словно товар, который собирался выгодно продать. Теперь понятно. Похоже, местные военные вовсю делают в Зоне свой маленький бизнес, отбирая у сталкеров или снимая с их трупов все более-менее ценное и потом продавая им же, либо сплавляя конфискат на Большую Землю. Мерзкое дело, но в то же время любая война во все времена — это бизнес, в котором главным поставщиком товара является смерть...

Сквозь треск помех, несущихся из динамика наладонника, прорезался полный отчаяния голос:

— Всем, кто меня слышит! Мы окружены группой бандитов. Нужна помощь!

Судя по голосу и доносящемуся треску выстрелов, парню приходилось действительно туго. К тому же попавший в переделку сталкер был не один на волне. Его призыв перебил наглый баритон, специально коверкающий слова на блатной манер:

— Тебе по-любэ недолго осталось, козлина, верещи, не верещи. Я те ща жопу порву на фашистские знаки!

Парня такой расклад не устраивал, поэтому он заблажил с новой силой:

— Братки, выручайте, беспредел творится, бандиты совсем охренели! Блин, да есть кто-нибудь рядом? Нам тут кирдык приходит! Мы в ангаре, за Первым холмом. Сбрасываю координаты... выручайте, братцы...

Треск помех возрос, и дальнейшие слова стало уже не разобрать. Но Виктор успел щелкнуть ногтем по кнопке «Карта» и выбрать режим «Пеленг сигнала». Умная машинка быстро выдала результат.

Судя по карте, бой и вправду шел неподалеку, где-то за огромной кучей всякого хлама высотой с пятиэтажку. Что ж, выполнение задания в данном случае начиналось с поиска информации, и всегда самый лучший способ ее раздобыть это заручиться доверием местного населения. Виктор сунул наладонник в карман и, мягко стартанув с места, побежал по разбитому шоссе...

...Выстрелы он услышал сразу, как только обогнул гигантскую мусорную кучу. Пальба шла где-то за кирпичной стеной, за которой вздымалась вверх крыша огромного ангара или депо, обвалившаяся в нескольких местах и этим сильно напоминавшая разложившийся бок недавно виденной собаки. В стене тоже имелась дыра, в которую Виктор без проблем просочился внутрь.

Похоже, он успел вовремя. Внутри ангара стрельба шла не на шутку. Нападающие явно вели огонь на подавление, не давая обороняющимся высунуться, продвигаясь вперед и подбадривая себя криками с характерной интонацией:

— Вали, вали его! Кандехай веселей! Вали актив, мля! Ща мы их!

Подобные интонации Виктор не любил еще со своего памятного посещения пресс-хаты следственного изолятора. Но сейчас усмирять бандитов методами нинпо времени не было, да и наличие в руках нападавших огнестрельного оружия не способствовало упражнениям в древних боевых практиках. Потому Виктор извлек из ножен черный меч и скользнул за угол...

Внутри ангара стояли несколько на удивление хорошо сохранившихся вагонов. Все-таки, похоже, когда-то это здание было чем-то вроде ремонтной мастерской. С потолка на цепи свешивался ржавый крюк, на котором болтался высохший фрагмент чьей-то грудной клетки, вдоль стен тянулись ремонтные ямы, а в противоположном конце ангара были навалены кучей какие-то ящики, за которыми, по-видимому, и прятались те, кто зывал о помощи.

Нападающие стояли спиной к Виктору, стреляя увлеченно и с азартом, свойственным для групповой охоты на человека. Непростительная оплошность. Бандитов было человек семь, все как один одетые в одинаковые черные куртки, тренировочные штаны и кроссовки. Униформа в их шайке, что ли, такая оригинальная? Или это чтобы кровь от ран на одежде не видна была и боевой дух товарищей не подрывала? А оружие, конечно, у них не очень. ПМ, обрезы ружей да у двоих автоматы МП5, старшие наверно...

Все это Виктор прокручивал в голове, методично, словно капустные кочаны, снося головы стрелкам в черных куртках. Пока они осознали, что на них напали с тыла, их банда уже сократилась наполовину.

— Урою, мля! — заорал оставшийся в живых автоматчик, разворачивая в сторону Виктора свой МП5.

«Слишком медленно», — отметил про себя Виктор, отбивая ствол в сторону ударом ноги. Меч упал сверху, словно нож гильотины, и обе руки бандита неторопливо отделились от тела. При этом указательный палец продолжал жать на спусковой крючок, и пули выбивали искры из рельс и стальных перекрытий до тех пор, пока в магазине не закончились патроны.

Крайний слева бандит схватился за живот и скорчился на полу в позе эмбриона — не иначе, поймал пулю, прилетевшую с противоположной стороны ангара. Единственный оставшийся в живых нападающий бросил пустой обрез и чесанул, было, вдоль рельс к наружным воротам мастерской, но несколько пуль ударили его меж лопаток и в поясницу, сбив с ног и грубо бросив лицом на шпалы, которые почти мгновенно окрасились в темно-вишневый цвет. Виктор подумал, что даже на черной куртке заметна кровь, когда ее бывает слишком много.

Он резко тряхнул мечом. Алые капли сорвались с полированного клинка, нарисовав на полу ангара четкую прямую линию. Виктор медленно вложил меч в ножны и неторопливым шагом направился в ту сторону, откуда прилетели пули...

Сталкеров было трое. Все довольно неплохо экипированы, у одного, наверно особо пекущегося о здоровье, имелась даже кислородная маска с двумя небольшими баллонами за спиной. Оружие, правда, тоже не фонтан — два АКС-74У и все тот же МП5.

Один, судя по габаритам и тяжелому взгляду старший группы, проговорил:

— Ну что, сталкер, подходи, поболтаем. Меня Серым кличут, а это кореша мои, Жора Самурай и Петя Малыш.

— Спасибо, что помог, было жарко. Ты, вообще, откуда нарисовался?

— С Большой земли, — дипломатично ответил Виктор. — И тоже не отказался бы от помощи.

Судя по немигающему взгляду старшего, он ждал продолжения. И Виктор продолжил:

— Я ищу Снайпера, слышал о таком?

Сталкер молчал, глядя в одну точку за спиной Виктора, словно его собеседник был прозрачным. Потом его губы начали шевелиться, словно жили своей собственной жизнью отдельно от лица:

— Хорошо, учитывая твою почти безвозмездную помощь, слушай. Меня будет ждать один из ребят, бывший диггер, Кротом кличут. Он раскопал нычку Стрелка и вытащил...

— Какого стрелка? — перебил говорившего Виктор. — Я вообще-то говорил о Снайпере?

Но сталкер продолжал нести какую-то чушь про документы, бандитов и место, которое кто-то зачем-то запомнил.

Внезапно Виктор почувствовал, что пространство вокруг него стало плотнее. Немного, незаметно, возможно, обычный человек не обратил бы на это ни малейшего внимания. Но Виктор не был обычным человеком, и его тренированное шестое чувство подсказывало — сейчас в этом месте происходит что-то странное. На память пришли слова Учителя о том, что на земле есть места, где на дне спокойной и плавной реки мироздания вдруг появляется глубокая яма, над которой образуется водоворот, затягивающий в нее все, что несет река. Сверху движение закрученного в спираль времени незаметно, но водоворот затягивает все глубже, и, наконец, наступает миг, когда его силе невозможно сопротивляться...

Виктор быстро сложил пальцы в фигуру «докко», вызывая в глубине легких вибрации, которые несведущие европейцы называют заклинаниями. На самом деле это просто набор звуков, соответствующих ритму Вселенной и помогающих воину сконцентрировать силы.

— Он бай ши ра ман та я со ва ка...

Пальцы Виктора изменили положение, сложившись в «дайконго», помогающее направить удар в нужную сторону.

— Он и ша на я ин та ра я со ва ка...

Словно почувствовав что-то, спираль времени вздрогнула. В остекленевших глазах сталкера по кличке Серый мелькнула мысль. На его лице отразился неописуемый ужас. Он с мольбой посмотрел на Виктора.

— Меня теперь стерегут... — прошептали его губы.

«Я вижу», — подумал Виктор, изо всех сил продолжая удерживать пространство и не давая ему окончательно свернуть время в жуткий водоворот. Его пальцы сплетались в немыслимых комбинациях, дергая за нити невидимого мира, которыми было пронизано все пространство Зоны. Почему же он сразу не вошел в сферу Второго внимания и не посмотрел, куда он попал? В этом месте, называемом Зоной, время, пространство и немыслимые пучки потусторонних энергий составляли жуткий коктейль, не имеющий ничего общего с привычным миром. И сюда люди ходят по собственной воле? Безумцы!

Наконец Виктор почувствовал, как постепенно пропала давящая тяжесть, невидимым обручем стягивающая его голову. Он знал — это не победа. Это отсрочка, потому что человек не может в одиночку бороться с такими силами. Сейчас они просто отступили ненадолго, как удивленно пятится назад слон, чудом разглядевший вцепившуюся ему в палец мышь, которой он наступил на хвост. И кто предугадает, через мгновение или через минуту двинется вперед его нога, размазывая крошечное тельце в кровавую пленку?

Взгляд Серого снова был мертвым, никаким.

— Ты в бар зайди, — сказал он. — Туда вообще заходить полезно, а новичкам вроде тебя вообще доктор прописал: там опытные мужики бывают, тусуются, подскажут, что да как.

— Спасибо, — сказал Виктор.

— Вот, кстати, денюжка в благодарность за помощь, — произнес сталкер, протягивая внушительную пачку сторублевок.

— Не надо, — покачал головой Виктор. Он уже чувствовал — еще совсем немного, и выравнивавшаяся гладь реки времени провалится уже не в воронку, а в черную и непроглядную бездну. — Пойдем. Смотри, в десяти шагах от нас открытые ворота. Просто соберись, прикажи своим — и пойдем.

Но сталкер повернулся и пошел к костру, возле которого сидели его напарники, неотрывно глядя в огонь. В их остановившихся глазах плясало отраженное пламя.

Виктор повернулся и пошел к выходу, ощущая, как за его спиной вновь начинает сворачиваться пространство. Тогда он побежал, осознавая, что лишь считанные мгновения отделяют его от провала во что-то страшное, гораздо более ужасное, чем обычная смерть...

Он выбежал за железные ворота и обессиленный упал на сухую траву. Бой с пространственной воронкой выпил почти все его силы. А за его спиной вновь трещали выстрелы и из кармана камуфлированной куртки сквозь помехи неся полный отчаяния голос:

— Всем, кто меня слышит! Мы окружены группой бандитов. Нужна помощь! Братки, выручайте...

БАР «СТО РЕНТГЕН»

— Как ты думаешь, почему бар называли «Сто рентген»?

Парень в рыжей толстовке задумался. Его сизый нос сосредоточенно уставился в стакан, на треть наполненный прозрачной жидкостью.

— Ответ ищешь? — ехидно поинтересовался неплохо экипированный сталкер, расположившийся рядом. — Как говорили древние, *in vino Veritas*?

— Отстал бы ты от человека, Геолог, — посоветовал из-за соседнего стола «долговец». Одинокая сорокаваттная лампа, висящая над его головой, освещала лишь квадратную

челюсть да ручищи, смахивающие размерами на малые саперные лопаты, — остальное, запакованное в черную униформу, тонуло в тени. — Не видишь, горе у него, ствол свой никак не найдет, душа не на месте. А сто рентген — это та средняя доза, что ты за год в Зоне хапашешь. Итого за четыре года безвылазно выходит сталкеру крышка, если он соответствующими артефактами не затарится и на радиопротекторы забудет. Критическая доза, острая лучевая болезнь — и привет родителям, отмучился, сердешный.

— Да я чо? Я ничо, — съехал с темы тот, кого назвали Геологом. — Я его отвлечь хотел, а то он по своей двустоволке тоскует, будто корову в карты проиграл. Эка невидаль. Ты давай к нам, чего в одну харю стол локтями давить?

Долговец недолго думая, принял приглашение, захватив с собой наполовину опустошенную бутылку «Казак», стакан и стопку бутербродов на бумажной тарелочке.

— Угощайтесь, — произнес он, дополнив слова широким жестом.

— Вот это по-нашему, по-сталкерски, — обрадовался Геолог, разливая презент по стаканам.

— Не в обресе дело, — подал голос обладатель сизого носа, подняв на собутыльника напротив бессмысленный взгляд человека, всецело занятого вдумчивым лечением вчерашнего похмелья. — Скушно.

— Что есть — то есть, — согласился долговец. — Выброс, сцуко, со дня на день саданет, а ты жди как бомж поезда, когда же тебе благодать в кепку посыплется. Второй день здесь сидим, подмышки чешем. И в Зону не пойти — стремно, и тут сидеть тошно, уже сил никаких нет.

— Это точно, — согласился еще один сталкер, подойдя к компании из дальнего угла бара. — Примете четвертым? А то скучно в одну харю водку жрать, сил нет.

— Давай, Лысый, располагайся, мы тут как раз за скуку чешем, — махнул рукой долговец. — И бутыль общаковая кончается.

— Развеселить, что ль, вас? — задумчиво проговорил Геолог.

— Ну, рискни здоровьем, — хмыкнул долговец.

— Попробую, — кивнул сталкер. — Вот скажите, кто-нибудь из вас псевдогиганта видел?

— Я в-видел, — заплетающимся языком проговорил бедолага, горюющий об утрате ружья. — Он меня п-потом долго преследовал... по жидкому следу.

Геолог хмыкнул.

— Так вот, прикиньте, научники доказали, что у псевдогиганта четыре руки! Ходит он на двух руках, еще две растут из плеч, а под хвостом растет недоразвитая нога.

— Весело, — кивнул долговец. — Только я предполагаю, что у того псевдогиганта, которого яйцеголовые изучали, не нога из задницы росла, а непереваренный «свободовец» наружу лез.

— Или там п-прятался, — высказал свою версию безутешный владелец утерянной двустоволки, изучая на просвет содержимое пустого стакана на предмет, не осталось ли там чего.

— Или так, — согласился долговец. — Под хвостом прятаться у того, кто посильнее, — самое милое для «Свободы» занятие.

— Да уж, повеселить не получилось, — с тоской протянул Геолог, по-хозяйски забирая бутылку, которую принес Лысый. — Хоть бы подрался кто. Или девки приехали, что ли. Говорят, после того как у Всадников «Фотошоп» свистнули, их банда развалилась, и многие из ихних телок с фенакодусов на нечто другое пересели. И красивые-е...

— Угу, — угрюмо отозвался долговец, между делом считая «бульки», выплескивающиеся из узкого горлышка привнесенной в общак стеклотары. — Только после твоих всадниц многих сталкеров девки вообще потом не интересуют. Они ж фонят, что твои «Золотые рыбки». Вроде и облегчение почувствовал, и в то же время за час удовольствия те самые сто рентген и хапнул. Может, потому бар так и называется, что они сюда частенько заглядывают.

— Не, сегодня не заглянут, — сказал парень в толстовке, смачно вгрызаясь в бутерброд с колбасой. — Они чо, блаженные, перед... ык... выброс... ам по Зоне шататься?

— Ты или колбасу глотай, или говори, — посоветовал долговец. — А насчет ста рентген давай у бармена спросим, он уж точно знает, с чего евонный каба́к так называется.

Но осуществить свой план воин «Долга» не успел. А Геолог, перестав сжевывать из опустевшей бутылки в свой стакан последние капли, вдруг аккуратно отставил ее в сторону. Но не под стол, как принято, а именно в сторону, на край стола. При этом его расслабленный водкой взгляд вдруг резко обрел осмысленность и сфокусировался в районе лестницы.

Трое его приятелей, стоявшие у высокого столика спиной к лестнице, разом повернули головы.

Сегодня в баре народу было немного — лишь четверо завсегдатаев расслаблялись местным алкоголем и нехитрой закусью, стоя за столами, высота которых не предусматривала стульев. Да как всегда торчал у барной стойки неприятный тип с длинным погонялом Осведомитель, в своей черной хламиде, сильно смахивающей на облачение лейтенанта «Ренегатов» без знаков различия. Кстати, может, и был он когда-то тем лейтенантом, а может, оставался им и по сию пору. «Ренегатов» не спросишь, скорее, пулю от них промеж глаз получишь, а информацию о самом себе Осведомитель не продавал ни под каким видом. Про других — завсегда, пожалуйста. Причем откуда что узнавал — бес его знает, но пока еще ни разу не ошибался.

Но Геолог глазел не на Осведомителя. И правильно, чего на него глазеть, уже третий месяц здесь торчит почти безвылазно, считай, элемент интерьера, типа местной охраны заведения, братьев Гарика и Жорика, не признающих зоновские погоняла. Хотя, может, «Гарик-Жорик» погоняла и есть. Тема, кстати, для обсуждения. Но эта тема уже и так была замусолена не хуже зеленых трешек и деревянных рублей в кассе бармена, что ходили туда-сюда, не покидая стен бара, в режиме пол-литра — сдача — закуска — сдача — новая пол-литра на сдачу — и все по новой.

А вот по лестнице неторопливой, пружинящей походкой спускалась абсолютно новая тема. Для обсуждения, разговора или разборки — это уж как получится. Новый человек в баре — это всегда или то, или другое, или третье.

— Бром, ты его раньше видел? — негромко спросил Лысый.

— Не-а, — так же вполголоса отозвался долговец.

— А ты, Охотник?

— В п-первый раз, — старательно выговорил парень в толстовке. — Н-новичков нынче как собак нерезаных, поди, всех упомни.

Долговец показал Осведомителю глазами на нового посетителя, но тот из недр черного капюшона коротко мотнул головой: мол, нет, не знаю этого парня. И потер указательный палец о большой — типа, должен будешь. Бром кивнул — цена такой информации стакан, и то неполный, — и повернулся к собутыльникам.

— Всезнайка его тоже впервые видит. Значит, точно баклан.

— Что-то он для баклана больно пружинисто ходит, — отметил Геолог. — Может, это тело в Зоне и зеленое, но по жизни я б его запрессовывать не стал. Себе дороже.

— Вечно ты перестраховываешься, — поморщился Лысый. — Скушно же, сил нет, уже от водки мутит, куда это годится?

— А ты не пей, — посоветовал Геолог.

— Может, еще и не дышать?

— Не дыши, — пожал плечами Геолог. — Глядишь, тогда выпьем по-нормальному, без приключений.

— Ну, уж нет, — произнес Лысый, отваливаясь от стола. — Вы как хотите, а я пойду разужнаю, что это за баклан и какого ему в «Ста рентгенах» нужно.

Отходил он от стола, слегка покачиваясь, но к барной стойке подошел уже вполне контролируя себя в пространстве. Потому без приключений плюхнулся на круглый табурет, заказал себе «ерша» — двести «Казачков» плюс столько же «Obolon Zona premium» сверху — и обратился в слух.

То, что пришлый сталкер новичок, ясно было каждому. Нулевая камуфля, усиленная вшитыми бронепластинами, новые берцы, подошвы которых еще почти не ведали, что есть такое отравленная почва Зоны, парашютная сумка с барахлом через плечо — не иначе для понтов, нормальная тема для начинающего, который еще не в курсе, что лучше брезентового рюкзака в Зоне ничего нет, — и, считай, только с завода малогабаритный автомат «Вихрь», небрежно болтающийся на ремне в районе подмышки как вещь абсолютно ненужная. Все это выдавало в посетителе бара какого-нибудь богатенького легкоатлета, решившего со скуки пощекотать себе нервишки разрекламированным в СМИ экстримом. Зоной то есть. А богатенький спортсмен — это всегда деньги, особенно после того, как этот самый экстрим щелкнет его по носу лапой псевдоплоти или зацепит краешком аномалии. И тогда ломанется тот искатель приключений в ближайший бар с воплями на тему «плачу любые деньги, только выведите меня отсюда, господа сталкеры». Плавали, знаем. Как раз для таких случаев полезно заранее заводить с новичками знакомства. Глядишь, еще и в проводники наймут — тогда вообще лафа. Покажешь ему тот экстрим в развернутом виде за энную сумму, а потом за удвоенную выведешь хнычущего и растерявшего самоуверенность хлыща за Кордон — вот, считай, не зря половину недели прожил.

Но на этот раз Лысый просчитался.

Новичок сел на табурет. Бармен смерил его равнодушным взглядом и спросил, протирая стакан:

— Что заказывать будете?

— Воды, — коротко ответил посетитель.

Бармен аж чуть стакан не выронил от неожиданности. Его брови встали домиком от удивления, рыбы глаза, и без того слегка навывкате, округлились еще больше — того и гляди из орбит вывалятся.

— И... больше ничего? — уточнил он. — Может, желаете местных деликатесов отведать? Вот, например, буквально час назад доставили свежайший глаз псевдоплоти. В собственном соку да под майонезом просто исключительная вещь. Рекомендую, мое коронное блюдо. Под водочку, разумеется.

— Мне воды, пожалуйста, — вежливо повторил посетитель. — Без глаза.

Бармен пожал плечами, поставил стакан на стойку, свернул голову пластиковой бутылки и нацедил полстакана.

— А тебе моя водичка зачем нужна? — повторил он фразу из бородатого анекдота, длинным отработанным жестом посылая заказ посетителю. Тема старая для «Старентген» — не отловил стакан, пущенный по отполированной поверхности стойки, значит, хреново у тебя с реакцией. То есть хреновый ты сталкер. А хреновый сталкер платит и за разбитый стакан, и за то, что внутри него. Если же не уверен в себе, иди за стол, туда все принесут, но обслуживание оплачивается отдельно.

Стакан был намеренно пущен сильнее, чем обычно — бармен для своих лет был еще тот кабан, не смотри, что брюхо через штаны переваливается. Но посетитель, не моргнув глазом, отловил заказ, ловко накрыв его ладонью сверху.

— Чисто для употребления вовнутрь, — улыбнулся он нижней половиной лица. При этом его глаза оставались бесстрастными, словно под веками у него были вживлены искусственные шарики. Неприятный такой взгляд, так и хочется влепить меж теми шариками пулю. Или просто перейти за соседний столик от греха подальше.

— С вас три рубля, — сказал бармен. И, перехватив недоуменный взгляд посетителя, пояснил: — Здесь бар, а не водопой. Самое дешевое, что мы наливаем в стаканы посетителей, это пиво. Потому чистая вода не в составе коктейля идет по цене пива.

Посетитель безропотно полез в карман, достал оттуда пачку хрустящих сотенных, отлистнул одну, подождал, пока бармен отсчитает сдачу, и, не пересчитывая, сунул бумажную кучу обратно в карман.

Плотно облизнувшись, Лысый наблюдал, как новичок неторопливо выпил воду, поставил на стойку стакан и поднял глаза на бармена. Две-три секунды они изучающе смотрели друг на друга. Похоже, ничья — взгляда никто не отвел. Удовлетворившись

осмотром оплывшей физиономии хозяина «Ста рентген», посетитель еще раз улыбнулся и произнес:

— У меня к вам дело.

— Что за дело такое? — буркнул бармен, слегка обескураженный тем, что новичок под его немигающим рыбьим взглядом не опустил глаза.

— Мне рекомендовали вас как человека знающего и компетентного, для которого в Зоне нет секретов.

Бармен немного размяк.

— Ну, это громко сказано. Зона каждый день подкидывает новые сюрпризы. Но в старых я и вправду немного разбираюсь.

«Ведется старик на грубую лезть, — отметил про себя Лысый. — А зря. Баклан не так прост, как хочет казаться».

— Мне нужно найти несколько человек, — продолжал новичок, рассеянно вращая между пальцами пустой стакан. — Говорят, они где-то здесь, в Зоне. И если вы мне поможете, поверьте, я не останусь в долгу.

— Вам нужны конкретные люди? Или просто опытные сталкеры-проводники? — осведомился бармен, предвкушая наживу и в том и в другом случае. Посредничество — хороший бизнес. Вложений ноль, трудозатрат — только языком почесать, а отдача бывает очень даже нехилой.

— Конкретные люди, — кивнул посетитель, вынимая из стаканчика салфетку. Бармен предупредительно протянул перспективному клиенту огрызок карандаша. Тот вторично кивнул в знак благодарности и, быстро нацарапав на салфетке несколько слов, пододвинул ее бармену.

Лысый наблюдал, как меняется физиономия хозяина «Ста рентген». Вначале она слегка побледнела, словно кровь от нее отхлынула куда-то в недра бездонного брюха. Но потом та кровь вернулась в удвоенном количестве, отчего лицо хозяина бара стало напоминать перезревшую свеклу.

По опыту Лысый знал, что сейчас бармен сердит весьма и весьма. А когда он сердит, то может натворить нехорошее — силищей бог его не обидел. Если же сам не сдюжит, то Гарик с Жориком подсобят, этим только свистни, а потом не забудь указать место, где закопать труп. Хотя с них станется и просто из бара мертвое тело выбросить на потеху «долговцам», которые в дела Бармена никогда не суются. Только вот интересно, с чего это старика так расколбасило?

— А не мусорок ли ты часом? — спросил бармен так, что услышали все посетители.

Мент, что в Зоне Отчуждения, что в зоне строгого режима, — тема одинаковая, так как контингент и там и там отличается не особо. Разве что в зоне сидят уже отловленные преступники, а по Зоне шарятся те, кого правоохранительные органы поймать пока не смогли. Потому слова бармена были сигналом.

Самому ему как хозяину заведения валить вычисленного мента не с руки, его охране тоже. А вот посетителям бара это абсолютно не запахло. За пятьдесят процентов денег и хабара, что будет снято с трупа ушлого ментеныша, вознамерившегося сделать из бармена стукача.

Все это промелькнуло в голове Лысого за долю секунды, пока привычная ладонь принимала в себя рукоять тонкого стилета, от неуловимого движения скользнувшего из рукава в ладонь. Оставалось немного — незаметно ткнуть мусорка под ребрышко, а потом сильно удивиться, мол, надо же, как человека со стакана Йоды развезло! Ох, ты, батюшки, да он, похоже, помер! Ай-ай-ай, бывает же такое! Во цвете лет...

Лысый и ткнул, уже почти чувствуя, как игольчатый клинок легко проникает меж бронепластинами. Простое движение, туда-сюда, а полпачки сотенных, считай, уже в кармане.

Но, к большому удивлению убийцы, стилет проткнул пустоту. А потом Лысый увидел, как что-то полупрозрачное и круглое стремительно приближается к его лицу...

В тишине, повисшей в прокуренном воздухе бара, послышался отчетливый хруст, словно треснула очень сухая палка. Геолог невольно поморщился и осторожно поставил под стол пустую бутылку, которую он, услышав слова Бармена, уже ухватил, было за горлышко, чтобы превратить в «фрозочку». Лысый успел раньше — и сейчас он валялся около стойки бара со стаканом, вбитым в лицо по самое донышко. Геолог увидел, как по граненому боку стакана медленно стекает содержимое глаза незадачливого убийцы, и как-то резко передумал бить пустую тару об край стола и идти вторым под раздачу.

— Хренассе... — выдохнул парень в толстовке, из головы которого, похоже, моментом выветрился весь хмель. — Глянь, стакан даже не разбился.

Из глубины бара колыхнулась людская масса, не разобравшая что к чему. Кто-то даже выкрикнул: «Наших бьют!» — но благородный порыв масс был остановлен громовым окриком бармена:

— Прекратить свару! Тут у нас не «Шти» какие-нибудь, а порядочное заведение! Кто махаться хочет — все на улицу!

Бармена можно было понять. Он ясно видел, как, вбив стакан в лицо Лысого, незнакомец быстро сунул руку в карман. И вытащил обратно. После чего кулак у него стал выглядеть гораздо более массивным. А из массивного кулака красноречиво торчал запал без чеки. Чеку незнакомец аккуратно положил на стойку — и когда только успел выдернуть?

— Давайте не будем ссориться, — примирительно сказал он. — Не хотите продать информацию — не надо, я ж не настаиваю.

Народ, подтянувшийся было к стойке, увидев такое дело, организованно направился к выходу. Не особо спеша — не такой дурак новичок, чтобы подрывать себя ни за хвост собачий. Но в то же время и не задерживаясь — вдруг все-таки дурак, кого только в Зону не заносит.

— Да я и не собирался ссориться, — слегка дрогнувшим голосом произнес Бармен. — Только это... шел бы ты отсюда своей дорогой, сталкер.

— Хорошо, — сказал незнакомец, аккуратно вставляя чеку обратно и кладя на стойку ребристую гранату. — А это вам на память.

И направился к лестнице.

Его никто не остановил — некому было. Гарик с Жориком, справедливо решив, что жизнь дороже теплого места, покинули свои посты вместе с остальными. Хлопнула тяжелая дверь наверху.

— Ф-ффу, — произнес Бармен, утирая пот со лба. И тут до него дошло.

Граната была черного цвета, а с запала свешивалось ярко-алое кольцо предохранительной чеки.

— Вот гад, а! — восхитился хозяин «Ста рентген». — Развел как пацанов.

— Ну да, — сказал Осведомитель, вылезая из-за стойки и беря в руки «эфку». — Учебная, блин. Только кто ж про ее цвет думает, когда кольцо видит. Значит, мусорок предвидел ситуацию.

— Далеко пойдет, — задумчиво проговорил Бармен. — Если не остановят.

— Пойду-ка я остановлю, пока он далеко не ушел, — сказал торговец информацией, кладя гранату обратно на стойку и перешагивая через труп Лысого.

— Ну, сходи, сходи, — сказал Бармен, глядя ему вслед. Потом его взгляд упал на салфетку, придавленную гранатой. Гранату он небрежно выбросил в мусорный ящик, а вот салфетку, напротив, очень аккуратно сложил вчетверо и спрятал во внутренний карман.

СНАЙПЕР

Я просто стоял и смотрел на нее. Этого у меня никто не отнимет. Просто стоять и смотреть. И надеяться, что она когда-нибудь все-таки откроет глаза цвета единственного в мире артефакта.

Она лежала на койке, до подбородка накрытая снежно-белым одеялом. Рядом с койкой стояла капельница с трубкой, уходящей под одеяло. Я знал, что Доктор специально не показывает мне, что стало с ее телом. Но я и не настаивал. Доктор всяко знал, как будет лучше для меня и для нее. Например, вчера он сказал, что, если бы я не принес тот светящийся предмет из другого мира, сегодня бы ее уже не было на свете. Что ж, я сделал все, что мог. И сделаю еще больше, если потребуется.

Я не мог объяснить самому себе, почему мне так дорога эта девушка. Мы всего-то обменялись лишь парой фраз, но иногда десяток слов может быть дороже миллиона других, бесполезных и ненужных. Дороже собственной жизни. Раньше бы я счел такие слова высокопарными и напыщенными. Сегодня, когда Доктор, наконец, снял с меня повязки, он сказал, что, если б штык прошел на волосок правее, я был бы уже мертв. Значит, это не просто высокие слова «пойти за край земли или отдать жизнь за того, кто тебе действительно дорог. Только ради того, чтобы этот человек остался в живых...»

Когда я пришел сюда, я ничего не знал о Зоне. И о себе тоже. Ученые за Периметром заблокировали мои воспоминания о прошлой жизни, для того чтобы сделать из меня машину убийства без чувств и эмоций. И снабдили меня заданием — найти Директора комплекса подземных лабораторий «Икс», что было фактически равносильно приказу уничтожить Монолит.

Я шел через Зону, уничтожая все, что мешало мне на пути к цели. Но на этом пути я встретил эту девушку — и, возможно, в тот самый момент в моей голове начался возврат к прошлой жизни. До цели я дошел и выполнил задание. Прежде чем погибнуть, Директор подземных лабораторий вернул мне память, а Монолит отдал свое сердце — артефакт «Чистое небо», излечивающий любые болезни, отклоняющий пули и заодно позволяющий проникать через границу между мирами.³

Я выполнил задание, получил бесценный приз, вернул себе память... но потерял любимую. Вернее, почти потерял.

Ее грозная банда, лишенная артефакта «Фотошоп», а значит и львиной доли доходов, распалась, а остатки банды были уничтожены группировкой «Свобода». Возможно, этой девушке повезло, а может, было б лучше, чтобы ее настигли пули «свободовцев» — по крайней мере, она умерла бы быстро и без мучений. Но немногим раньше она покинула банду, обнаружив у себя признаки острой лучевой болезни, которая в половине случаев начинала развиваться у человека после обработки «Фотошопом». Страшная расплата за неземную красоту.

Когда я отыскал Сорок пятую, как звали ее в группировке Всадников, ей было уже очень плохо. Она не узнала меня. Она уже не узнавала никого, стоя на границе между жизнью и смертью. Тогда я взял ее на руки и отнес к Болотному Доктору.

— Как сейчас помню — старик покачал головой и испытующе посмотрел на меня:

— Что ты готов сделать, Перехожий, для того чтобы она осталась в живых?

Это был очень странный вопрос, и я пожал плечами:

— Все. Например, обменять ее жизнь на свою.

Похоже, Болотный Доктор слегка удивился:

— Странные слова ты говоришь, сталкер. Здесь каждый цепляется за жизнь, а ты предлагаешь ее к обмену, словно недорогой артефакт.

— Зачем мне жизнь? — улыбнулся я тогда. — Есть, спать и убивать для того, чтобы было что поесть и где поспать? Это скучно и бессмысленно. А эта девушка поет так, что душа плачет одновременно от радости и печали. И еще у нее самые красивые в мире глаза. Так что, думаю, это справедливый обмен: отдать то, что тебе не особенно нужно, за то, что тебе просто необходимо.

Тогда Болотный Доктор задумался ненадолго, почесывая короткостриженую бородку. А потом сказал:

³ Подробно эти события описаны в моем романе «Закон Снайпера» (примеч. автора).

— Я могу отсрочить ее смерть на несколько дней. На большее у меня, увы, не хватит ни знаний, ни способностей. И того и другого должно быть с избытком, когда ты пытаешься не вылечить человека, а отнять у смерти ее добычу. Но я знаю точно, что в будущем ОЛБ будет лечиться относительно легко, как сейчас пневмония, от которой еще сто лет назад не было лекарства. У тебя на поясе висит ключ от междумирья. И если ты действительно хочешь ее спасти, ты должен отправиться в будущее отражения нашего мира. Предупреждаю сразу — это очень страшное будущее, пожалуй, страшнее Зоны. Там ад, сталкер, настоящий ад...

— Что я должен найти в том аду? — спросил я.

— Базу данных всех достижений человечества того мира. Погибшего мира. Она была создана перед войной в научно-технологическом комплексе по разработке новых технологий «Сколково». Тогда же был разработан препарат, излечивающий любую стадию лучевой болезни и одновременно регенерирующий поврежденные ткани. Уверен, что сведения о нем также хранятся в той базе.

— На что похожа та база? И где мне ее искать?

— Она похожа на обычную гранату без запала. Я сброшу тебе на наладонник краткую историю войны, в которой погибло отражение нашего мира, а также карту и ключ от того места, где может храниться этот бесценный артефакт. Но еще раз подумай, готов ли ты отправиться туда?

Вместо ответа я протянул Доктору свой КПК...

Я вернулся из-за границы миров и принес Доктору требуемое, несмотря на колотое ранение в локоть и практически сожженную левую руку.⁴

Доктор сдержал свое слово. Она была жива, ее раны быстро заживали... но из комы она так и не вышла. И в принесенной мной базе данных не было сведений о том, как вернуть ее обратно к жизни...

Он всегда ходил по своему маленькому стационару абсолютно неслышно. То ли его мягкие бахилы были тому причиной, то ли еще что, но я обернулся, лишь услышав негромкое деликатное покашливание за спиной.

— Возможно, это специфические последствия обработки «Фотошопом», — сказал Болотный Доктор, подойдя ко мне. — Обычные методы возврата из комы не действуют.

Я кивнул. Это было понятно и без дополнительных разъяснений.

— Она останется здесь, пока я что-нибудь не придумаю, — продолжил старик. — Или...

— Или пока она не умрет, — сказал я.

— Или так. Но я сделаю все, чтобы этого не произошло.

— Знаю, — сказал я. — Ни вы, ни она ни в чем не будете нуждаться. Я об этом позабочусь.

— Пока что, парень, лучше позаботься о себе, — заметил Доктор. — По-хорошему, тебе бы неплохо отлежаться здесь еще с недельку.

— Я уже достаточно отлеживал бока и надоедал вам своим присутствием, — улыбнулся я. — Пора и честь знать.

— И почему я догадался, что ты ответишь именно так? — покачал головой старик. — Что ж, тогда иди, проветрись. К тебе там посетитель пришел.

Очень интересно, кто бы это мог быть. О том, что я нахожусь здесь, не знал никто, а мой КПК остался слишком далеко, для того чтобы можно было за ним вернуться. Я бросил взгляд на дверь — там, за ней, была моя палата с койкой, под которой в моем рюкзаке лежал ВСК-94.

— Не надо, — сказал Болотный Доктор. — Это Стрелок по твою душу.

Честно говоря, я бы все-таки сходил за своим снайперским комплексом — в Зоне далеко не все помнят о Долге жизни, не говоря уж о более мелких долгах. Но, если Доктор сказал не надо, вряд ли кто в его доме посмел бы ослушаться хозяина.

⁴ Приключения Снайпера в мире-отражении описываются в моем романе «Кремль-2222» (прим. автора).

Я прошел коридорчик, повернул налево и открыл входную дверь.

На крыльце дома спиной ко мне сидел короткостриженный парень. Слегка оттопыренные уши, большие залысины, капюшон куртки, откинутый назад, АКС-74У, прислонившийся к ноге, словно верный пес. И не скажешь, что живая Легенда Зоны. Интересно, а есть ли еще в Зоне дверь, к которой этот тип спокойно сидел бы спиной?

— Здорово, Стрелок, — сказал я, присаживаясь рядом.

— Слушай, сколько раз я тебе говорил, не называй меня так, — поморщился он. — Не люблю я это погоняло. Стрелков здесь, в Зоне, как собак нерезаных.

— Тогда здорово, Меченый, — равнодушно сказал я. Мне и вправду было все равно как его называть, сути это не меняло.

— Я тоже рад тебя видеть, — криво ухмыльнулся Меченый. — Держи, это тебе, болезный.

Жестом фокусника он извлек из-за пазухи целлофановый пакет, в котором лежали два желтых шара. Обалдеть... Свежие апельсины в Зоне — это что-то с чем-то.

— Спасибо, — хмыкнул я, принимая подарок. — Ты только за этим тащился через болота, чтоб меня фруктами подкормить? И, кстати, как ты меня вообще нашел?

— Элементарно, Ватсон, — прищурился Меченый. — Не люблю я, знаешь ли, когда за мной долги водятся. Тем более Долги жизни. Вот и оказался твой пеленг у меня в КПК приоритетным. И когда он пропал, я просто сопоставил последний сигнал с координатами местности.

— Все гениальное просто, — покачал я головой.

— Но, как ты, верно, заметил, перся я через болота не только для того, чтоб ты от авитаминоза не загнулся. Посмотри, это мне передал Бармен из «Ста рентген».

Я взглянул на то, что протягивал мне Меченый. Обычная салфетка, на которой четким почерком выведены в столбик четыре слова:

**Снайпер
Меченый
Призрак
Клык**

Причем Снайпер обведено дважды.

— Ну и что? — спросил я, возвращая салфетку.

— Ни хрена хорошего, — сказал Меченый. — Ищут тебя вояки.

— Ну, положим, ищут они всех сталкеров, шарящихся по Зоне, — хмыкнул я. — Список далеко не полон. И, кстати, ты тоже в том списке. Не заметил?

Но Меченый шутки не принял:

— Бармен рассказал мне, как к нему попала эта салфетка. У него в баре вчера какой-то залетный баклан убил Лысого. Просто всадил стакан по самое донышко в рожу этому придурку, который попытался его ножом пырнуть, и стекло даже не разбилось. Так вот, это он списочек искомых лиц составил. Знаешь, немного я знаю народу, кто бы мог убить человека стаканом. К тому же Бармен говорит, что баклан точно то ли из военных, то ли из мусоров, у него на эту публику нюх волчий. При этом убийца Лысого, похоже, серьезно напугал Бармена, иначе бы он с меня за информацию содрал кругленькую сумму, а не отдал бесплатно. А я, знаешь ли, не много знаю людей, способных напугать Бармена из «Ста рентген».

Я задумался. В рукопашке и анатомии человека я кое-что смыслил. Удар, нанесенный с такой силой и скоростью, — это нечто из области фантастики.

— Краповый берет? Или армейский спецназ? — предположил я.

Меченый покачал головой:

— Нет. Это вообще другой уровень подготовки. Вообще другое что-то, чего мы не знаем. И это мне не нравится. Ясно, что мы ему нужны не в качестве проводников, таким напарники и партнеры только в тягость. Он пришел сюда убивать.

Я улыбнулся:

— Не, Меченый, не пойдет. Не за тем ты сюда пришел, чтобы рассказать мне об очередном охотнике за головами. После того как Зона узнала про артефакт «Чистое небо», почти каждый мечтает его заполнить. Так что одним больше или одним меньше не имеет значения.

— Так я еще не все рассказал, — хмыкнул сталкер. — Насчет Выбросов слыхал?

— А что с ними?

— Вот что бывает, когда человек теряет свой КПК, — вздохнул Меченый. — Вся Зона на ушах стоит, а он «что с ними?». Хреново с ними. Усилились они. Теперь «имущество Зоны» не всегда панацея от выброса. То есть не получится теперь как раньше — сложил себе будку из четырех фанерок, пятой прикрылся и выброс пересидел. А ближе к центру Зоны, начиная от Заполя и дальше, теперь только ниже уровня земли и желательно в бетонном подвале схорониться можно. И еще. Слепой сталкер недавно до бара добрел и рассказал, что после последнего выброса видел над Припятью кровавую радугу, после чего остался без глаз — под веками у него не глазные яблоки, а шарики цвета запекшейся крови. И мутанты уже не волнами накатывают, а целыми цунами. Сталкеры по ночам вообще в Зону не суются и днем уже по одному не ходят, минимум по трое-четверо. Потому что иначе не отбиться. Не было такого раньше.

Я пожал плечами.

— Это ж Зона, тебе ли не знать. Тут всякое случается. Короче, спасибо за новости. Но, может, ты все-таки скажешь, зачем пришел?

— Да не за что, — пожал плечами Меченый. — Это тебе так, к сведению. А пришел я заказ тебе предложить. Серьезный заказ. Изменениями в Зоне обеспокоены все группировки, и решено собрать внеочередную Большую Сходку. Соберутся главы всех кланов, по слухам, даже от Монолита кто-то должен прийти, чего раньше не бывало. Потому имеется подозрение, что военные предпримут диверсию, несмотря на строжайшую секретность — даже я пока не знаю место и время Сходки. А заказ самый простой. Главари кланов хотят, чтобы самые лучшие стрелки Зоны охраняли место Сходки, пока они там совещаться будут. По десятке каждому отваливают за день работы. Как тебе?

Я покачал головой.

— Никак. Что-то все слишком просто. А если это ловушка?

— Не думаю, — сказал Меченый. — Проще было отрядить команду головорезов и перещелкать нас по одному, пока мы одиночками в Зоне шаримся. К тому же собирать мою группу в одном месте для того, чтобы нас грохнуть, это надо совсем мозгов не иметь. А еще я Сидоровичу верю — информация от него исходит. Хоть и жук он еще тот, но, чтобы сталкеров под пулю подставлять, такого за ним не водится. Ну, что скажешь?

— Пока не знаю, — ответил я. — Подумаю.

— Подумай, — кивнул Меченый. — До Сходки еще сутки, время есть. И если надумаешь, дай мне знать. Держи, тебе довесок к апельсинам, с нуля аппарат, еще никем не использованный.

Он положил на ступеньку рядом со мной КПК в чехле из мягкой кожи.

— И все-таки, Меченый, зачем ты пришел сюда? — спросил я. — Неужели в Зоне такой уж большой дефицит хороших стрелков?

Он задумался ненадолго. Потом сказал:

— Сам не знаю. У нас много общего, сталкер, только я в отличие от тебя так и не вспомнил, кем был до того, как попал в Зону. Иногда мне снятся странные сны, будто я — это ты. И, проснувшись, я спрашиваю себя, смогу ли, если понадобится, убить тебя после того, как отдам тебе Долг жизни? Этого я не знаю, но, во всяком случае, я точно не хочу, чтобы ты умер до того, как я верну Долг. Поэтому лучше мне быть рядом, чтобы тебе ненароком еще разок не проткнули легкое. Уж больно многие в Зоне хотят твоей крови.

Он помолчал еще немного, потом хлопнул себя ладонями по коленям.

— Ну, вроде все, что хотел сказать, сказал, дальше сам думай, — произнес он, поднимаясь и забрасывая за спину автомат с затвором, расположенным слева. Не иначе

оружие до того, как попало к нему в руки, побывало в какой-то аномалии, отзеркаливающей попавшие в нее предметы.

Я смотрел в спину этому человеку, идущему по болоту. Ничем, в общем-то, не примечательный с виду парень, хладнокровно перестрелявший дикую кучу народа на своем пути к Монолиту. Как, впрочем, и Клык с Призраком. И я... Интересно, правда ли, что нас создали ученые в каком-то закрытом НИИ за периметром? Почему-то с некоторых пор мне казалось, что в этом была замешана Зона. Если, конечно, исходить из того, что люди для нее как безвредные бактерии для организма. Может, через свои артефакты, а может, и напрямую через ноосферу взяла да и синтезировала она этикие антибиотики с автоматами — и давай по принципу гомеопатии лечить подобное подобным. Пока однажды не нарвалась на побочный эффект, выбивший «Чистое небо» из заплатки между мирами...

— Ну, что он тебе сказал?

Голос Болотного Доктора за спиной вернул меня на землю.

— Так... — пожал я плечами. — Про выбросы мощные рассказал, про слепого stalkера, которому выжгла глаза кровавая радуга.

— Есть такой, — кивнул доктор. — Завтра должны привезти. Как раз положу его на твою койку.

Я поднялся с крыльца:

— Чем я могу вас отблагодарить?

Болотный доктор покачал головой:

— Ты и без того принес слишком много. Так что не забивай себе голову по пустякам. И куда ты теперь?

— На север, — сказал я.

И удивился. Ничего подобного я говорить не собирался. Секунду назад я вообще не представлял, куда пойду после того, как покину остров Болотного Доктора. Да и я ли сказал те слова? А может, это сама Зона произнесла их моими губами? И если оно действительно так, то с Зоной не спорят.

— На север, — уверенно повторил я.

...Путь с болот на место старой свалки радиоактивных отходов я прошел без приключений. Не знаю, повезло так или Доктор как-то поспособствовал. Во всяком случае, с некоторых пор мои путешествия по болотам напоминали прогулки в курортной зоне, хотя я частенько слышал отдаленные выстрелы и смачное чавканье в кустах. Но ни одного охотника или мутанта мне давно уже не попадалось.

Я шел, пиная ботинками ковер желтой осенней листвы. Он всегда такой в Зоне — золото, перемешанное с грязью. Иногда к ним примешивается кровь, и тогда этот ковер становится похожим на покрытую червонным золотом крышку очень дорогого гроба.

Рюкзак висел у меня за спиной. Я так и не раскрыл его с тех пор, как вернулся из-за границы миров. Я знал, что в нем лежит снайперский комплекс, который в Зоне стоит целое состояние, и какие-то документы, которые я так и не удосужился посмотреть. Честно говоря, и сейчас не было ни малейшего желания брать в руки оружие. Когда они по локоть в крови, иногда понимаешь, что однажды она может подняться выше, переполнить чашу, и ты просто захлебнешься в ней.

Я просто шел и просто смотрел вокруг. Странно, но за все это время я не видел Зоны. Пробегая мимо деревьев, я не задумывался о том, что они сбрасывают желтые листья для того, чтобы на следующий день на их ветвях вновь появились такие же. Стреляя из-за бетонных плит, брошенных здесь много лет назад, я не замечал, что живущий на них изумрудный мох, оказывается, умеет медленно-медленно ползать в поисках пищи, застрявшей в выщербленной поверхности строительного мусора. А сидя у вечернего костра, я просто смотрел в огонь и ждал, пока разогреется тушенка в банке или поджарится колбаса на прутике, и при этом мне ни разу не приходило в голову посмотреть вверх, на звездное небо, непостижимым образом просвечивающее сквозь вечные тучи Зоны.

Я потерял очень много. Целый мир — загадочный, страшный и прекрасный по-своему. И мне очень не хотелось вновь становиться тем, кто планомерно и равнодушно уничтожает его.

Но, похоже, мои желания и желания Зоны не совсем совпадали.

— О, глянь, ливер вылез!

Из-за бетонных плит, когда-то очень давно небрежно сваленных в кучу, не спеша, показались две фигуры. Один, видимо главный, стоял, выпятив грудь и заправив большие пальцы за пояс. Второй, ухмыляясь, целился в меня из «Макарова». Судя по одежде, это были обычные нищие голодранцы, которых много шарится по Зоне. Трусливые, прячущиеся в свои норы при виде хорошо вооруженного отряда и в то же время наглые и очень жестокие, когда представляется случай поизмываться над тем, кто слабее. Говорили, что «шакалы» порой по несколько дней держали пленных в своих подземных норах, аккуратно отрезая куски от их тел и жаря свежатину. Что ж, вполне возможно — при наличии, например, пары «Маминых бус» вполне возможно было обстрогать все конечности человека до скелета, и он бы при этом оставался в живых.

— Слышь, баклан, не бойсь, не тронем, — покровительственным тоном сообщил старший, остановившись передо мной в трех шагах. Отсутствие в моих руках оружия позволяло ему чувствовать свое превосходство. Наверно, он был даже отчасти мне благодарен — не каждый день попадаете в Зоне идиот, который ходит без оружия и за счет которого можно безнаказанно повысить самооценку. Наверняка сейчас в своих глазах он выглядел бывалым охотником за головами, отловившим на редкость бестолковую добычу, которую даже не надо отстреливать исподтишка — сама все отдаст.

Он брезгливо окинул взглядом мой нехитрый прикид — песочного цвета толстовку, потертые джинсы, заляпанные грязью берцы. Вполне возможно, что он даже был готов меня отпустить — естественно, после того как бессловесная жертва отдаст все, что у нее есть ценного при себе.

— Короче, урод, тебе сегодня крупно повезло, — сообщил старший, растягивая губы в благодушной ухмылке и демонстрируя черные шпеньки сгнивших зубов. — Я с утра добрый как Чип и Дейл в одном флаконе. Так что давай сюда рюкзак, выворачивай карманы — и вали своей дорогой до первой аномалии.

Тот, что держал меня на мушке, угодливо хохотнул. Но старший не поддержал напарника. Более того, ухмылка с его лица стала постепенно сползать, когда он осознал, что я стою на месте и его приказы выполнять не собираюсь.

Я просто стоял и смотрел на него так же, как на мертвый ковер из листьев под его ногами. Каждый человек рождается чистым и невинным. Но когда дети вырастают, очень многие из них покрываются грязью. И тогда приходится наступать на них, для того чтобы пройти дальше.

— Ты чо, козел, не врубаешься? Бабки-артефакты гони, придурок!

Ладонь, отвратительно воняющая сушеной рыбой, метнулась к моему лицу. И мне ничего не оставалось, как перехватить грязные пальцы старшего бандита и резко повернуть их от себя.

Послышался слабый хруст, неестественный для взрослого мужчины поросячий взвизг и тупой удар коленей о землю. Однако у моего противника были неплохие рефлексы. Несмотря на запредельную боль в сломанных пальцах, его здоровая рука метнулась к карману поношенного кожаного плаща, из которого красноречиво торчала рукоять «Стечкина».

Что ж, он сам сделал свой выбор.

Отпустив вывернутые наружу пальцы, я перехватил подбородок упавшего на колени противника, вторую руку мягко, но быстро положил ему на затылок, напряг бицепсы и сделал большой скользящий шаг вправо и вперед, уходя с возможной линии выстрела.

Ощущение в ладонях было таким, словно я сорвал с резьбы большую живую гайку. В глазах стоящего на коленях старшего бандита застыла боль напополам с изумлением. Оно и

понятно, не каждый день человек может без зеркала увидеть собственную спину. Тело любителя рыбы постояло мгновение на коленях, после чего неуклюже завалилось вперед.

Возможно, второй бандит успел перехватить стекленеющий взгляд мертвеца. Не в силах отвести взгляда от свернутой набок головы товарища, он отбросил от себя старенького «Макарова», словно ядовитого паука, и, подняв руки, закричал:

— Все, все, я без волины, все! Только не подходи ко мне!

Я и не собирался к нему подходить. Я просто смотрел на тело, валяющееся у моих ног, и мне было грустно. В обоих мирах тот, кто не умел или не хотел вгрызаться в чужое горло, рано или поздно умирал от клыков тех, кто умел и хотел. В Зоне это обычно происходило очень рано, часто практически сразу после пересечения Периметра. А порой и до того, лишь по факту приближения к нему — пулеметы охраны кордонов никто не отменял. Я думал, что было бы с тем, другим парнем в песочной толстовке, который решил идти по Зоне без оружия. Не далеко бы он ушел, если б не был Снайпером.

Оставшийся в живых бандит медленно отступал, пятясь и не сводя глаз с трупа. Ему было от силы лет восемнадцать. Интересно, зачем таких-то несет в Зону? За приключениями и легкими деньгами? Зря я, наверно, принес из центра Зоны компьютерные игры другого мира. Говорят, они быстрее любого самого опытного сталкера пересекли Периметр и сейчас во всем мире молодежь увлеченно стучит по клавишам, гоняя нарисованных кровососов и кабанов. Только здесь-то они не нарисованные. И мутанты с аномалиями настоящие, и раны, которые они наносят, не излечиваются мгновенно разноцветными аптечками. И смерть здесь тоже настоящая, и перезагрузить по-новой потерянную жизнь не получится.

Я нагнулся и вынул «Стечкина» из кармана мертвеца. Одного взгляда было достаточно — хозяин, когда его шейные позвонки еще были целыми, особенно не утруждал себя чисткой оружия. И как люди могут быть такими свиньями? Даже кабаны полируют о деревья свои клыки, не говоря уж о кровососах, которые с тщательностью топ-моделей маникюруют свои когти осколками кирпичей и обсасывают ротовые щупальца после каждой охоты. Чисто на автомате я проверил наличие патронов в магазине и патроннике — руки сами выполнили за меня обязательную процедуру при попадании в них чужого оружия.

— Не надо...

Я поднял глаза.

Незадачливый бандит смотрел на пистолет круглыми от ужаса глазами. А я уже успел о нем позабыть. И чего не бежит? Похоже, шок от увиденного.

— Уверен, что не надо? — переспросил я. — Просто в Зоне будешь умирать дольше и намного больше. А боль от пули, которая пробивает череп и проникает в мозг, человек не чувствует — слишком все быстро происходит.

Но, судя по всему, мои слова не доходили до сознания юного бандита. Его расширившиеся зрачки свидетельствовали о том, что еще немного — и парень слетит с катушек. Я даже слегка удивился — надо же, сколько эмоций породила свернутая набок голова! Интересно, что с ним будет, когда он увидит труп с выеденными кабанами внутренностями или мумию, над которой поработал кровосос? В общем, понятно. Не жилец.

— «Макар» хоть подбери и почисти, — посоветовал я, проходя мимо. — И вообще-то, для того чтобы он стрелял, надо флажок предохранителя вниз опускать. Если, конечно, патрон в патроннике имеется.

Я шел и думал о том, что сейчас происходит за моей спиной.

Вот парень осознает, что его убивать не собираются. Вот его зрачки постепенно сужаются до нормального состояния, в глазах появляется мысль. Какая, я пока не знаю. Потому мне и интересно. Если не совсем дурак, подберет пистолет и, обобрав труп менее удачливого поделщика, постарается как-нибудь выбраться на Большую Землю. Если же дурак — значит, так дураком и останется. Вопрос только, надолго ли.

У меня за спиной раздался еле слышный щелчок. Угу, парень внял совету. И еще один. Неплохо. После пережитого стресса юный бандит вспомнил советы старших насчет того, что для более точного выстрела из «Макарова» рекомендуется взводить курок вручную. Жаль. А

я так надеялся, что хоть кто-то сказал ему о том, что даже в Зоне считается дурным тоном стрелять в спину человеку, который только что подарил тебе жизнь.

Я сделал шаг вперед и круто развернулся на опорной ноге на сто восемьдесят градусов, одновременно падая на колено и вскидывая трофейный «Стечкин». Черт, как же все банально и предсказуемо в этой жизни! Парень стоял, удерживая пистолет двумя руками и старательно целясь мне в затылок. Вернее, в то место, где он был долю секунды назад.

Мы выстрелили одновременно. После чего я встал с колена, смахнул желтый листок, прилепившийся к штанине, и пошел прочь. Надо было еще выбрать место для ночлега, а это в Зоне далеко не простое дело.

КИЛЛЕР

Осведомитель догнал новичка за блокпостом. Вполне понятно, почему тот так торопился, — убийство на территории «Ростка» это не шутка. Вполне могут вывести за забор и вздернуть на ближайшем дереве. Или, не выводя, пристрелить у забора, если лениво будет соответствовать пресловутым статьям Закона Долга.

— Слышь, это... погоди!

Пришлый сталкер остановился. Обернулся.

— Ну, ты здоров ходить... — сообщил Осведомитель, хватая ртом воздух, пропахший болотом. — Мне ж не двадцать лет, чтоб вот так за тобой бегать.

Сталкер молчал, безучастно глядя на то, как догнавший его человек поглаживает под черным пыльником область печени, измученной алкоголем и радиацией. Одновременно в голове Виктора прокручивалась информация:

«Симулирует одышку. Под одеждой пистолет. В случае чего стрелять будет через пыльник, практика есть, не зря с левой стороны нашит новый накладной карман».

— Я Осведомитель, торгую информацией в Зоне, — наконец выдохнул человек в черном пыльнике. — Продаю важные сведения, покупаю чертежи, документы из лабораторий.

Виктор продолжал молчать. Этот человек бежал за ним не за тем, чтобы рассказать о себе.

Осведомитель помолчал, слегка обескураженный немногословностью потенциального клиента и его отсутствующим взглядом — вроде и в глаза смотрит, а вроде и сквозь них, словно рассматривает что-то, находящееся прямо за затылком собеседника. Жуткий взгляд, неприятный, аж голова заболела слегка в том месте, где мозгу быть положено. Хотя какой еще может быть взгляд у типа, способного за полсекунды убить человека паршивым стаканом?

— Тебя как звать? — спросил Осведомитель, осознавая, что сейчас говорит лишь для того, чтобы что-то сказать.

— А ты, с какой целью интересуешься? — безразлично осведомился незнакомец.

«Точно, или мент, или сидел, — пронеслось в голове осведомителя. — И на хрена мне надо знать, как его зовут? Я ж не это хотел спросить».

Пауза затягивалась. В окружающей тишине было слышно, как под слабеньким ветром шелестят камыши раскинувшегося справа заболоченного поля.

— Ты ищешь Снайпера и группу Меченого? — наконец выговорил Осведомитель и, словно испугавшись сказанного, все-таки обернулся.

Позади не было никого — лишь высохший труп качался на ветке ближайшего дерева, но вряд ли сталкера, повешенного неделю назад «долговцами», можно было считать кем-то, кто мог бы подслушать опасный для Осведомителя разговор.

— Да, — бесцветным голосом произнес незнакомец.

— Ну... я мог бы продать тебе эту информацию, — заискивающе улыбнулся Осведомитель, показав два неполных рада прокуренных зубов. Перед этим клиентом он чувствовал себя все более неуютно. И все менее нравилось ему собственное поведение,

только он ничего не мог поделать с собой. Он боялся. Но призрак увиденной в баре пачки сотенных был сильнее страха.

— Сколько?

— Десять тысяч, — выпалил Осведомитель.

— Почему такая цена? — равнодушно осведомился клиент.

— Потому что это одновременно сведения и о том, где они будут завтра, и о месте проведения Большой Сходки. Если б они встретились бухнуть в «Штях», такая информация стоила бы от силы пятачку — мало найдется дураков искать гарантированных приключений на собственную голову, да еще за деньги. А Большая Сходка — это Большая Сходка, потому и цена соответствующая.

— Вот как? — приподнял бровь незнакомец. — Ну что ж, держи.

Он сунул руку в карман, вытащил деньги и протянул их Осведомителю. Вот так запросто, словно сигаретой угостил.

Пачка тут же исчезла в многочисленных складках черного пыльника. Взамен ее на свет появился древний КПК в стальном корпусе — машинка без наворотов, медленная, но неубиваемая и со всеми функциями, действительно необходимыми в Зоне.

— Включай блютус, лови карту, — буркнул Осведомитель, отбивая на клавишах наладонника замысловатую дробь. — Только быстрее шевелись.

Клиент шевелился быстро. Словно сама собой в его руке появилась навороченная модель серии Z-2, при виде которой Осведомитель остро пожалел, что не запросил за свои услуги двойную цену.

— Короче, я на карте все пометил, — проворчал Осведомитель. — Завтра Меченый со своей кодлой должен быть там, где красный крестик стоит. Видишь?

Вместо ответа клиент пробежался пальцами по сенсорному экрану. Осведомитель поежился — показалось, будто паук-мутант вынырнул из рукава незнакомца и с невероятной скоростью засеменял ножками. Ну не могут человеческие пальцы двигаться так быстро...

— Дикие территории, находящиеся под контролем группировки «Наемники», — уточнил незнакомец. — И что там собрались делать Снайпер и группа Меченого?

— Насчет Снайпера не уверен, — проговорил Осведомитель, глядя в сторону, — но знаю, что Меченый будет звать его с собой. И тот вряд ли откажет.

— Почему?

Клиент был требовательным и качал инфу сверх оплаченного. Но почему-то не хотелось Осведомителю требовать доплаты. Впервые в жизни.

— В Зоне слухи ходят, что у них судьба одна на двоих, — сказал он. — И что Меченый Снайперу жизнь задолжал. Хрен его знает, так ли оно, нет ли... Но Долг Жизни штука серьезная и Меченый наверняка предпочтет не терять должника из виду. То есть взять в долю, если дельце какое намечается. А без своего интереса да без приглашения на Большой Сходке делать нечего. Стало быть, есть приглашение, а значит, и большой заказ.

— Ясно, — невежливо прервал Осведомителя незнакомец. — Что такое Большая Сходка?

— Ну, по идее главари всех группировок собраться должны, перетереть, как дальше жить и не пора ли всем скопом валить из Зоны.

— А что такое? Почему это они валить собираются?

Осведомитель вылупил глаза.

— Ты что, с Выжигателя упал? — поинтересовался он. — В Зоне последний Выброс два десятка жизней унес. Причем это матерые сталкеры были, «отмычек», «шакалов», вояк на кордонах и другую шваль никто не считал. Мутантов стало в разы больше, аномалии на месте не стоят, за народом гоняются будто живые. Я даже сам подумываю, а не обменять ли у Бармена деревянные рубли на баксы, да не дернуть ли куда-нибудь на Кипр. А че? Там вообще, говорят, русский чуть ли не государственный язык...

Осведомитель говорил что-то еще, но Виктор думал о своем.

Так-так, а в штабе, значит, никто и не обмолвился про то, что в Зоне происходит. Просто вот тебе госзадание — зачистить шайку особо опасных преступников и изъять у них

синий шарик, называемый в этих местах «артефактом». Случайная недоработка? Вряд ли. Тогда почему не довели всю информацию? Чтобы не лез куда не надо?

Виктор усмехнулся. Что ж, вполне возможно. С тех пор как он стал работать на Комитет, многих не устраивал его стремительный карьерный рост и нежелание быть винтиком отлаженной системы. И то, что именно этим нежеланием объясняется выполнение им самых сложных заданий, никого из звездопогонных начальников не волновало. А может, кого-то и устроило бы, если б этот винтик, не желающий беспрекословно занять свое место в механизме, сгинул в водовороте изменяющейся Зоны?

Так, ладно. Об этом потом. Задание есть задание. Выполним, а потом зададим пару вопросов тем, кто его дал. Пока же вопросы были только к добровольному поставщику информации:

— Как я понимаю, у главарей банд... то есть группировок, финансовая договоренность с Наемниками об охране Сходки. Так?

— Так, — кивнул Осведомитель.

— И что там будет делать Снайпер с Меченым и остальными?

— Возможно, дублировать Наемников, — буркнул Осведомитель, не понимая, с какой это радости он стоит посреди дороги и вываливает ковшом то, что собирался по крупитцам отвешивать чайной ложкой. — Главари понимают — своих быков брать с собой нельзя, перестреляют друг друга как пить дать, да еще начальству по пуле достанется. И наемникам не доверяют — с них станется бабки взять и с клиентов, и с тех, кто заинтересован в их ликвидации. А Снайпер с Меченым и его людьми хоть и киллеры каких поискать, но принципиальные, если слово скажут — железно. Но их мало. Вот главари и не поскупились, отстегнули и Наемникам, и Меченому, и его группе. Причем наверняка неслабо...

Клиент, не дослушав, развернулся и пошел прочь. Осведомитель слегка опешил. Ну и тип! Вот и поговорили по душам...

И тут он осознал, что легкая боль, сдавливающая его мозг, уходит вместе с клиентом. Мысли в его голове, освободившейся от воздействия жуткого взгляда незнакомца, скакали, словно тушканы, вырвавшиеся из клетки на волю.

«Е-мое, что это было? Допрос, что ль?.. Но как?!.. Он же ничего не делал, просто смотрел, а я как дурак ему выкладывал все, чуть не наизнанку выворачивался. А он только подправлял, когда из меня дерьмо не в ту сторону литься начинало, поток, сука, корректировал...»

— Стой!

Крик вырвался сам собой, против воли Осведомителя. Это не он кричал, это самолюбие вопило: «Как же так, тебя развели как лоха, а ты стоишь и в спину ему палишь!» Хорошо бы, конечно, было стрелнуть в эту спину. А если промахнешься? Услужливое воображение немедленно воспроизвело картинку — глаз Лысого, медленно стекающий вниз по стенке стакана. Нет уж, ну его на фиг, пусть в него кто-нибудь другой стреляет. А чего орал тогда?

Клиент остановился, обернулся.

— Ты это... как про бар-то узнал? — спросил Осведомитель, сам не зная зачем.

Он очень надеялся, что незнакомец повернется и просто уйдет. Но тот спокойно ответил:

— Серый посоветовал.

Осведомитель почувствовал, как у него вспотел лоб и между лопаток потекла холодная струйка.

— Какой Серый? Из ангара на Свалке?

— Ну да.

Осведомитель утер лоб рукавом.

— Там же нет никого уже черт-те сколько, только старые кости, — пробормотал он. — Говорят, Серый как-то Меченому помог, а потом его с друзьями Зона сожрала. Только иногда люди зов слышат в КПК, но бегут от того места. Ты у него ничего не взял?

— Нет, — качнул головой незнакомец. — Он деньги предлагал, но я считаю, что за спасение жизни деньги брать нельзя.

— Видать, те, кто сгинули на Свалке после того, как Серый и его команда стали призраками Зоны, считали по-другому, — криво усмехнулся Осведомитель. — Теперь к их костям даже безглазые собаки не подходят. Ладно, парень, удачной охоты.

Он повернулся и быстрым шагом пошел обратно, к ДОТу охраны периметра базы «Долга». Его взгляд скользнул по расплывшемуся от слабокислотных дождей плакату, прибитому к полуразрушенному зданию справа от ДОТа через дорогу: «Ты на территории „Долга“! Не провоцируй — и останешься жить!»

«Не провоцируй Зону — и останешься жить», — мысленно поправил Осведомитель составителя плаката. И обернулся. Плохая примета, особенно в Зоне, но он не мог удержаться.

Незнакомец, перейдя хлипкий мост, перекинутый через утыканный заостренными арматуринами оборонительный ров, повернул направо, явно намереваясь перелезть через невысокий забор. Осведомитель открыл, было, рот, чтобы предупредить... и тут же захлопнул его, клацнув остатками зубов. На все воля Зоны, и если убийца Лысого решил покончить жизнь самоубийством, то это его полное право.

«И какой хрен я вообще поперся за ним?» — злясь на самого себя, подумал Осведомитель.

Ему было страшно. Страшно оттого, что он еще не скоро забудет этот равнодушный, пронизывающий взгляд. Страшно потому, что давно известно — Зона не любит тех, кто много говорит о ней. Страшно настолько, что его не радовала даже тяжесть денежной пачки, оттягивающей карман, что он даже напрочь забыл о старом правиле — не возвращаться той же дорогой, какой пришел, — хоть ненамного, хоть чуть-чуть отклониться в сторону, но только не наступать на собственные следы... И за этим страхом, шевелящимся в голове словно клубок скользких змей, Осведомитель не услышал еле слышного стука когтей о разбитое покрытие дороги.

Огромная черная псевдособака, выскочившая из придорожных кустов, прыгнула молча. Мощные лапы ударили в спину человека. Осведомитель споткнулся и упал ничком, успев выставить вперед руки, чтобы не разбить лицо об асфальт. Его лицо осталось целым, только огромная пасть, похожая на медвежий капкан, сомкнулась у него на шее пониже затылка, прокусив ткань капюшона и раздробив в кашу шейные позвонки...

Осведомитель уже не слышал, как стучит пулемет из амбразуры ДОТа, как визжит, но продолжает рвать свежее мясо псевдособака, из которой пули выбивают фонтанчики крови, и как воет бегущая со стороны заболоченного поля стая безглазых псов, почуявшая свежую кровь и спешащая урвать свою долю добычи. Зато во внезапно обрушившейся на него тишине он почему-то очень четко слышал, как поскрипывает сухая ветка под весом трупа, качающегося туда-сюда от ветра, словно маятник, отсчитывающий последние мгновения чьей-то пустой и бессмысленной жизни.

СНАЙПЕР

Для того чтобы как следует вычистить пистолет, потребовалась полная разборка и полчаса усиленной возни. Я знал, что никакая тварь не помешает мне привести трофейное оружие в божеский вид. И не продуваемая всеми ветрами будка сторожа вселяла в меня такую уверенность. Просто, отойдя от кучи бетонных плит на полкилометра, я поднялся на пригорок и увидел место битвы. Видимо, двое повстречавшихся мне охотников за чужим баблом и артефактами — упокой их Зона — были остатками банды, которую кто-то расстрелял хладнокровно и безжалостно.

Передо мной лежало поле, заставленное насквозь проржавевшими БТРами, автобусами и остатками транспорта, который уже сложно было идентифицировать — настолько ржавчина и кислотные дожди разъели металл. Даже покореженный вертолет там имелся. Он стоял, грустно свесив вниз две оставшиеся лопасти, а его чудом уцелевшее бронестекло было вишневого цвета в белую крапинку. Похоже, кто-то из бандитов пытался спрятаться в

кабине пилота, и его там пристрелили, грубо заляпав мозгами изнутри печальный памятник давней трагедии.

На самом поле я насчитал девять трупов. Оружия рядом с ними не наблюдалось, его унесли победители. Некоторые мертвецы были босыми, значит, при жизни у них имелись добротные ботинки. Двое лежали полностью раздетыми. Вывод — нечего без нужды форсить в Зоне модными бронекастюмами. Пулю «калаша» в упор держит только экзоскелет, а уж если вы по собственной глупости лезете туда, где засаду устроить проще простого, то, значит, судьба вам после смерти валяться под кустом в одних трусах и разодранной майке.

Люди забрали у мертвецов все ценное для себя. Теперь настал черед других обитателей Зоны.

К одному трупу, лежавшему на самом краю поля, примеривалась псевдоплоть средних размеров, на остальных сидели вороны, торопливо выклеывая куски еще теплого мяса. Почему торопливо, понятно — пройдет совсем немного времени, и здесь на поле соберутся мутировавшие твари разных весовых категорий, вследствие чего начнется грызня почище той, что недавно устроили люди. А это значит, что ночь я могу спать спокойно, лишь притворив хлипкую дверь. Мутанты не люди, и они не убивают потенциальную добычу, когда еды и так предостаточно. Люди же точно ночью не полезут туда, где слышатся многоголосый вой, визг, рычание и хруст костей.

Так что в качестве места для ночлега неплохо сохранившаяся будка сторожа на холме меня более чем устроила. Наломав в подлеске сухих веток для костра, я разложил его в черном от сажи большом тазу, стоявшем прямо на полу именно для этих целей, — видать, нормальное место, если не я первый здесь привал устраиваю.

Было еще довольно тепло, в окна щедро лился красноватый свет, порождаемый заревом заката, потому я пока решил повременить с костром. Тем более что свет был особо и не нужен — руки сами делали привычную работу. Собрав «Стечкин», я открыл рюкзак с целью заняться своим ВСК-94, также требовавшим чистки и смазки.

Я потянул на себя снайперский комплекс, аккуратно завернутый в тряпку защитного цвета, и на пол вывалилась стопка каких-то документов. Нормально, пойдет для растопки, когда ветки будущего костра окажутся не такими сухими, как сейчас. Я мельком глянул на пожелтевшую от времени бумагу... и мой взгляд невольно задержался на краешке фотографии, высунувшейся из-за корешка старой тетради. Так и не развернув свое оружие, я аккуратно положил его на пол, вытащил фото...

И замер, не веря своим глазам.

На переднем плане снимка, который я, сам того не ведая, принес из-за границы миров, был запечатлен Саркофаг. Ошибки быть не могло. Объект «Укрытие» был уникальной конструкцией, единственной на планете. За ним, словно ствол гигантской гаусс-пушки, нацелилась в небо знакомая всему миру белая с красными кольцевыми полосами вентиляционная труба ЧАЭС. А чуть левее трубы ввысь взметнулся столб белого огня, от которого во все стороны разливалось сияние, заполнившее половину снимка.

— Выброс, — прошептал я. — Кто-то сфотографировал Выброс...

Выброс. Самое страшное явление Зоны, начиная со дня Первого взрыва. Энциклопедия Зоны, встроенная в КПК любого сталкера, гласила: «Двадцать шестого апреля 1986 года, в один час двадцать четыре минуты, на Четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС произошел взрыв. Из недр разрушенного реактора вверх взметнулся километровый столб пламени, насыщенный плавящимися радиоактивными частицами...»

Тогда ценой множества жизней удалось остановить Выброс. Над дышащими радиацией руинами Четвертого энергоблока возвели Саркофаг. Но на этом дело не закончилось.

В Зону пришли люди в противорадиационных костюмах. Сначала это были инженеры и строители, создавшие комплекс подземных научных лабораторий. Потом — ученые, которые в обстановке строжайшей секретности стали трудиться в этих лабораториях. И, конечно, военные, обеспечивавшие эту секретность. Почему потребовалось создавать лаборатории на зараженной земле? Очень просто.

Во-первых, вопреки утверждениям прессы, никто и не думал останавливать действующие Первый, Второй и Третий энергоблоки — ведь для экспериментов в лабораториях требовалось очень много энергии. Во-вторых, для того чтобы эксперименты оставались секретными, требуется минимальное количество лишних глаз. Зона была в этом плане идеальным местом. Все жители эвакуированы, а для того чтобы мародеры и любопытные не лазили в Зону Отчуждения, вокруг нее возвели ограждения и блокпосты. Ни с какой стороны не подкопаться — лазить на зараженную территорию кому не положено опасно для жизни, мол, мы охраняем не Зону от вас, а вас от Зоны. А те, кому положено, вкалывают в подземных лабораториях. И чем они там заняты, догадаться не трудно — обычно люди в форме охраняют секретные военные объекты, другие им по барабану.

Но двенадцатого апреля 2006 года грянул Второй взрыв. Причем, что именно взорвалось, в Зоне никто не знал. Спутники зафиксировали мощнейшую вспышку в районе Чернобыльской АЭС, а дозиметры военных на блокпостах показали резко возросший уровень радиации, многократно превышающий допустимые нормы.

Разведгруппы, упакованные в противорадиационные костюмы и посланные в эпицентр взрыва, не вернулись. Зато из центра Зоны полезла какая-то плотоядная нечисть, из-за которой на юге пришлось возводить тройной Периметр, ближе к северу плавно перетекающий в одну-единственную Стену.

Но зато какую!

Дело в том, что пока вояки, напуганные экзотическими в те времена псевдоплотями и кровососами, спешно натягивали колючку, на скорую руку городили минные поля и усиливали блокпосты срочниками, прошедшими курс молодого бойца, страны НАТО предприняли неординарный ход.

Вспомнив зараженные облака 1986 года и теплый весенний дождичек, пролившийся из них на благодатную землю Европы, Северо-Атлантический альянс при безоговорочной поддержке Совета Безопасности ООН предложил правительству Украины бескорыстную помощь в строительстве Периметра. Предложение приняли с радостью, в результате чего на севере и северо-западе Зоны в кратчайшие сроки была возведена Стена — железобетонное укрепление, оснащенное самыми современными достижениями науки и техники тактической военной мысли, включая лазерные пушки с химической накачкой и новейших боевых роботов.

Но, несмотря на принятые меры, атаки мутантов из центра Зоны становились все яростнее, с каждым годом их становилось все больше и больше. В них стреляли, травили запрещенным химическим оружием, скопившимся на военных складах еще с Первой мировой войны, их тела разрывали мины и плавил в биомассу боевые лазеры — а они все шли из центра Зоны, и не было им конца.

Но особенно мощные волны мутантов накатывались на Периметр после того, как над Зоной проносился очередной Выброс. И, в отличие от выброса, много лет назад вырвавшегося из жерла реактора Четвертого энергоблока, до сих пор никто не знал, что же такое периодически проносится над Зоной, уничтожая людей и порождая ужасных монстров.

Центр Зоны был надежно защищен от людских глаз аномалиями, мутантами и бойцами загадочной группировки «Монолит» — чем ближе люди пытались подойти к центру Зоны, тем активнее и многочисленнее становились его защитники. И тем сложнее было защититься от Выброса. С недавних пор в нескольких километрах от центра Зоны смельчака уже ничто не могло спасти. Только под землей в заброшенных бетонных укрытиях нынче можно было уберечься от Выброса. Но укрытий было мало, а сталкеров, надеющихся заработать на жизнь, — много...

Я лихорадочно листал документы, которые вместе с фотографией принес из другого мира, — и ничего не понимал. Какие-то диаграммы, формулы, непонятные значки и очень много текста, в котором я мог разобрать лишь одно слово из трех. Понятно. Думаю, такую абракадабру в Зоне может прочитать лишь один человек. И путь к его базе, расположенной недалеко от озера Янтарь, тоже лежит через Дикие Территории, контролируемые группировкой Наемников...

Наемники напоминали мне средневековую секту хашшашинов, более известную в Европе как ассасины. Все в Зоне знали: на Дикие Территории со всего мира стекались заказы на ликвидацию неугодных — и выполнение этих заказов было лишь вопросом времени. Воин-наемник при вступлении в группировку получал очень неплохое по меркам Зоны снаряжение, поддержку товарищей в любых ситуациях вне зависимости от того, прав он или нет — если, конечно, это не вредило интересам группировки, — и татуировку на плече: «Рай покоится в тени винтовок». Именно эта татуировка, напоминавшая знаменитое изречение главы ассасинов Ибн Саббаха, навела меня на мысль, откуда скопированы основные устои и принципы группировки.

Зона была их неприступной крепостью, а Дикие Территории — ее цитаделью. Наемники не враждовали с группировками, окружавшими их владения, — зачем убивать тех, кто является естественным щитом между ними и остальным миром? Группировки же не связывались с Наемниками — себе дороже. Неведомые инструктора настолько хорошо готовили этих профессиональных убийц, что даже «долговцы», известные своими боевыми навыками, предпочитали обходить их стороной.

Неудивительно, что главари группировок решили провести Большую Сходку именно в цитадели профессиональных убийц, наверняка перед этим хорошо проплатив им хлопоты по обеспечению собственной безопасности. Но, тем не менее, на сходку пригласили Меченого с его группой, а Меченый пригласил меня. А еще меня позвала Зона. Двойное приглашение, от которого не стоит отказываться. Меченому все равно, нет так нет, а вот Зона не простит. К тому же в ее власти находится девушка, которая как-то незаметно стала слишком много для меня значить.

Теперь же у меня на ладони лежала фотография Выброса. В Зоне ничего не происходит случайно. Что же значит это фото и слова, произнесенные не мной моими губами: «На север...»?

Я откинулся спиной на дощатую стену сторожки и закрыл глаза. Передо мной плясали языки огня — я слишком долго смотрел на костер, и пламя отпечаталось на сетчатке. И сейчас на обратной стороне моих век разливалось белое сияние с фотографии Доктора. Что стало с тем человеком, который сфотографировал самое страшное явление Зоны? Кто принес это фото из Центра Зоны? И как оно оказалась в рюкзаке, принесенном мной из другого мира? Вряд ли я когда узнаю ответы на эти вопросы. И не стоит ломать голову понапрасну, если не имеешь ни малейших зацепок для того, чтобы распутать клубок загадок.

Лучше подумать о том, как удобнее добраться до Диких Территорий...

Я улыбнулся. Можно было, конечно, сделать вид перед самим собой, будто я только сейчас принял решение. На самом деле оно было принято в тот момент, когда Доктор спросил: «И куда ты теперь?» Поэтому сейчас нужно просто решить, каким маршрутом лучше идти.

Перед моим внутренним взором на фоне языков огня развернулась карта Зоны. Я знал ее слишком хорошо, для того чтобы лезть в КПК. Итак, любой здравомыслящий сталкер, не желающий лишний раз пересекаться с «Долгом» и рисковать попусту, чтобы попасть отсюда на Дикие Территории, даст солидного крюка по известным дорогам. Сначала на Агропром, потом на Янтарь и уже оттуда пойдет туда, куда собрался. Почему — понятно. В Зоне лучше ходить там, где прошли до тебя и остались в живых. Потому как в ней слишком много мест, через которые ходили и не вернулись.

Но на Агропром идти тоже не выход. По слухам, армейский спецназ неделю назад выбил оттуда плотно окопавшуюся сталкерскую группировку Ореста, а мне с военными тоже встречаться не с руки. Судя по тому, что написано в новостях даренного Меченым КПК, за мою голову они объявили серьезную награду, а мне пока продавать свою голову как-то жалко даже за очень хорошие деньги.

Итак, оставался один-единственный путь... не вызывавший во мне никакого желания по нему идти. Но я подбодрил себя пришедшим на ум высказыванием одного французского политика, цитатами из которого нас потчевали в Легионе: «Всегда выбирайте самый трудный путь — на нем вы не встретите конкурентов». Что ж, остается надеяться, что

политик не ошибся и всех возможных конкурентов догрызают мутанты в полусотне метров от места моей дислокации.

С этими мыслями я завернулся в свою куртку и погрузился в сон. Нет в Зоне лучшей колыбельной, чем сытое ворчание стаи псевдособак, укладывающейся рядом с тобой на ночлег. Мутант с набитым брюхом никогда не бросится на человека, он ему на фиг сдался. Это люди вне зависимости от того, сыты они или голодны, имеют обыкновение убивать мутантов всегда и везде. И в этом, пожалуй, и есть их единственное принципиальное отличие от тварей, питающихся мертвечиной и теми, кто слабее.

КИЛЛЕР

Виктор перемахнул через невысокий забор. Далеко позади послышался собачий визг и треск пулеметной очереди, но он не остановился и даже не обернулся. Все равно за углом огромного серого и унылого здания уже не увидеть, что там произошло, к тому же Виктор не страдал праздным любопытством.

Он рассудил здраво — если на «Росток» ему соваться не стоит, то разумнее просто обойти территорию Долга. Судя по конфискованной сталкерской карте, закачанной военными специалистами на его наладонник, Дикие Территории почти рядом, рукой подать. Правда, в пояснениях к той карте имелась четкая рекомендация ходить только проверенными маршрутами, выделенными отчетливыми серыми линиями. Но рекомендации рекомендациями, а оперативная обстановка всегда вносит свои коррективы...

Он шел между коробками заводских строений, напоминающими гигантские бетонные блоки, на которые вылили изрядное количество серной кислоты. Одинаковые стены в потеках какой-то гадости, многие годы льющейся на них с хмурого неба Зоны...

Проход между зданиями был достаточно широким и без особых поворотов, — захочешь, не собьешься, но Виктор по привычке все же глянул на компас, встроенный в неубиваемые часы, сделанные по военному заказу для спецподразделений. И присвистнул.

Стрелка компаса задумчиво вращалась по часовой стрелке. А против часовой стрелки так же неторопливо крутились сами стрелки, причем часовая явно обгоняла минутную. Секундная же бешено крутилась на оси словно флюгер под порывами ураганного ветра — того и гляди оторвется.

Понятно. Навороченный хронометр сошел с ума. Что ж, наверно, это не самое страшное в мире, где собаки бегают с выпущенными кишками, а люди, попавшие в петлю времени, вечно стреляют в других людей.

Виктор оторвал взгляд от взбесившихся часов... и замер, пытаясь понять, что произошло с окружающим миром.

— Ксоо, — тихонько произнес он по-японски, оглядываясь вокруг. Дурацкая привычка в критические моменты негромко ругаться на иностранном языке, сохранившаяся со времен обучения в Школе клана якудза, — в те времена ему только и оставалось, что материться про себя да глотать вязкую слюну, часто имеющую привкус собственной крови. — Это часы с ума сошли или их хозяин тронулся?

Но ответить было некому.

Впереди до самого горизонта лежал абсолютно ровный, словно нарисованный, ковер жухлой травы. Его рассекало такое же ровное без малейшего изъяна асфальтовое полотно, сужающейся серой линией уходящее за горизонт. А немного в стороне от этого полотна стояла стена заводского корпуса, повернутая к Виктору под углом. Он мог различить окна, в большинстве своем застекленные, двери подъездов, трубы вентиляции под крышей. Вот только боковой стены у здания не было. Ничего вообще больше не было в этом мире — только плоская как стол земля, такое же свинцовое небо со словно нарисованными неподвижными тучами, дорога, неестественно ровная даже для нормального мира, и вот эта стена...

Виктору стало не по себе. Он обернулся, надеясь увидеть здания «Ростка», от которых он отошел не так уж далеко. Но позади него висел плотный туман, словно с туч до самой земли опустили сплошной серый занавес. Откуда-то Виктор знал, что, пойдя он сейчас назад, вернуться уже не получится...

— Эй, парень, чего вертишься как потерянный? Иди сюда, присаживайся. Не так уж часто случаются у нас гости.

Виктор развернулся всем телом на голос. Он был готов поклясться — секунду назад за его правым плечом никого не было.

Но порой секунда — это очень много. Мгновения вполне достаточно для того, чтобы выпущенная пуля успела покинуть канал ствола и пробить сердце навывлет. А в Зоне, похоже, за это время трое сталкеров вполне могут разжечь костер, расположиться возле него с удобствами, вскрыть консервы, откупорить прозрачную бутылку без этикетки и достать раскладные стаканчики.

Виктор встряхнул головой, но видение не исчезло. Посреди плоского мира как ни в чем не бывало сидели у костра абсолютно объемные трехмерные сталкеры и тривиально собирались раздавить бутылочку на троих.

При всей нелепости происходящего Виктор понимал, что особо идти все равно некуда, и если завсегдатаи этих мест приглашают, то лучше не выпендриваться — глядишь, что и прояснится.

Костер горел прямо на примятой траве, больше похожей на упругий ковер. Виктор скрестил ноги и сел на свободное место.

— А четвертый не лишний? — осторожно осведомился он.

— На литровый флакон — не лишний, а, скорее, помощник, — флегматично отметил кряжистый рыжебородый мужик в перешитом под себя летном немецком комбинезоне. Кажется, такое обмундирование здесь называлось «Ветер Свободы». Мужик и мужик, вид слегка звероватый, за плечом «Вал», на поясе нож выживания «Басурманин» — мечта любого туриста, на ногах десантные кирзачи времен распавшегося СССР со шнуровкой на голенище. Обычный сталкер, которых, судя по сводкам, десятки бродят по Зоне.

Второй мужик, сидящий рядом с ним, был слегка помоложе и внешне чем-то напоминал тридцатилетнего Аль Пачино, сбившего бороду. Черные усы, изучающий взгляд исподлобья, мешки под глазами от хронического недосыпания, самодельный, но добротный сталкерский комбез, надетый поверх сухого, жилистого тела. Такие вот дяди интеллигентного вида обычно хорошо стреляют с обеих рук, но еще лучше планируют операции, в которых обученные ими молодцы, стреляя по-македонски, отправляют на тот свет менее расторопных противников.

Третий сталкер, уставившись на огонь, рассеянно крутил в пальцах свой стаканчик. Судя по плечам и застарелым наростам на костяшках пальцев, бывший боксер. Глаза немигающие, челюсть квадратная, над густыми бровями широкий лоб с едва заметным старым шрамом — не иначе головой кому-то по переносице заехал, да слегка не рассчитал. Хотя нет, что не рассчитал — это вряд ли. Люди с таким взглядом, способные не мигая смотреть на огонь и бережно хранящие в чехле свои «Винторезы», обычно рассчитывают все верно — что удар, что выстрел. Комбез тоже подобран с расчетом — максимально облегченный «Берилл-5М» со специальным хитрым подвесом под второй ствол — «Вепрь-12». Одно движение, доля секунды — и карабин в руках. Но этого мало. За голенищем правого «Коркоран-мародера» торчат роскошные ножны Sissipukko M95 с выглядывающей из них рукоятью шведского армейского ножа, весьма ценного для человека знающего и умеющего вскрывать горло вражьего часового с минимальным усилием и под правильным углом, чтобы тот, не пикнув, тихо и быстро ушел в мир иной — зачем лишний раз мучить человека? В общем, добрый и душевный сталкер, хорошо знающий военную науку, большая редкость в наше время дилетантов и непрофессионалов.

«В случае чего „добряка“ надо отработать первым», — сделал себе зарубку Виктор.

Тем временем «Аль Пачино» — не смотри что интеллигент с виду — деловито сунул в руку Виктора небольшую эмалированную кружку и ловко разлил из бутылки жидкость с характерным запахом.

— Ну что, за встречу, — сказал он и махом влил в себя содержимое своего стаканчика. Остальные последовали его примеру. Виктор уже несколько лет спиртное употреблял лишь по необходимости — но сейчас необходимость была налицо. Славянский обычай пить ради дружбы и солидарности из одной стеклотары давно уже стал интернациональным. И если не выпил со всеми, значит, не свой. Как говорят в Украине, «або хворый, або падлюка».

Виктор знал — на хворого он не выглядит. А быть «падлюкой» в мире без ориентиров опасно для жизни, потому как понятно, что одному отсюда не выйти. Ловушка. И как из нее выбраться, эти трое знают точно, иначе бы не сидели расслабленно у странного костра, не требующего подпитки топливом и сложенного из чьих-то костей. Поэтому надо было пить.

Жидкость обожгла пищевод, перехватила дыхание, от неожиданности вышибла слезу. Вот черт, не водка и даже не первач... Чистый спирт! И его еще целая бутылка! Может, проще сразу застрелиться? Или вон «добряка» попросить помочь, чтоб не мучиться?

— Ты закусывай, парень, — посоветовал «Аль Пачино», протягивая Виктору кусок черного хлеба с колбасой. — И давай знакомиться заодно, коль уж занесла тебя нелегкая в эти места. Меня Валерьяном кличут. Вон тот рыжий — Корень, а это Кэп. Ну а тебя как величать?

— Ма... — начал, было, Виктор и осекся. «Майора Савельева» у сталкерского костра могут не понять, потому он утер невольные слезы рукавом и сказал:

— Виктор.

— Так вот прям Виктор, без погоняла? — удивленно поднял брови Валерьян. — Новичок, что ли?

— Типа того, — сказал Виктор, откусывая от бутерброда.

— Зона еще не дала нового имени, — прояснил ситуацию рыжебородый. — Но приняла. Ты с Кордона пришел такой весь в белом, при шпаге и без единой царапины? И, поди, ни аномалий не встретил, ни голодных мутантов?

— Угу, — промычал Виктор. Вопреки опасениям колбаса оказалась не магазинным продуктом вторичной переработки, а вкуснейшим деликатесом домашнего приготовления.

— Значит, неспроста ты сюда пришел, — задумчиво произнес «добряк», которого Валерьян назвал Кэпом. — Зона позвала.

— Как и всех нас в свое время, — вздохнул Корень. — Вот ты, Валерьян, когда понял, что нужен Зоне?

— Когда труп свой в Рыжем лесу нашел, — отозвался «Аль Пачино», ловко кромсая шпат сала широким боевым ножом с надписью «Антитеррор» на клинке. — Я тогда рассудил, что Зона мне вторую жизнь дала. А вот зачем, пока не понял.

— И не поймешь, — сказал Корень. — Я вот тоже до сих пор ничего не понимаю.

— Его вообще, похоже, черт-те откуда к нам занесло, — доверительно сообщил Виктору Валерьян. — Фильм «Гостя из будущего» смотрел? Старый, который за тринадцать месяцев до Первого взрыва на экраны вышел.

Виктор кивнул. Как не помнить любимый фильм его детства про красавицу Алису Селезневу, неразделенную и несбыточную любовь всех тогдашних мальчишек?

— Так вот, Кэп говорит, мол, в Лиманске телепорт есть, точная копия того, что в фильме. И что он Корня без сознания возле него нашел и вытащил наружу. И, типа, с тех пор ни одна падла к тому телепорту попасть не может, хотя адрес известен, но дверку открыть и посмотреть, что за ней, пока никому, кроме него, не удавалось. Правда, надо учитывать, что Кэп у нас парень хоть и честный, но с фантазией, и, судя по тому, что Корень ни черта о своем прошлом не помнит, причесать он мог что угодно.

Виктор смотрел на этих людей и не понимал, издеваются они над ним или же он реально попал в компанию сумасшедших. Один труп свой нашел, второй — «гостя из будущего» с бородой и «Валом», который в лапах, густо поросших рыжей шерстью, наверняка смотрится как детская игрушка.

— Не веришь? — краем рта усмехнулся Кэп. — Кто не верит, может сам сходить посмотреть. Лиманск, улица Краківська дом тридцать семь с мемориальной плитой,⁵ на которой надпись на рідній мові: «Збудовано на честь п'ятидесятиріччя Великого Жовтня»...⁶

— Спасибо, Кэп, учтем, — с серьезным видом кивнул Валериан. — Кстати, давно хотел тебя спросить как местного жителя, почему в Зоне все говорят на русском, хотя от Чернобыля до Киева немногим больше ста километров?

— Ну, ты й спитав, — проворчал Кэп. — Да тому що ніякий нормальний українець до Зони не полізе... Ось дивись! В мене на Батьківщині, в місті Кривий Ріг, є все, що треба для нормального життя: сало, цибуля, горілка та гарні молодіці! Нащо нормальному українцю до Зони пхатися? Це москалі-заробітчани понаїхали артефакти шукати, ось Зона і почала по-москальські балакати.⁷

У костра грохнуло. Корень вообще повалился на спину, зайдясь в хохоте и задрал к хмурому небу рыжую бороду. Даже Виктор улыбнулся.

— А ты тогда что здесь делаешь? — посмеиваясь в усы, спросил Валериан.

— Але ж дуже цікаво мені спостерегати, як кумедно москалі ті артефакти шукають. То в аномалію залізуть, то до сусіда в кишеню. Кіно та й годі⁸ — ответил Кэп.

Новый взрыв хохота пронесся над стоянкой, колыхнув языки пламени костра.

Наконец все отсмеялись и процесс выпивки-закуски вернулся к прежнему ритму.

— Ну, в карман к ближнему все горазды смотреть, и не только в Зоне, — сказал Корень. — И в спину более удачливому стреляют во всем мире вне зависимости от национальности. А насчет Лиманска вы Кэпа особо не слушайте. Туда нынче ходит — верная смерть. Блуждает Лиманск, и когда вернется — никто не знает. Сейчас на его месте трехмерная проекция, из которой выхода нет в принципе.

— А отсюда? — кивнул Виктор на стену, торчащую невдалеке.

— Из двухмерной проекции мира, то есть отсюда, выход всегда есть. Если знать, где его найти, — произнес Кэп.

— Ну что ж, давайте по второй. За знакомство, — сказал Валериан и, никого не спрашивая, разлил по стаканам спирт.

За знакомство не выпить — обидеть навек, любому известно, кто вырос на просторах бывшего Советского Союза. Виктор опрокинул в себя кружку, продышался, закусил душистым салом — и вдруг понял, что он давно так хорошо ни с кем не общался. Именно здесь, посреди странного, жуткого мира, в компании едва знакомых сталкеров, которых Льюис Кэрролл послушал бы — и еще одну нетленку наваял, Виктору было хорошо. Душа отдыхала — пожалуй, впервые за многие годы. Драки, перестрелки, предательства, враги, притворяющиеся друзьями, и друзья, ставшие врагами, — все это осталось далеко в прошлом. Здесь же, в настоящем, были лишь он, костер и эти люди в центре пустого мира, девственно-чистого, лишенного грязи, крови и ненависти...

— А... что значит «двухмерная проекция»? — спросил Виктор. В голове у него уже слегка шумело с непривычки, но мозги работали пока еще довольно четко.

— То, где мы сейчас так хорошо сидим, — сказал Корень. — Проекция Зоны, в которой осталось только то, что имеет значение на текущий момент времени.

— Небо, земля и вон та стена? — уточнил Виктор.

— Ну да, — кивнул Валерьян.

— Ну... а мы почему тогда... это... объемные?

⁵ Краковская (укр.).

⁶ Построен в честь Пятидесятилетия Великого октября (укр.).

⁷ — Ну, ты спросил. Да потому, что никакой нормальный украинец в Зону не полезет... Вот смотри! У меня на родине, в городе Кривой Рог, есть все, что надо для нормальной жизни: сало, лук, водка и хорошенькие девушки! Зачем нормальному украинцу в Зону переться? Это москали-гастарбайтеры понаехали артефакты искать, вот Зона и начала по-москальски разговаривать (укр.).

⁸ — Так очень интересно мне наблюдать, как забавно москали те артефакты ищут. То в аномалию залезут, то к соседу в карман. Кино да и только! (укр.).

— У Зоны спроси, — посоветовал Кэп. — Может, потому, что ты и мы важны для нее именно в таком качестве. Или же мы просто так друг друга видим, хотя на самом деле плоские и однобокие, как шутки Валерьяна.

— А дом... то есть стена почему там?

Спирт потихоньку делал свое черное дело, и четко выражать свои мысли становилось все сложнее.

— Так в той точке пространства, где это здание находится, Большая Сходка проходить должна, которая для Зоны существенное значение имеет. Потому и проекция налицо. Все остальное неважно, — ответил Корень, нанизывая на кончик ножа солидный кусок тушенки. — Ну, про нас вроде теперь все ясно, теперь ты расскажи, зачем в Зону пришел.

Хмель отпустил как-то сразу. В повисшей тишине было слышно, как потрескивают в костре расслоившиеся от жара кости.

— Найти людей, — медленно проговорил Виктор.

— Хорошая причина, — кивнул Валериан. — И что за люди? Может, мы про них знаем чего. Гладишь, подскажем заодно, где их найти.

— Я знаю, где их найти, — сказал Виктор. — За тем и шел на Дикие Территории.

Кэп бросил в костер пустую банку из-под тушенки. Машинально проследив взглядом полет банки с нарисованной Великой Китайской стеной на боку, Виктор увидел, как, лишь коснувшись пламени, металл мгновенно расплавился и потек по черным костям.

— Знаешь, — медленно проговорил Кэп, — в Зоне обычно люди ищут других людей для того, чтобы их убить, — и, как правило, в этом нет ничего предосудительного. У каждого человека есть много причин для того, чтобы умереть, и самая распространенная из них, это если он никому на этом свете не нужен. Даже себе. Тогда он просто уходит из этого мира в поисках своего предназначения. Но из Зоны некуда уходить. Если человек попадает сюда, то это и есть его предназначение. Так что здесь не стоит убивать людей, если они не сделали или не собираются сделать тебе ничего плохого. А если ты убиваешь того, кто спас тебя, не отдав ему Долг жизни, то Зона накажет обязательно. И очень страшно накажет. Просто учти это на будущее.

— Спасибо, Кэп, — вполне серьезно произнес Виктор. В общем-то, ничего нового не сказал сейчас этот сталкер, но почему-то за душу зацепило. Может, спирт не до конца выветрился?

Они посидели еще немного, даже говорили о чем-то, доедая тушенку из вскрытых банок и разливая оставшийся спирт по стаканам. Но Виктор, опрокинув третий стаканчик «за то, что хорошо сидим», от продолжения отказался и терпеливо ждал, когда закончится пиршество.

— Ладно, поели-попили, пора и честь знать, — наконец сказал Валериан, хлопнув себя по коленям. — Кто парня выведет? Кэп, ты как?

— Как что — сразу Кэп, — проворчал сталкер, поднимаясь со своего места. — Мусор в костер не забудьте свалить, лентяи. И огонь не тушите, а то спьяну забудете.

— Ну да, так я прям и бросился тушить Вечный костер, — буркнул Валериан, скармливая прожорливому огню остатки пиршества. — Типа, мне жить надоело.

— Да кто тебя знает, — хмыкнул Кэп. — Тот, в Рыжем лесу, по ходу знал, что в логово снайперов претя, и все равно шел зачем-то. Но это я так, к слову.

— Ну, сталкерюга, я тебе это на Кордоне припомню, — беззлобно погрозил Валериан.

— Не вспомнишь ты ни черта на Кордоне, — сказал Кэп.

Виктор поднялся со своего места.

— Слышь, парень, — окликнул его рыжебородый Корень. — Ты это, не сочти за труд, если что про меня найдешь, дай знать. А то неудобно как-то жить без прошлого.

— А оно тебе точно надо, твое прошлое? — поинтересовался Валерьян. — Вон Меченый тоже ни черта не помнит про то, что было до того, как он в Зоне появился — и даже рад, потому как подозревает, что сильно не обрадуется, узнав о том, что он наворотил в свое время на Большой Земле с такими-то навыками.

— То Меченый, а то я, — упрямо проговорил Корень, слегка набычась. — Мне надо знать. Очень надо.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Если что найду, разыщу тебя непременно.

— Смотри, парень, — прищурился Кэп. — Здесь обещаниями не разбрасываются. Забудешь про данное слово — Зона напомним обязательно, причем сурово напомним.

— Я и на Большой Земле трепаться не привык, — сказал Виктор. — И здесь привычки менять не собираюсь.

— Тогда ладно, — кивнул Кэп. — Ну что, майор Савельев, пошли, что ли?..

Виктор шел за своим проводником и думал о том, что у костра он так и не произнес вслух ни свое звание, ни фамилию. Потом он подумал, что забыл поблагодарить за гостеприимство и попрощаться с Валерианом и Корнем.

Виктор обернулся — считай, только-только отошли от стоянки, — но позади никого не было. И ничего. Ни сталкеров, ни костра — просто голое поле до горизонта.

СНАЙПЕР

Первые лучи солнца — лучший будильник для того, кто спит в будке, стены которой изрешечены дырками от пуль, словно старый дуршлаг. Отогнать солнечный зайчик, намертво запутавшийся в моих ресницах, не получилось. После нескольких безуспешных попыток снова провалиться в мягкий омут сна, я оставил это занятие, с хрустом потянулся, достал из рюкзака белковый батончик, хлеб, сушеный сыр, флягу с водой и принялся за нехитрый завтрак, попутно прикидывая в уме будущий маршрут.

Хотя прикидывать было особенно нечего. За кладбищем старой военной техники имелась небольшая возвышенность, перевалив через которую, по идее, вполне можно было весьма коротким путем добраться до Диких Территорий. Правда, я не слышал, чтобы кто-то ходил этой дорогой, но кому-то же надо быть первым.

Покончив с завтраком, я извлек из рюкзака бинокль и внимательно осмотрел местность. Да уж, мутанты попиروвали на славу. Кладбище техники сейчас сильно напоминало скотобойню, так как уже не представлялось возможным идентифицировать многочисленные обрывки плоти и осколки костей, разбросанные по земле, почерневшей от впитавшейся крови.

Но в Зоне мне приходилось видеть и не такое. Главное, что, покушав и хорошо подравшись между собою за наиболее лакомые кусочки, мутанты удалились восвояси переваривать пищу и зализывать раны. И поскольку обмен веществ и процессы регенерации тканей у радиоактивных тварей сильно ускорены, высока вероятность, что вскоре они вернутся посмотреть, не осталось ли чего после обильного ужина еще и на завтрак. И становиться этим завтраком мне решительно не хотелось. Поэтому я в темпе собрался и покинул гостеприимную будку.

Не особо приятно было идти по чавкающей грязи, замешанной на содержимом кишечников распотрошенных бандитов и пресытившихся мутантов, а также на не успевшей свернуться кровище и тех и других. Но Зона не пляж, а я, к моему великому сожалению, не спасатель Малибу. Так что если уж я решил идти коротким путем, то особенно выбирать не приходилось. Правда, я приложил все усилия, чтобы, спрятав нос и рот в рукав куртки, миновать это отнюдь не благоухающее розами место как можно быстрее.

Фильтрующих масок я не признавал — двадцать четыре часа в них ходить не будешь, а чтобы проглотить пылинку, принесенную ветром из какого-нибудь разрушившегося от времени могильника радиоактивных отходов, достаточно секунды, пока человек меняет забившиеся фильтры сложной системы жизнеобеспечения. Случаи известны. Причем погибали вот так по-глупому в основном те, кто шибко сильно заботился о своем здоровье. Не любит Зона тех, кто ее боится. Уважать необходимо, в противном случае тоже огребешь по полной. Но не бояться. Трусов никто и нигде не жалуется...

За кладбищем брошенной военной техники имелось еще одно кладбище несбывшихся планов построения светлого будущего — заросшие травой горы стройматериалов. Плиты, трубы, перекрученная арматура... и одинокий экскаватор, навечно зарывшийся ковшом в зараженную почву Зоны. Судя по легкому свечению неизвестной природы, проистекавшему изнутри кабины сквозь абсолютно целые стекла, еще один Памятник Зоны, приближаться к которому категорически не рекомендуется.

Но не местные достопримечательности интересовали меня сейчас. Пройдя немного дальше, за кучей строительных обломков я заметил подозрительный блик, который мне сильно не понравился. Я достал КПК, поковырялся в настройках, выставив чувствительность детектора аномалий на максимум... и глубокомысленно почесал в затылке.

Судя по картинке, на экране получалось, что я стоял на краю поля, заполненного «Каруселями» и «Воронками», — последняя модель КПК успешно распознавала тип аномалий, хотя непонятно, на кой это нужно. Лучше бы границы тех аномалий обозначала, тогда, глядишь, можно было и без болтов по Зоне ходить. А так, извините, хоть и супернавороченная электроника в кармане, а ржавый болт завсегда вернее будет.

Идти по полю, засеянному смертоносными ловушками как огород тыквами, очень не хотелось. И я совсем уже решил, было вернуться и поискать менее экстремальное место для прохода, но тут позади меня раздался вой, хорошо знакомый всем сталкерам Зоны, хотя бы неделю походившим по ней в поисках артефактов.

Понятно. Стая безглазых собак возвращалась к остаткам ночного пиршества и неожиданно унюхала следы свежей дичи. И, поскольку свежачок к завтраку всегда предпочтительнее падали, собачки решили немного поохотиться. Тем более что завтраку из ложбины с аномалиями все равно деваться некуда.

«Вот черт! — пронеслось у меня в голове. — Сам себя загнал в ловушку!»

Конечно, можно поизображать из себя Легенду Зоны и попробовать покрошить четвероногих охотников из своего ВСК-94. Но единственным результатом данного действия было бы лишь кратковременное повышение самооценки. Мол, я бился до последнего! И даже штук пять пристрелил... А потом накатывающийся вал гниющих тел просто снес бы меня прямо на поле аномалий.

Поэтому я, не теряя времени, сунул в карман бесполезный КПК и вместо него извлек горсть ржавых болтов, свинченных еще на болотах с не особо «светящего» рентгенами древнего УАЗика.

До чего же не люблю я эту картину — радужные бензиновые пятна, растекающиеся по поверхности «Каруселей» при попадании в них гайки, гильзы или болта. С детства неприятные ассоциации, с тех пор как здоровенный пацан из седьмого «А», сосредоточенно сопя, пытался макнуть меня лицом в лужу с такими вот пятнами на поверхности. Я тогда учился в четвертом, и ловить мне было особо нечего. Как и сейчас, впрочем.

Продвинулся я ненамного, шагов на пять вперед, обойдя «Карусель» справа от меня и пару «Воронок» слева. «Воронки», кстати, когда в них врежется какая-нибудь железяка, обозначают себя похожим пятном, только несколько меньшим по размеру. Час от часу не легче, и выбор небольшой — то ли тебя просто сплющит в комок из костей и мяса, а потом раскидает во все стороны по жухлой траве, то ли, подняв в воздух, немного покрутит в миниторнадо, прежде чем вдумчиво четвертовать, словно муху, которой даун-сидист не спеша и с наслаждением отрывает крылышки, ноги, а потом то, что осталось.

Первая безглазая псина показалась из-за экскаватора и радостно взвыла — вот он, завтрак, стоит себе целехонький, не придется выискивать в траве разбросанные аномалией крохотные кусочки плоти.

— А ты сначала достань тот завтрак, — сказал я, закидывая за спину автомат, бесполезный в узком проходе против стаи безглазых псов и доставая из ножен «Бритву». Много раз мысленно говорил я спасибо мутанту, от широты души вернувшему мне, пожалуй, самый замечательный нож Зоны. Хотя я, в свою очередь, вернул тому мутанту способность передвигаться, потому что еще кому спасибо должен говорить. Не раз выручала

меня «Бритва» и в этом мире, и в его отражении. Правда, до сих пор никто точно не знает, наш мир есть отражение зазеркалья или же наоборот...

Ну вот, как всегда перед боем лезет в голову всякая ерунда. Кстати, нормальная и правильная реакция организма на драку. Так наиболее оптимально глушится адреналин, забивающий правильные рефлексy. Но уж сейчас, когда бой обещает быть реально последним, могло бы прийти в голову что-нибудь более приличное, чем трехголовый монстр или философские рассуждения об устройстве мира...

Вожак не стал дожидаться, пока подтянется стая, и прыгнул, разинув пасть. Твою мать, практически голый скелет со свисающими с хребта лохмотьями прогнившей плоти, а туда же!

— Куда ж ты жрать меня собрался, без желудка-то? — прошептал я, слегка приседая и вытягивая вперед левую руку. С желудком ли, без него ли, но зубы свои этот костяной капкан сохранил почти полностью. Как и рефлексy когда-то большой собаки, наверняка бойцовской породы.

Безглазая псина — или, скорее, то, что от нее осталось, — среагировала на тот кусок мяса, который был ближе. Но за мгновение до того, как ее клыки сомкнулись на моих растопыренных пальцах, я успел отдернуть руку и коротко рубануть «Бритвой» по сухожилиям, на которых чудом держалась голова твари.

Клацнув зубами вхолостую, череп вожака стаи полетел дальше по инерции, а более тяжелое тело грохнулось на землю и покатилося по траве. Я повернулся, было к стае, которая словно широкая кроваво-гнойная лента вытекала из-за экскаватора, но тут позади меня звучно хлопнуло. Волна сжатого воздуха сильно толкнула меня в бок, осколок кости рванул кожу на тыльной стороне кисти. Я резко обернулся и увидел легкое облачко пыли над характерным черным пятном. Такое пятно всегда образуется под «Воронкой» в результате фонтанов из крови и плоти жертв аномалии, при ее активации бьющих со страшной силой не только в стороны, но и вниз.

У меня было не больше трех-четырёх секунд, прежде чем «Воронка» снова «зарядится». Потому я не стал дожидаться, пока на меня прыгнет новая тварь, и прыгнул сам — прямо и центр разрядившейся аномалии, мысленно моля Хозяев Зоны, чтобы псевдособаки не перехотели завтракать, учуяв не только свежее мясо, но и то, что его окружает.

Может быть, в другой раз безглазые псы и передумали бы охотиться в таком неблагополучном месте на столь сложную дичь, но, во-первых, ложбина была узкая и задние сильно напирали на передних. А во-вторых, вождь стаи перед смертью оказал мне небольшую услугу. Осколок его кости вспорол кожу на моей руке, и запах свежей крови напрочь отбил у мутантов последние остатки инстинкта самосохранения.

Следующего пса, несколько лучше сохранившегося, я принял на клинок в полете и рывком переправил за спину. И, не став дожидаться хлопка, словно при броске гранаты отсчитав «двадцать два — двадцать три», прыгнул следом.

На этот раз сработавшая аномалия ударила меня в лицо не только плотной стеной сжатого воздуха, но и душем из плоти, гноя и костяного крошева. Хорошо, что я успел зажмуриться и выдохнуть.

Вторая «Воронка», разрядившись, отбросила меня за край черного пятна, только что обновленного четвероногим любителем свежих завтраков. И сразу же я почувствовал, как воздух слева от меня начинает закручиваться в спираль.

Я сделал шаг назад, но было поздно — «Карусель» почуяла жертву и не собиралась ее упускать. Как, кстати, и безглазые собаки.

Несколько облезлых мутантов уже истошно визжали с высоты пятиэтажного дома, поднятые в воздух «Каруселями». Хлопки впереди меня свидетельствовали о сработавших «Воронках». Но проклятые мутанты продолжали переть напролом, дурея от многократно усилившегося запаха свежей крови и мяса.

Очередного довольно массивного пса, приблизившегося ко мне, я удачно пнул в ребра, отправив его в «Карусель», явно собравшуюся превратить меня в летающий бифштекс.

Обрадованная легкой добычей, аномалия немедленно подбросила в воздух моего несостоявшегося убийцу и мгновенно раскрутила его так, что уже невозможно было разобрать где лапы, где голова, а где собачий хвост, столь ценимый учеными всего мира. Секунда, истошный визг — и из пыльного смерча полетели куски плоти, а сама воздушная воронка изменила цвет с серого на темно-багровый.

Но на всякую хитрую аномалию найдется свой болт...

Какая-то мелкая и длинная паскуда с ушами, при жизни бывшая то ли таксой, то ли ягдттерьером, все-таки умудрилась подпрыгнуть и впиться зубами в мое левое бедро. Метила она явно не в бедро, а правее. И очень хорошо, что промахнулась, так как на мне из защиты были только старые джинсы.

Мелкие, но острые зубы разодрали ткань и в неожиданно большой пасти безглазой твари оказался существенный кусок моего мяса.

Свое мясо я люблю больше чем какое-либо другое, потому голову гурмана, предпочитающего пашину,⁹ я кромсал «Бритвой» быстро, но крайне внимательно. Непростое это дело — срубить с ноги чужие челюсти, одновременно глядеть по сторонам, стараясь не прозевать очередную атаку, и при этом стоять на месте как вкопанный. Потому что один неосторожный шаг в сторону — и собачьи зубы, застрявшие в моем бедре, покажутся сущей мелочью, недостойной внимания.

Мне еще ни разу не представился случай разочароваться в своем ноже. Обе челюсти безглазой собаки я смахнул с ноги в четыре удара. То, что осталось от нее, еще живое сползло с моей ноги, скребя когтями по штанине. Но радости мне легкая победа над врагом не доставила. Во-первых, потому, что по ощущениям у меня в бедре застряло несколько зубов паскудной твари. Во-вторых, прямо на меня, распластавшись в полете, летела огромная черная собака с двумя кровавыми шариками в черепе вместо глаз.

Я уже видел однажды такую псину. Правда, в тот раз у меня в руках был пулемет, а не нож, и я решил проблему всего двумя выстрелами. Ведь достаточно послать две пули в самое уязвимое место на теле любой живой твари на земле — в глаза или в то место, где им положено быть, — и можно считать, что опасность миновала.

Но пулемета у меня не было, а применять автомат не имело смысла что против стаи безглазых собак, что против этого монстра, словно сошедшего со страниц «Собаки Баскервилей» и при этом увеличенного как минимум раза в полтора. Что за тварь? А хрен ее знает, в «Энциклопедии Зоны» про нее ни слова. Спецом для меня, что ль, кто-то из ученых сюрприз вырастил? Надо будет у Сахарова спросить, если встретимся, конечно. Но, судя по идеальной сохранности мышц при полном отсутствии кожных покровов на теле кошмарной псины, вряд ли это мутант. Больше похоже на творение рук человеческих...

Ну, вот опять, размышления черт-те о чем. Но это всегда лучше, чем распространенные реакции большинства людей на опасность — ступор, доставшийся людям от примитивных предков, мол, мертвого не сожрут, или же паническое бегство хоть куда-нибудь, лишь бы подальше от опасности, подставляя при этом врагу незащищенную спину. Ни то ни другое не мой случай. Замершее тело с остекленевшими от ужаса глазами или, притормозив, скушают не спеша, или, не сбавляя скорости, сметут в ближайшую аномалию. А бежать просто некуда, ибо сзади в процессе очистки ноги от зловредной таксы я успел разглядеть краем глаза огромное черное пятно и легкий пылевой вихрь рядышком с тем пятном — две милых соседки, «Воронка» и «Карусель», обе неслабых размеров. Правда, за ними, похоже, уже чисто и даже проход меж холмами виднеется, но легче до Пекина в позе снарка добраться, чем целым проскочить через практически соприкасающиеся аномалии таких размеров. Эх, а в центре почти невидимого вихря равномерно пульсирует сердце — артефакт «Душа», и весьма солидный, соответствующий габаритам гигантской «Карусели». Таких «Душ» мне раньше видеть не доводилось.

Но это все в настоящий момент абсолютно бесполезная лирика, которая плещется в моей голове как дерьмо в аквариуме, в то время как собака, размерами похожая на лошадь,

⁹ Пашина — мясо с нижней части живота (пахы).

стремительно сокращает расстояние между мною и своей пастью, сильно смахивающей на зубастый чемодан.

И что мне оставалось делать? Счет шел на доли секунды, и я, забыв о боли в прокушенном квадрицепсе, перенес вес тела на здоровую ногу, одновременно выставляя перед собой «Бритву»...

Удар был страшным. На ногах я устоял, но шаг назад пришлось сделать — иначе б я просто грохнулся навзничь, приземлившись головой точно в аномалию. А так я лишь почувствовал, словно меня кто-то схватил сзади за куртку и пока что не сильно, но настойчиво потянул на себя.

Мне не хотелось думать, кто это был — «Воронка» или «Карусель». Нельзя об этом думать, когда прямо перед твоим лицом нависла воняющая полуразложившимся мясом клыкастая пасть и хрипит, и рычит в бессильной ярости, сиюсь сомкнуть челюсти.

Но сделать это огромной собаке было не просто. Ее удар я принял встречным движением, по локоть всадив обе руки в разверстую пасть мутанта. Иного выхода у меня не было — только ударить навстречу, гася инерцию разбега собаки и при этом вонзая «Бритву» ей в небо.

Клинок легко распахал плоть и глубоко воткнулся в кость. Предплечьем второй руки я в это время уперся в нижнюю челюсть монстра и изо всех сил раздираю сейчас его пасть. Хорошо, что рука попала не на клыки, а на передние резцовые зубы — пострадал лишь рукав куртки и кожа предплечья. В случае контакта с огромными клыками предплечье наверняка было бы распорото в лохмотья.

Я видел ее глаза в трех дециметрах от своего лица — кровавые шарики, похожие на брюшко сытого комара. Без зрачков, без мыслей, которые при желании можно разглядеть во взгляде даже самой глупой собаки. У этой в глазах не было ничего, кроме крови. И не хотела она ничего, кроме крови и мяса. Моего мяса.

Она давила на меня своей тушей, изо всех сил упираясь лапами в землю. Повалить и растерзать? Возможно. Но этого я не дам ей сделать. Тем более что я не просто раздираю пасть твари, но еще и пытаюсь выдернуть из ее черепа застрявший клинок, расшатывая нож и причиняя мутанту нешуточную боль.

О своей боли я не думал. Боль придет потом к кому-нибудь из нас — к тому, кто останется в живых. Сейчас мы были слишком заняты, чтобы обращать на нее внимание.

Но силы заканчивались у обоих. Гигантская собака уже не пыталась захлопнуть пасть. Она лишь упиралась задними лапами в землю, оторвав передние от земли, и давила, давила, давила...

Внезапно я понял, что она делает. Разочаровавшись в завтраке, отчаянно цепляющемся за жизнь, мутант решил прикончить его по-любому, пусть даже ценой собственной жизни.

Мне удалось немного повернуть голову, и то, что я увидел за своим левым плечом, мне не понравилось. Брызги слюны, вылетающие из пасти мутанта, попадали на невидимую пленку, висящую в воздухе, границу аномалии, раскинувшейся над абсолютно гладкой, словно подметенной веником, проплешиной на земле. И от этих гнойных капель по поверхности «Карусели» тут и там расплывались радужные пятна, очень похожие на бензиновые, которые образуются на поверхности луж...

И такое меня зло взяло, что ни в сказке сказать, ни пером расписать по наглой мутантовой морде. Нахлынуло из прошлого, словно ведро ледяных помоев на голову опрокинули...

Снова Васька Козлов из седьмого «А» с налитыми кровью глазами вдавливал меня в поганую лужу, и снова мне не хватало сил, чтобы справиться с уродом. Правда, там, где не хватает сил, иногда выручает рывок отчаяния. Тогда, в детстве, я неожиданно для себя и для Васьки рванулся сначала вперед, увлекая за собой более грузное тело противника, а после, оттолкнувшись ладонями от асфальта, дернулся назад. В школе класса до шестого я был тощим как жердь, и мне не составило труда проскользнуть под грузным телом Козлова, который, к удивлению зрителей, согласно законам физики воткнулся жирной мордой в ту самую бензиновую лужу, в которой он собирался умыть меня.

И хотя сейчас я был лицом к противнику, физика всегда остается физикой. А злость, помноженная на отчаяние, и есть тот самый спасательный круг, что выручал человека тысячи лет назад в схватках с саблезубыми тиграми и иными тварями, охочими до живого мяса.

Я рванул руку с ножом вверх и за голову, при этом подныривая под собаку и стараясь проскользнуть между ее лап с черными когтями, длинными, словно человеческие пальцы. И хотя я был уже далеко не тощим школьником, мне это удалось, хоть когти передних лап и превратили в лохмотья куртку на моей груди, когда собака, пытаясь остановить инерцию полета, бешено молотила ими по воздуху. Но уж слишком отчаянно пыталась она вдавить меня в аномалию, и, когда я исчез, при этом, добавив ускорения ее телу последним ударом ножа, псина успела лишь коротко взвизгнуть перед тем, как всей своей тяжеленной тушей врезаться в «Карусель»...

Удар был такой силы, что артефакт, лениво покачивающийся на воздушных волнах внутри аномалии, вылетел из нее словно снаряд из пушки. Если б я был поэтом, я бы, возможно, придумал красивый стих о том, как ловко я телом врага выбил душу из аномалии. То есть «Душу» из «Карусели». Но поэт из меня никакой, да и не до стихов как-то, когда на каждом шагу поджидает тебя проза жизни в чистом виде. Может, как-нибудь роман напишу на досуге. Да нет, похоже, одним романом не обойдется, тут этой самой прозы жизни как раз на трилогию наберется...

Словом, «Карусель», разозленная потерей артефакта, особо не церемонилась с виновником утраты. Тело мутанта в мгновение ока без каких-либо полетов взорвалось будто наполненный кровью воздушный шарик, по которому кто-то со всей дури долбанул кузнечным молотом. Если кто-то думает, что аномалии не способны злиться, пусть попробует вышибить из реально большой, полностью созревшей «Карусели» артефакт, и пусть сам увидит, на что способны эти порождения Зоны.

А у меня снова было несколько секунд на то, чтобы вскочить на ноги и рвануть бегом по лысой проплешине в траве, обильно политой свежей кровищей.

Большие аномалии и восстанавливаются быстрее. За моей спиной зашипело, будто я пробежал по логову разозленных змей. Меня ощутимо потянуло назад, но я уже был в нескольких шагах от опасной зоны и не собирался останавливаться...

Я замедлил бег, лишь когда пробежал небольшую рощу с деревьями, нереально зелеными посреди вечной осени. После чего позволил себе рухнуть на землю, перевести дух и заодно повнимательнее осмотреть свои раны.

Как ни странно, лошадообразная собака не причинила мне особого ущерба. Так, царапины на предплечье, разодранная на груди куртка и кровавый душ, благодаря которому я, наверно, сейчас здорово смахивал на новоиспеченного зомби. Самым неприятным сюрпризом оказался набор зубов ушастой таксы, засевший в моей ноге словно шарики, выпущенные из мощной пневматики с близкого расстояния. Сами по себе раны не особо опасные, хотя метила тварь в пах — попала бы, куда целилась, и привет, отходил бы сталкер по Зоне. Но и даже если не попала, приятного мало, особенно когда в аптечке нет специальной сыворотки. Ранки на предплечье ерунда, по ним я, засучив рукав, просто полоснул «Бритвой», отдал крови с полстакана и наложил сверху пластырь с антисептиком.

А вот с ногой сложнее.

Засадив себе в трицепс ампулу морфина из аптечки, которой меня снабдил в дорогу Болотный Доктор, я поднялся на ноги и вернулся назад — пока не торкнуло, как раз минут десять в запасе имелось.

К полю аномалий я шел вовсе не для того, чтобы насладиться видом места битвы, обильно политого кровью безглазых собак. Просто в кустах неподалеку от этого поля уныло мерцала выбитая из аномалии «Душа», которая сейчас была жизненно необходима моему телу, изрядно потрепанному мутантами.

Я подобрал артефакт, расстегнул остатки куртки и накрепко прибинтовал теплое, слабо пульсирующее «сердце» к своему животу. И сразу же от него по телу пошли вполне

ощутимые волны — свежие «Души» наиболее полезны, хотя и за пожилые, которые доходят до Большой Земли, богатеи выкладывают нереальные суммы. Потому о том, насколько ценен в Зоне этот крайне редкий артефакт, даже говорить не приходится...

Но врачевать себя рядом с полем аномалий все равно не хотелось, и я вернулся обратно к противоположной границе рощицы, бормоча себе под нос строчку из «Агаты Кристи»: «А ночью по лесу идет Сатана и собирает свежие души». После чего расположился с удобствами, прислонившись спиной к разлапистой ели и положив рядом автомат, — у «душевного» человека в Зоне всегда намного больше шансов схватить пулю от ближнего своего, нежели у «бездушного».

И тут меня накрыло. Мир стал слегка зыбким и приятным на ощупь. Самое время.

Я вспорол штанину, прокалил кончик «Бритвы» зажигалкой и начал методично выковыривать ножом из ноги собачьи зубы. На редкость неприятное занятие, даже под дозой мощного анальгетика, на который многие в Зоне подсаживаются на раз-два-три ввиду его доступности, — у любого барыги одноразовых инъекторов можно вагон закупить, были бы бабки. Но нам такого счастья удовольствия ради не надо, разве только если чужие клыки в ноге застряли, но тут уж ничего не попишешь, приходится ширяться, чтоб от болевого шока не отрубиться.

Операция заняла минут десять — я старался работать как можно быстрее, так как основное испытание было впереди.

Вылузив последний зуб из окровавленного мяса, я приложил к ране кровоостанавливающую салфетку. После чего достал из рюкзака запасной магазин к своему ВСК-94 и неизменный спутник любого сталкера — мультитул «Victorinox», многофункциональные пассатижи с кучей дополнительных инструментов, скрытых в рукоятях. Но сейчас пассатижи интересовали меня лишь по прямому назначению.

Выщелкнув из магазина пять патронов, я вытащил из них пули и вытряхнул порох из гильз на обертку от салфетки. После чего резким движением сорвал салфетку с раны, сыпанул на нее порох и как можно быстрее, чтоб лекарство не успело подмокнуть от крови, щелкнул зажигалкой...

Иначе нельзя. Как назло, у Доктора закончились армейские аптечки с сывороткой, разработанной специально от укусов собак Зоны. В слюне этих тварей содержится мутировавший вирус бешенства, который в разы сильнее и изобретательнее своего предка с Большой Земли. Если вовремя не сделать инъекцию сыворотки или не прижечь рану, то невидимый мутант, с кровотоком достигнув мозга жертвы, банально превращает ее в зомби. Совсем недавно Болотный Доктор пришел к такому печальному открытию, с описанием которого я от нечего делать ознакомился, валяясь на больничной койке. Получается, не только Выжигатель Мозгов способен спалить логические центры и превратить человека в гниющий заживо кусок мяса...

Конечно, морфин плюс «Душа» за пазухой хорошая комбинация для того, чтобы не вырубиться от такого лечения. Но все-таки живой человек по-любому на несколько мгновений теряет бдительность, когда на его ноге выгорает существенный шмат плоти, шибая в нос пороховой гарью и вонью паленого мяса.

Потому вспышек я не увидел и выстрелов не услышал, а лишь почувствовал два характерных удара — в шею и в грудь. Тот, в кого хоть раз в жизни попадала пуля, никогда не ошибется по поводу природы таких ударов, полученных вторично...

КИЛЛЕР

— Кэп, а почему ваш костер Валериан назвал Вечным? — спросил Виктор. Не то чтобы это его сильно интересовало, просто надо было как-то отвлечься от странного пейзажа вокруг.

Они шли по идеально ровному полю в сторону полосы белесого тумана, образовавшегося впереди. При этом туман не приближался и не удалялся. Он просто висел над бескрайним полем эдакой однородной, неестественной декорацией.

Виктор уже не мог точно сказать, тот ли это серо-белесый туман, из которого он вышел недавно к костру троих сталкеров, или какой-то другой. В мире без компаса и ориентиров сложно понять, в каком направлении ты двигаешься и двигаешься ли вообще. Вполне может оказаться, что, перебирая ногами однородный ковер примятой травы, ты не перемещаешься в пространстве, а стоишь на месте, проворачивая ступнями полотно гигантской беговой дорожки.

— Потому что он вечный, — сказал Кэп. — Когда люди пришли в Зону после Второго Взрыва, они уже горели. Никто не знает, кто и из чьих костей их сложил, но каждый может возле них обогреться и приготовить еду на огне. Но никто не может их потушить или вытащить из них хотя бы одну кость или случайно попавшую ветку. Пытались многие, просто от дури, которую девать некуда, или от любопытства, что часто одно и то же. Но потом они как-то быстро пропадали в Зоне. Однажды сталкер из Темных по прозвищу Водолаз долго глумился над Вечным костром — и гранаты в него бросал, и водой заливал, и песком засыпал, чуть не тронулся на этой теме. Но потом плюнул и занялся своими делами. И как-то незаметно тоже пропал. А потом кто-то нашел на Агропроме Вечный костер, в котором был череп с четырьмя глазницами — две нормальные, а две крошечные над бровями. У Водолаза их и не видно было почти, так, две складки на лбу, скрывающие эдакие мышинные глазки. Но такого черепа в Зоне больше ни у кого не было. С тех пор эти костры никто не тушит. Если же видят новоиспеченного пожарника, который Вечный костер загасить пытается, то просто пристреливают.

— Понятно, — сказал Виктор. Хотя понятного в услышанном было мало. Да и как умом понять такое?

— Ни черта тебе не понятно, — хмыкнул Кэп. — И мне не понятно, и всем, кто по Зоне шарится. Просто живем мы здесь и принимаем этот мир таким, каков он есть. И знаешь, со временем приходишь к тому, что другого мира тебе и не надо. Того, привычного, упорядоченного до тошноты, когда ты точно знаешь, что будет завтра, послезавтра и через год. И после надоевшей работы понятия не имеешь, куда деть себя от скуки. И ждешь, когда стрелка часов остановится на отметке, когда тебе пора вылезти из Интернета и отправиться спать, чтобы завтра снова идти на работу. Думается мне, что это не Зона не отпускает тех, кто пытается вернуться на Большую землю. Это они, вернувшись, не могут отпустить ее от себя и рано или поздно возвращаются в этот непредсказуемый каждодневный кошмар. Да, здесь грязь, кровь и непонятная, загадочная смерть на каждом шагу. Но здесь ты живешь полной жизнью, так как за нее тебе приходится бороться как настоящему хищнику. И каждый день доказывать себе, что ты не тварь дрожащая, а право имеешь жить именно здесь, а не в том выхолощенном мире за Периметром...

Виктор слушал этого странного человека — да человека ли? — и понимал, что сейчас перед ним открывается правда этого мира. Мужчина создан, вылеплен эволюцией для борьбы за существование, для улучшения рода людского путем естественного отбора, где выживает самый быстрый, самый сильный, самый умный. Так было веками, тысячелетиями. И не выбить это из нас сытой, спокойной, размеренной жизнью. Это природа человеческая зовет сталкеров в Зону... или же Зона пробуждает в мужиках зов предков, зов бесчисленных поколений воинов, с оружием в руках отстаивающих свое право на жизнь в этом мире. И многие, очень многие лишь здесь, да еще, пожалуй, на войне могут почувствовать себя теми, кто они есть на самом деле...

В тумане наметились какие-то странные темные силуэты, похожие на растущие из земли изуродованные кисти рук, сведенные предсмертной судорогой.

— Вот они, тени Чернобыля, — кивнул Кэп на изуродованные радиацией деревья. — Зона корежит все — и растения, и животных, и людей. Людей особенно. Хотя, может, и не корежит, а правит. Истинную сущность вытаскивает наружу.

Виктор слушал не перебивая. Сейчас, как это ни странно, он вновь чувствовал себя учеником, которому седобородый Учитель рассказывает об изнанке мироздания...

Он зажмурился и встряхнул головой, отгоняя наваждение. Учитель остался далеко в Японии, но в древних трактатах написано, что Учителя встречаются воину на его Пути всю жизнь, нужно лишь уметь распознать их в толпе и вслушаться в их слова...

За деревьями из тумана выступало нечто странное. Слабые, едва очерченные контуры зданий, сквозь которые просвечивало серое небо, лежащие на земле тени деревьев без самих деревьев, телеграфные столбы, подвешенные в воздухе за протянутые между ними провода...

— Особо не приглядывайся, а то крышу сорвет — и не заметишь, — посоветовал Кэп. — У картин Дали люди с ума сходили, а тут жесткий сюр наяву. С непривычки тяжело воспринимается.

Он поднял руку и указал на высокое дерево со стволом в три обхвата, несколько больше своих соседей похожее именно на дерево, а не на ладонь мертвеца, сожженного напалмом.

— Иди прямо на него и не сворачивай. Что бы ни казалось — просто иди. Уткнешься в ствол — не спеши, осмотрись. Скорее всего, это будет твой мир.

— А что, возможны варианты? — поинтересовался Виктор.

— В Зоне все возможно. Как и не в Зоне, впрочем.

— Спасибо, Кэп.

— Удачной тебе дороги, сталкер, — произнес проводник Виктора. После чего повернулся на сорок пять градусов и пошел себе не спеша куда-то между резкими линиями, висящими прямо в воздухе и напоминающими огромный, едва начатый чертеж заводского корпуса.

Послышался скрип петель невидимой двери — и внезапно фигура Кэпа исчезла, будто и не было его только что рядом. А может, и вправду не было?

«Об этом подумаешь позже, когда отсюда выберешься», — мысленно сказал себе Виктор, уверенно шагая по направлению к дереву, на которое указал Кэп. И чем ближе он подходил к цели, тем сложнее было продираться сквозь внезапно уплотнившееся пространство.

У Виктора появилось стойкое ощущение, что он, словно сквозь крутое тесто, продирается через бетонные стены, вытаскивает свой скелет из перекрестий арматуры и, будто из болотной жижи, выдирает ноги из монолитного фундамента...

«Что бы ни казалось — просто иди... Легко ему говорить, сам бы попробовал!»

Дерево, на которое указал Кэп, маячило уже почти рядом, метров пять пройти... Виктор рванулся, выдергивая себя из последней бетонной перегородки, — и едва не впечатался лицом в ствол, изрядно потрескавшийся от времени и пулевых отверстий.

«Да в нем свинца, поди, засело несколько пудов», — пронеслась мысль в голове Виктора.

И тут он осознал, что ему в лицо слева дует прохладный ветерок, что мир вокруг наполнился звуками — шорохом опавших листьев, далеким граем стаи ворон, мечущейся над крышей заброшенного завода, треском справа, сильно напоминавшим радиопомехи в погано отлаженном приемнике... Мир без звуков, привычных форм и запаха древесной коры остался за спиной.

Виктор оглянулся. За ним стояла сплошная стена серого забора, собранного из стандартных бетонных блоков. Он даже потрогал ее, чтобы убедиться, не мерещится ли. Пальцы коснулись шершавой поверхности, на подушечках осталась белая крошка — забор был старым и изрядно побитым слабокислотными дождями.

Ветерок, запутавшийся в кустах, окружающих дерево, принес запах разлагающихся отходов. Виктор осторожно выглянул из-за ствола.

Прямо перед деревом стоял большой мусорный контейнер, из которого свешивалась наружу полуразложившаяся человеческая рука. По руке деловито ползали жирные псевдомухи и множество белых личинок, за сплошным шевелящимся ковром которых почти

не было видно плоти мертвеца. Мухи порой недовольно гудели на свое потомство — точь-в-точь пастухи, корректирующие перемещение овечьего стада.

Но не мертвое тело, выброшенное на помойку, привлекло внимание Виктора — на подобные вещи он в свое время уже успел насмотреться.

Над контейнером вздымалась вышка, по верхней площадке которой, практически не скрываясь, прохаживался наблюдатель с оружием наперевес. Вышка находилась в метрах в стах через дорогу. Позади нее в отдалении подписан и низкое предгрозовое небо огромные корпуса заброшенных заводов. Справа от Виктора стоял прислоненный к забору кузов насквозь проржавевшего грузовика — останки машины не давали кузову рухнуть на землю, подпирая его основание. То, что было за контейнером слева, рассматривать было опасно — стрелок на вышке хоть и им глядел беспечным, но судьбу искушать не стоило.

Гораздо интереснее было другое.

За разбитым грузовиком находились два кирпичных здания, меж которыми тянулся закрытый навесной переход, выполненный из металлических панелей. А из щелей между панелями раздавались приглушенные голоса людей, явно общающихся при помощи портативных армейских радиостанций. Виктор различил:

— ...сначала тангенту нажимай, тормоз, а потом говори, он же начала фразы не слышит.

— ...пошел ты! Это я не тебе, Волкодав...

Дальше говорившие сместились вглубь перехода и до Виктора донесся лишь едва различимый бубнеж, сливающийся в один сплошной фон. Что ж, там где человеческое ухо бессильно, на помощь приходит техника.

Виктор откинул клапан рюкзака, извлек из кармана и быстро настроил устройство для подслушивания — крохотный направленный микрофон, улавливающий самые тихие звуки на расстоянии до пятидесяти метров. После чего вставил в ухо гарнитуру, направил микрофон на переход и обратился в слух.

Новейшая японская высокочувствительная техника не подвела. Правда, Виктор поймал лишь конец разговора по армейским уоки-токи.

— Есть продолжать контролировать улицу! Конец связи! — бодро ответил военный, невидимый за панелями.

— Не, ну нормальный ход, — недовольно произнес другой голос. — Пару месяцев назад две снайперские пары тоже тут сидели по наводке. И дождались — всех из какой-то Вильгельм Телль как в тире вынес подчистую. Я, конечно, в совпадения не верю, но все равно...

— Не ной уже, да, — перебил его третий. — Волкодав после того, как его в ту заварушку гранатой контузило, второй месяц всем мозги полощет, житья не дает. И ты ту еще со своим нытьем. А вынес он их потому, что, во-первых, минировать надо проходы, во-вторых, снайперов без прикрытия пулеметчиков и гранатометчиков на опасные направления сажать все равно, что на кол — рано или поздно кирдык тем снайперам.

— Так кто ж знал, что оно опасное? — заступился за неведомого Волкодава бодрый связист. — Это сейчас все умные стали, а тогда...

— Тогда снайпера-одиночку реально клювом прощелкали. За что и поплатились, — сказал третий, похоже, самый вредный из группы. — Так что сиди, смотри в перископ и башку не высовывай — говорят, нынче эти: Легенд Зоны, которые горазды яйца у тушкана в прыжке отстреливать, по Зоне бродит немеряно. И сегодня еще одна новая вот-вот пожалует.

— Ты, кстати, знаешь что про него?

— Не больше твоего, — буркнул вредный третий. — Волкодав сказал, будто он в Японии учился народ мочит: и шибко в том преуспел. Типа, один какую-то базу террористов вынес или что-то в этом роде.

— Ниндзя, что ли?

— Да хрен его знает, — раздраженно бросил третий. Смотри в трубу, говорю, а то много будешь знать — до старости не доживешь...

Виктор не стал дослушивать душевную беседу снайпера пулеметчика и гранатометчика, а неторопливо отключил микрофон, спрятал его обратно в карман рюкзака, после чего так же не спеша, снял гарнитуру и отправил туда же.

Так-так. Получается, кто-то, заинтересованный в исчезновении Виктора, предупредил наемников о том, что им должен появиться на Диких Территориях. Причем этот «кто-то» был неплохо осведомлен о его прошлом.

Таких людей было трое. Макаренко, непосредственный начальник и хороший друг уже многие годы, не в счет — этот, если бы даже и захотел, вполне мог убрать своего лучшего агента лично. Но это ему просто не надо, поводов нет. Второй — куратор, контролирующий деятельность российских войск на территории Украины. У этого тоже вроде бы нет причин сливать информацию одной из самых загадочных группировок Зоны. Остается генерал с большими звездами на погонах. А у этого какой интерес в смерти столичного агента?

Ладно, об этом подумаем после. Кем бы ни был тот, кто слил информацию врагу, задание остается заданием.

И для того чтобы его выполнить, неплохо бы найти нормальный наблюдательный пункт, откуда ты видишь всех но максимуму, а все тебя по минимуму.

Виктору приглянулась крыша заводского корпуса. Огромное мрачное здание вздымалось над Дикой Территорией практически сразу за вышкой — надо было лишь миновать разрушенную железнодорожную станцию. Подавив желание одним выстрелом снять наблюдателя с пышки, Виктор скользнул под кузов самосвала.

Место было не очень, как, впрочем, и любая другая удобная ниша, скрытая от посторонних глаз. Похоже, гадить сюда ходили все наемники Дикой территории. Осторожно обойдя «гусиным шагом» кучи засохшего и относительно свежего дерьма, Виктор вдоль стены забора просочился к противоположному краю кузова и осторожно высунул наружу гибкий оптико-волоконный кабель с миниатюрной встроенной камерой на конце. Удобное устройство — надеваешь обычные очки, одно стекло которых представляет собой жидкокристаллический экран камеры. После чего, если надо посмотреть, что делается за углом, сгибаешь кабель, высовываешь кончик наружу, и не надо рисковать собственной головой для того, чтобы оценить обстановку за укрытием.

Дождавшись, пока стрелок на вышке повернется к нему спиной, Виктор рванул из-под кузова через дорогу к строительной бытовке, стоящей метрах в пяти от сгнившего самосвала. Дальше дело пошло легче.

Полуразрушенный навес железнодорожной станции, расположенный за бытовкой, скрыл Виктора от глаз наблюдателя. Оставались сущие пустяки — проскользну под ржавым вагоном, пробежать вдоль стены кирпичного здания — и цель, считай, достигнута. Но Виктор остановился, нырнул в густую тень, отбрасываемую худым навесом станции, и принялся внимательно рассматривать то, что лежало на железнодорожных путях.

Оно напоминало огромную лужу, в которую кто-то по халатности бросил оголенный провод высокого напряжения. По луже сновали молнии, переплетаясь меж собой замысловатые, завораживающие узоры. Таких луж было несколько, и они медленно ползали по путям словно гигантские электрические медузы. При этом Виктор был готов поклясться — «медузы» общались между собой, время от времени, протягивая друг к другу потрескивающие молнии, а две реально выясняли отношения, хлеща друг друга пучками разрядов.

На пути спускаться не хотелось, но другого выхода не было. Осторожно, бочком Виктор спустился на шпалы, стараясь не коснуться рельса, — на нем метрах в пяти от Виктора разлеглась ленивая аномалия, и по изъеденной ржавчиной стальной полосе бежали крошечный молнии.

Под вагон, как намеревался ранее, Виктор не полез — себе дороже, — а попытался обойти препятствие на колесах, почти впечатанное в наглухо заваренные ворота заводского цеха. При этом он очень старался не касаться металлических предметов и идти по земле либо по деревянным шпалам. Пока это получалось... но лишь пока.

Вагон ему удалось миновать без приключений. Более того, он сумел пройти почти половину пути вдоль кирпичного здания, за углом которого находился громадный заводской корпус, намеченный в качестве наблюдательного пункта. Но тут две аномалии, наэлектризованные взаимным конфликтом, внезапно почуяли движение и, разом потеряв интерес друг к другу, синхронно поползли к добыче.

В памяти Виктора всплыло название. «Электра». Кажется так в «Энциклопедии Зоны», встроенной в КПК, назывались эти аномалии. Но там ничего не было написано насчет того, что они умеют перемещаться в пространстве и нападают на людей. Попадать в них не рекомендовалось, это да. А вот насчет того, что делать, когда аномалии решили поджарить тебя на ужин, «Энциклопедия» умалчивала.

Вдоль здания на уровне первого этажа тянулись окна, забранные на удивление целыми матовыми стеклами, за которыми ни черта не было видно. Пыль, что ли, осела изнутри?

Рискуя привлечь внимание стрелка на вышке, Виктор резко долбанул по стеклу локтем. Ни малейшего эффекта — только локоть отшиб. Вот это да! В восемьдесят шестом на Украине знали, что такое пуленепробиваемые стекла, и вставляли их в заводские оконные рамы? Да нет, вряд ли. Скорее, соседство с аномалиями сказалось или еще какой-то местный феномен превратил обычные стекла в подобие кирпичной стены.

Но деваться реально было некуда. Спереди ползут две аномалии, помирившиеся ради барбекю, назад тоже хода нет — ленивая «Электра», до этого спавшая на рельсах, пробудилась и уже шустро шевелила своими молниями-ложноножками, пытаясь опередить товарок и атаковать жертву с тыла.

Эх, была не была!

Виктор подпрыгнул, уцепился за узкий подоконник, подтянулся и встал на него ногами. Окна были расположены почти рядом друг с другом, и пройти вдоль стены по подоконникам, по идее, было реально. Если бы не наблюдатель на вышке, с которой место дислокации Виктора просматривалось как на ладони.

Но стоять на месте тоже не выход. Ленивая аномалия, по размерам превосходящая обеих товарок вместе взятых, замерла на секунду...

Виктор почувствовал, как в воздухе ощутимо запахло озоном. Он прыгнул боком, пластаясь по стене словно паук, а в то место, где он только что стоял, ударила ветвистая молния. На подоконник вязко потекло расплавленное стекло.

Но Виктор уже бежал вдоль стены, стараясь не смотреть ни вниз, ни назад. Под ногами бесновались аномалии, а позади наверняка уже стрелок на вышке, привлеченный возней, целился из своего снабженного оптикой автомата во вполне доступную мишень, резко выделяющуюся на фоне здания.

Но выстрелов не последовало. Был лишь треск молний, бьющих в стену, концентрированная, до рези в глазах кислая вонь озона, горячей серы и плавленого стекла и шершавые кирпичи под ладонями, за стыки которых Виктор из всех сил цеплялся кончиками пальцев. Не самая худшая опора — в свое время Учитель заставлял лазать практически по гладким, веками выглаженным ветрами базальтовым скалам на побережье Японского моря, невзирая на непогоду. Так что здесь все было относительно просто... если бы не стрелок за спиной.

Неповоротливые аномалии отстали на несколько метров и уже не пытались достать беглеца — по их поверхностям изредка пробежали хилые ломаные линии. Похоже, «Электры» выдохлись. Виктор спрыгнул на землю, заранее уходя с возможной линии выстрела и сдергивая со спины автомат. Кувырок, положение с колена, линия целик — мушка — цель...

Но палец, уже коснувшийся спускового крючка, остался на месте. Цель стояла на вышке лицом к Виктору и усиленно терла глаза ладонями. Все понятно. Наблюдатель не мог не обратить внимания на охоту аномалий, обернулся — и поймал взглядом пучок разрядов. Что ж, можно сказать, что ему сегодня крупно повезло. Лучше ослепнуть на время, чем поймать пулю в глазное яблоко навсегда.

Виктор вскочил на ноги, нырнул за угол, пробежал вдоль кирпичной стены и, легко перемахнув через бетонный запор, почти не скрываясь, побежал к заводскому корпусу...

СНАЙПЕР

Дикая, разламывающая череп боль — вот что я осознал, вынырнув из черного и вязкого болота в объективную реальность. Тусклый солнечный свет едва проникал сквозь гребенку ресниц, но и от него глаза ломило так, словно по ним прошлись лазерным лучом.

— Ну, хорош притворяться, сука, — произнес над моей головой ласковый голос. — Задолбал, в натуре.

Сделав над собой усилие, я все же открыл глаза.

Надо мной навис силуэт с нереально широкими плечами и толстенной шеей, на которой маячила относительно небольшая голова. Ну, прям Халк из мультика. Я попытался шевельнуться — и захрипел.

— Не дергайся, — посоветовал силуэт. — Боснийский галстук затянешь — и звездеч карьере.

Боснийский галстук... Так называли во Французском легионе петлю на шее, свободный конец которой крепился внатяг на руках, связанных сзади. Любая попытка освободиться приводила к удушению пленного.

Я внял совету. Тем более что каждое движение приводило к взрыву боли под черепной коробкой. Оно и понятно. За плечом «Халка» я успел разглядеть куцый ствол FN 303, американского травматического ружья, стреляющего специальными пулями с химическим наполнителем, чаще всего хитрой смесью из снотворного и миорелаксантов. Значит, хозяин ружья — охотник за головами, поставляющий в особо зараженные области Зоны рабов для поисков артефактов. Причем, с высокой вероятностью, легионер в прошлом, судя по знанию специфической терминологии. И то, и другое весьма погано.

Нежность в голосе охотника стала понятной, когда он немного сместился в сторону, и я смог рассмотреть его получше. Ясное дело, что сейчас он испытывает к трофею глубочайшую признательность, граничащую с обожанием. Смотри-ка, от полноты чувств даже ногу мне перевязал, чтоб товар сам доковылял куда надо! Помимо FN 303, под мышкой у него болтался мой ВСК-94, ремень оттягивали справа ножны с моей «Бритвой», а слева болтались два подозрительно тяжелых контейнера для артефактов. Неплохой улов с одного тела, за которое помимо всего прочего, судя по развитой мускулатуре, работорговцы должны отвалить очень и очень неслабо.

— Давай помогу, — сказал «Халк», видя мои безуспешные попытки подняться. — Морфин плюс снотворные, плюс анальгетики, плюс стимулятор, который я тебе вкатил... И как ты еще не подох? Удивляюсь.

Рванув меня за плечи, он одним движением поставил меня на ноги и тут же отошел назад на пару шагов. Я качнулся, но, усилием воли сфокусировав расплывающуюся картину мира, устоял на ногах.

— Аналогично, — прохрипел я, скользнув взглядом по татуировке на тыльной стороне ладони «Халка», на которой была изображена граната с семью языками пламени в обрамлении надписи на французском «Legio Patria Nostra». Обычно такие наколки с гербом и старинным девизом «Легион — наше отечество» делали те, кто собирался остаться в Легионе навсегда. — Дезертиры обычно долго не живут.

Похоже, я попал в точку. На квадратном лице легионера катнулись желваки, пудовые кулаки сжались в мясные кувалды. Зря он так напрягается перед ударом. Ноги-то у меня свободные, и сколько ни накачивайся стероидами и гормоном роста, мышечная броня яйца с коленями не прикрывает. Главное, не промахнуться, поэтому в моем состоянии бить надо серией, чтоб наверняка.

Но усмирять говорливого пленника «Халк» передумал. То ли решил не портить товар, то ли опыт подсказал, что раб, настолько хорошо знающий, что такое Легион, не просто раб,

а потенциальный Спартак с вытекающими отсюда последствиями. Поэтому, вместо того чтобы приблизиться ко мне на расстояние удара, охотник за головами направил на меня ствол моего ВСК-94 и скомандовал:

— Кру-гом. И шагом марш куда скажу. А еще вякнешь или дернешься, получишь пулю в череп. И хрен с ними, с бабками, переживу.

Череп у меня и без пули раскалывался, и я решил, что обойдусь без свинцовой добавки к ощущениям. К тому же легионеров бывших не бывает, даже если они и дезертировали из Легиона. Если сказал — сделает.

Ну, я и пошел меж холмов, напоминающих горбы дромадеров в Джибути или барханы Кувейта — на выбор. Это меня воспоминания о службе в Легионе накрыли. Плохо, когда теряешь память, но у любого человека есть некоторые моменты биографии, которые лучше вообще не вспоминать...

Пейзаж вокруг особым разнообразием не отличался. Вышеупомянутые холмы, редкие лысые деревья, скрюченные радиацией, скелеты мутантов и людей, обглоданные дочиста с проросшими меж ребер колючими кустами, напоминающими сваленные в кучу миниатюрные противотанковые ежи... Нормальная картина бытия для Зоны, и, хотя я в этих местах доселе не бывал, по идее, где-то левее должна была проходить дорога к Агропрому. Но мы изначально сильно завернули вправо и по едва заметным тропкам сейчас шли местами нехожеными, неизведанными. Во всяком случае, для меня. Охотник за головами в обстановке ориентировался как в собственном доме и любезно предупреждал меня о встречающихся на пути ловушках — как природных, так и искусственных.

Мы без всяких болтов и детекторов аномалий обогнули семейство «Жарок», благополучно миновали обширные полотнища «Жгучего пуха», свешивающиеся с елок миниатюрной рощицы, словно специально выращенной между двумя обширными полями аномалий, после чего преодолели минное поле, словно огород морковкой, густо утыканное датчиками цели. После чего намертво уткнулись в холм, густо заросший кустами мутировавшего собачьего шиповника. С розами у тех кустов было неважно, не розы, а так, какие-то скомканные несвежие носовые платки вместо цветов. Зато шипы выросли — никакой «егозы» с колючкой не надо, словно стилеты из побегов торчат, аж сталью отливают.

— И куда теперь? — осведомился я, поводя онемевшими плечами, — чтобы боснийский галстук меня окончательно не задушил, приходилось все время путешествия держать их приподнятыми.

Вместо ответа «Халк» извлек из нагрудного кармана КПК и набрал на нем комбинацию цифр.

— Кто? — раздалось из динамика.

— Халк, — отозвался охотник. И почему я не удивился? Камуфля с преобладанием болотного цвета, разросшиеся от инъекций гормона роста лицевые хрящи, зеленоватый оттенок кожи, характерный для начальной стадии онкологии, вызванной передозом стероидов и радиационного облучения, — точно Халк, и никак иначе.

— Проходи.

Внутри холма что-то загудело, и солидный кусок почвы, поросший травой, провалился внутрь сантиметров на пятнадцать, а после величаво отъехал в сторону.

Вот оно как... Стало быть, не холм, а подземный бункер типа норы Сидоровича, только больше в несколько раз.

Насколько подземелье было больше, я смог оценить, лишь когда, подталкиваемый сзади глушителем моего же ВСК-94, спустился вниз по крутым ступеням. Коридор слабо подсвечивался тусклыми лампами под потолком, изрядно засиженными жирными псевдохамелеонами, потому мне пришлось сильно постараться, чтобы со связанными сзади руками не грохнуться и не скатиться вниз с ускорением. Ступени были осклизлыми от сырости и какого-то жира, пролитого на них совсем недавно, что позволило мне заранее сделать выводы о соблюдении жителями подземелья элементарных санитарных норм.

Наконец спуск закончился, и я невольно подивился открывшейся передо мной картине.

Это был город. Или, скорее, небольшой поселок, который местные жители нагородили из подручных материалов на месте заброшенной подземной лаборатории. Подземелье впечатляло размерами — его потолок терялся в непроглядной черноте, из которой свисали какие-то ржавые конструкции, грозя рухнуть на головы аборигенам.

Но аборигенов это нисколько не волновало. Они сновали между зданиями, которыми хаотично была застроена огромная территория подземного города. Изначально лаборатория строилась более-менее упорядоченно — середину подземелья площадью с пару футбольных полей занимали два солидных трехэтажных блока производственных зданий, возле которых строились остальные менее габаритные бетонные коробки, о предназначении которых можно было только гадать. Однако вокруг этих неплохо сохранившихся строений ютились разнокалиберные хибары, собранные из подручных материалов, вследствие чего подземелье больше напоминало рассадник бомжей, нежели заброшенный храм науки и технического прогресса.

Хибары собирались из того, что попадалось под руку, — борта самосвалов, двери от кабин грузовиков, куски фанеры, листы шифера, а также иной трудноопознаваемый мусор, скрепленный кое-как, лишь бы не сразу развалилось. Скорее всего, эти изыски архитектурной мысли строились лишь для того, чтобы обозначить свою территорию. Нормальное поведение для людей, лишенных дома, семьи и будущего. И поскольку я уже понял, куда попал, для меня это было неудивительно.

Халк вел меня по «улице» — если так можно было назвать узкий проход между строениями. По пути нам попалась вооруженная группа в дешевой, замызганной одежде, скорее всего, оптом закупленной в Китае по бросовой цене и доставленной сюда контрабандой. Теперь понятно, почему бандюки в Зоне поголовно шастают в одинаковых кроссовках, спортивных костюмах, толстовках и кожанках, которым цена двадцать баксов в базарный день. А еще не понятно, откуда те бандиты берутся в таких количествах на Свалке и прилегающих окрестностях, — сколько их ни отстреливают организованные и хорошо вооруженные группировки, а они все равно не переводятся, продолжая из года в год трепать нервы и карманы сталкеров всех мастей.

Вонь в городе бандитов стояла жуткая — похоже, вентиляция в подземелье давно накрылась, и все здесь пропиталось тяжелым камерным духом, замешанным на дыму дешевых сигарет, ароматах нестиранной одежды, миазмах гниющих испражнений и запахом давно не мытых человеческих тел.

— Чуханы, мля, задолбали шланговать, — негромко проворчал Халк за моей спиной — Параши за собой не вынесут, где клопов давят, там и хезают.

Привычка разговаривать самому с собой, свойственная многим сталкерам-одиночкам, когда-нибудь могла стоить жизни охотнику за головами. Может, он и принадлежал к какой-то местной крутой братве, но Зона есть Зона, и за базар ответить можно и не по понятиям, а просто поймав пулю в затылок ни пойми от кого. За язык, что среди бандитов, что среди сталкеров, обычно отвечает вся голова целиком...

Но Халк класть хотел на то, что думают о нем представители низших слоев группировки.

— Тут в норах этих голимые торпеды кучкуются, — доверительно пояснил он мне, когда мы подошли к бетонным строениям. — От них и вонизм, и непонятки, и весь хипеж беспонтовый. Я б на месте большака давно эту шайку разогнал и нормальных пацанов к делу подтянул.

«Угу, — подумал я. — Так прям нормальные пацаны и кинулись в китайских кроссовках по „Холодцам“, носиться с обрезам да с ПМами против „калашей“». Но промолчал. Понятно, что охотнику-одиночке особо потрепаться не с кем, вот он и разоткровенничался один на один. А на людях, небось, другой расклад будет. Совсем другой.

Над единственным подъездом ближайшего трехэтажного здания была приколочена вывеска «Шалман „Веселый Канدهа“» с неплохо прорисованной под ней комбинацией из простреленной черепушки и перекрещенных костей. Ну что ж, тот, кто придумывал название притону, был парень с фантазией. Аллюзии в сторону «Веселого Роджера» плюс имя

собственное, производное от блатного глагола «кандехать», тонко намекали на то, что член группировки, рискнувший ее покинуть, имеет все шансы занять в череде аккуратное пулевое отверстие с расходящимися от него ломаными ниточками трещин.

Из незастекленных окон «Веселого Кандехи» вместе с клубами сигаретного дыма, рассекаемыми смачными плевками, неслась залихватская музыка. Из одного окна вылетела бутылка и, совершив в воздухе пару оборотов, разбилась о бетонный пол.

— Братва гуляет, — пояснил Халк. — Бизон с царевой дачи лапти сплел и обратно в «Кандеху» прикандехал.

Мне было как-то все равно, кто именно из местной пайки сбежал из зоны на Большой земле, чтобы вернуться в Зону. По мне, так в первом случае поспокойнее будет. Просто охотнику за головами срочно требовалось присесть кому-то на уши, так пусть чешет, мне не жалко.

Хммм... Среда, что ли, действует? Мозг, уловив знакомые слова, автоматически переключился на «блатмузыку». Правду, что ли, говорят, что из зоны можно «откинуться», можно «сорваться», но уйти — никогда. Причем неважно, с какой буквы та зона пишется, — с заглавной или со строчной. Вот и курсируют большинство сталкеров меж двумя зонами, даже не помышляя о том, чтобы осесть на свободе и зажить нормальной жизнью. Не отпускают ни зона, ни Зона. Кто хоть раз побывал хотя бы в одной из них, по-любому оставит за колючей проволокой частичку своей души...

Повинуясь тычку глушителем в область поясницы, я перешагнул порог «шалмана». Надо бы сказать, чтобы охотник за головами понежнее обращался с высокоточным оружием. Хотя оружие теперь не мое и может даже и к лучшему, если бандит по дурке свернет глушак об мою спину. Глядишь, быстрее его пристрелят другие охотники за малогабаритными снайперскими комплексами.

— Приблуды сдал, — прозвучал равнодушный голос справа.

— Без проблем, Припас, — осклабился Халк. — Правила знаю.

За дверью имелся предбанник приличных размеров с длинным двухтумбовым столом, за которым сидел крупный небритый мужик с посеченной шрамами рожей, который неторопливо снаряжал патронами магазин «Пустынного орла», лежащего перед ним, — судя по грязным тряпкам и паре масленок, габаритный бандит по прозвищу Припас только что закончил чистку пистолета.

Вдоль стен за столом тянулись пирамиды и стеллажи, заполненные всяким-разным оружием, начиная от СВД и заканчивая ПМами и ножами, небрежно сваленными в кучу позади небритого мужика. К слову сказать, СВД была в единственном экземпляре, в основном в пирамидах стояли крупнокалиберные ружья и сильно потертые «калаши».

Охотник за головами выложил на стол мой ВСК-94, «Стечкина», свою американскую пневматику, а также вытащил из-за пазухи обрез ружья ИЖ-81 с пистолетной рукоятью — оптимальный выбор для тех, кто хочет занять себе пятизарядный двенадцатый калибр размером со старинный кремневый пистолет.

— Приправы тоже, — сказал мужик, вгоняя снаряженный магазин в рукоять огромного пистолета, из которого впору слонов валить.

— Припас, хорош тебе беспредельничать! — возмутился Халк.

— Новый прогон большака, уж не обессудь, — пожал плечами Припас, засовывая в кобуру на поясе «Пустынного орла» и доставая из кармана большой никелированный кастет, которому, наверно, и был обязан своим прозвищем. На его волосатых пальцах блестящий «припас» смотрелся более чем убедительно.

— Блин, в натуре, голимый беспредел творится, — проворчал охотник за головами, отстегивая и выкладывая на стол большой нож в кожаных ножнах.

Я не удержался от ухмылки — в Зоне вешать себе на пояс лицензированную копию тесака главного героя «Первой крови» было, по меньшей мере, претенциозно. Хотя уже и так ясно, что Халку сто процентов было по барабану то, что о нем думают другие. Не иначе снял с какого-нибудь новичка, вообразившего себя Рэмбо и по этому поводу рванувшего покорять Зону. Что ж, бывает. Первая кровь здесь частенько становится и последней. При этом я

обратил внимание, что моей «Бритвы» на поясе охотника за головами не наблюдается и сдавать ее он не торопится. Стало быть, припрятал. Что ж, оно и к лучшему. Всегда лучше, когда твое оружие находится рядом, даже если оно уже не твое.

— Все сдал? — уточнил хранитель оружия, любуясь кастетом.

— Все, — кивнул Халк.

— Тогда заезжай, — зевнул Припас, теряя интерес к посетителю. Кстати, ко мне он вообще никакого интереса не проявил. Оно и понятно — его дело оружие, а не товар, доставленный на продажу.

— Вперед, — чувствительно ткнул меня в плечо Халк. Зря он так, не люблю я фамильярностей. Но об этом мы с ним потом поговорим предметно — если, конечно, представится такая возможность...

Что ж, размаху бандитского притона могли бы позавидовать и Сидорович, и Бармен вместе взятые. На площади размером с самолетный ангар свободно разместились длинная барная стойка, столики для посетителей, игровая зона с бильярдом, рулеткой и карточными столами, сцена с парой шестов, на которых лениво крутились две полуголые девчонки, черное пианино с тощим пианистом при нем, над головой которого висел плакат «Братва, не шмаляйте в лабуха, он бацает, как может», а также стандартный для Зоны магазин местного барыги, отгороженный от остального зала толстой сварной решеткой, уходящей под потолок. В решетке имелось маленькое окошко, напоминающее «кормушку» в тюремной двери, через которое шла бойкая торговля рулеточными фишками, жетонами для бильярда, сигаретами и маленькими пакетиками с подозрительным содержимым.

— Цивилизация, — с гордостью сказал Халк, кивая на решетку. — Помимо добровольных подгонов с любого товара процент в общак идет. — После чего подвел меня к решетке. — Слышь, барыга, отвлекись малехо, — гаркнул охотник.

Невзрачного вида бандит, отоваривающийся у «кормушки», вздрогнул и уронил на пол прозрачный пакетик с белым порошком. Халк хмыкнул, подтолкнул меня поближе к решетке и принялся развязывать петлю на моей шее — не иначе хотел продемонстрировать торговцу товар во всей красе. Экономный хозяин у меня, однако, даже ремешок перерезать пожалел. Снял с вязки, сложил второе и аккуратно убрал в нагрудный карман камуфляжа.

— Зацени, какого я крутого фраера надыбал, — сказал он, растягивая в улыбке безгубый рот. — Мышцы прям каменные.

За базаром охотник за головами точно не следил. И, пожалуй, на свою голову он так рано освободил меня от петли. Потому что именно по этой голове я, развернувшись, засадил носком ботинка, словно по футбольному мячу. Терять мне все равно было нечего, на участках с повышенным радиационным фоном рабы больше месяца не живут. Так что лучше уж умереть по-быстрому и в бою, так оно всегда приятнее, чем медленно и в дерьме.

Удар шел снизу вверх по кривой дуге с доворотом таза в момент контакта с целью. Оно и для врага незаметно — почти как удар в пах, — и при нанесении с должной силой, особенно в ботинке, гарантированно ломаются ребра, и просаживается печень либо селезенка, в зависимости от того, с какой ноги бить. Но сейчас момент был скорее воспитательный, потому я и провел удар выше, чем обычно. И провел как надо — болью рвануло прокусанное собакой и обожженное порошком бедро. Похоже, действие анестетика и снятой с меня Халком «Души» подходило к концу...

Берцы я ношу тяжелые, с обточенным рантом, усиленным стальной оберткой и покрашенным черной краской. И незаметно на общем фоне ботинка, и в драке вещь незаменимая. Вот тем рантом и тюкнул я Халка чуть пониже скулы.

Охотник покачнулся от неожиданности, но на ногах устоял. Крепкий парень, другой бы от боли и звезд в глазах тут же скопытился.

Из разорванной щеки хлынула кровь, выбитый зуб стукнул об пол, подпрыгнул и закатился под решетку торговца. Что ж, может быть, в следующий раз его хозяин будет следить за тем, кого называет фраером в «малине». Ибо если тебя так обозначили, и ты на это не отреагировал, значит, быть тебе им до скончания века. И не только среди бандитов. Цыганскую почту никто не отменял, и не сегодня, так завтра вся Зона будет знать, что

Снайпер не просто в плен попал — это с каждым может случиться, — но и новую «масть» принял безропотно.

Если с первого раза не получилось, не надо ждать последствий. Надо развивать успех. Второй удар я послал в колено противника — каблуки у меня тоже обработаны соответствующим образом. Но, видать, не забыл Халк, чему учили его в Легионе.

Не обращая внимания на кровь и боль, охотник за головами рванул назад ногу, в которую я метил, одновременно приседая и перехватывая мою ступню. Не будь у меня кисти связаны за спиной, я бы успел выдернуть ногу из его граблей за счет резкого рывка рук и туловища. Но, как говорится, история не терпит сослагательного наклонения.

Капкан захлопнулся. И, судя по тому, как начал поворачиваться корпус Халка, я уже понял, что сейчас будет. Поймав ногу противника, не надо проводить сложных и энергозатратных приемов. Достаточно просто крутануть стопу в любую сторону так, словно хочешь резко сорвать гайку с резьбы. И все. Если рывок силен и в движение включен весь корпус, связки голеностопа рвутся как нитки, а сам сустав травмируется страшно и надолго. Во всяком случае, полноценно ходить враг сможет не раньше чем через полгода — и то если операция проведена своевременно.

Полгода в запасе у меня не было, потому мне ничего не оставалось, как оттолкнуться от пола другой ногой и, вертанувшись в воздухе в направлении вращения, со всего маху грохнуться на пол. Ногу я спас, но с остальными частями тела назревали проблемы.

Отпустив мою конечность, охотник за головами всем телом бросился вперед. Тяжелая туша грохнулась на меня сверху, впечатывая в пол, сгусток крови, вылетевший из рта Халка, шлепнулся мне на лицо.

— Убью!!! — взревел гигант, заноса над моей головой сжатую в кулак мясную кувалду.

Зря это он. В смысле, что орать в драке — последнее дело. Силы расходуются понапрасну, к тому же можно пропустить что-то важное. Например то, что противник не ждет покорно, пока твой кулак опускается ему на переносицу, а пытается встать на мостик, чтобы сбросить с себя не в меру крикливого оппонента.

На этот раз подвела Халка именно привычка мести языком, где надо и где не надо. В драке оно не надо особенно. Похоже, за всплеском эмоций охотник за головами так и не понял, каким образом слетел с меня и с какой это радости на него так стремительно надвигается решетка бандитского магазина.

Тот, кто собрался убивать беспомощную жертву, обычно не готов к тому, чтобы защищаться. Просто мозг не успевает переключиться с одной установки на диаметрально противоположную. Наверно, потому Халк даже руки выставить вперед не успел, чтобы смягчить удар. Противный хруст слышали все. Только сейчас я заметил, что в баре абсолютно тихо. Нормальная реакция людей на одно из древнейших развлечений человечества — затаив дыхание следить, как дерутся другие.

Но смотреть было пока особо не на что. Халк, не слабо приложившийся макушкой об металл, зацепился пальцами за решетку и мотал башкой, пытаясь восстановить привычную картину мира. Я же, выйдя на лопатки, прыжком поднялся на ноги и просто ждал. Чего? А кто его знает? Будущего, наверно. Светлого ли, не очень ли — большой вопрос в такой ситуации.

— Убью, на хер, — сказал Халк, продолжая мотать головой, словно контуженный пулей припять-кабан. — Теперь точно убью.

С учетом его положения, прозвучало это не очень убедительно. Но при этом охотник за головами оставался более чем серьезным противником. Особенно в моем случае. Руки связаны, раненая нога разболелась не на шутку. К тому же теперь Халк, понятное дело, прежних ошибок не допустит и постарается расправиться со мной с наименьшим ущербом для себя.

Гигант медленно поднялся на ноги, сплюнул на пол набежавшую кровавую слюну, нехорошо усмехнулся разорванным ртом и пошел на меня. При этом его рука скользнула под куртку, и я уже знал, что он сейчас оттуда вытащит.

— Не попятной центрровой товар, — раздался за моей спиной хриплый голос. — Фарш нынче не в цене, а за пацана, который так лапами буцкать горразд, барыги реальные лавэ отвалят.

Голос я узнал. Не узнать его было трудно — тот, кто слышал хоть раз эти львиные раскаты, с другим его вряд ли спутает. Только у великого барда прошлого слышал я похожее раскатистое «ррр» и слегка растягиваемые согласные.

— А часто ты, Йога, вечных кентов в товар записываешь? — поинтересовался я не оборачиваясь. — Хороший бизнес?

На мгновение вокруг повисла мертвая тишина, в которой отчетливо, словно удары сердца, раздались два удара подкованных ботинок Халка. Охотник за головами не спешил — его жертве все равно некуда было деться, а за стуком адреналина в виски чужих слов не слышно. Но то, что ударило в стены и потолок огромного зала, не услышать было сложно:

— Стоять, бычаррра!!!..

Халк аж присел на месте. Как и те, на пересыльной тюрьме, четыре года назад...

— ...Стоять, бычаррры!!!

В руке парня что-то блеснуло. Но этого явно было мало против троих качков, которые медленно окружали худого, но духовитого пацана в дорогой джинсовке.

— На пять-шесть решил нас взять, сявка помойная? — прошипел один из амбалов, разминая кисти и пытаясь скрыть замешательство.

Рев у потенциальной жертвы был и вправду жуткий, но один голос мало что решает, когда есть конкретная задача от «кума» — опустить арестанта, стремящегося в «воры». А лезвие, выломанное из бритвенного станка, неважное оружие против троих беспредельщиков, уверенных в своей силе и безнаказанности.

— Мойкой своей в обиженке по вене себе распишешься, козырь недоделанный, — хохотнул второй амбал, достав из кармана опасную бритву и выписав ею в воздухе замысловатую восьмерку.

— Тормози, актив.

Тихий голос, раздавшийся с угловых нар у окна, оказал на качков большее впечатление, чем рев обреченного парня.

— Але, ты кого активом обозначил?

Самый крупный из троицы повернулся к говорившему. Ясно было, что связываться ему не хотелось, но в то же время обвинение в сотрудничестве с администрацией тюрьмы смыть можно только кровью. Потому своим вопросом он давал возможность человеку у окна «съехать с темы». Хотя сделать это после сказанного было довольно сложно.

Но говоривший «съезжать» не собирался...

— В свайку себе алекни, когда отливать пойдешь. Может, ответят, — посоветовал он качку.

Вообще-то впрягаться в чужие разборки было не в его правилах, но порой, когда люди по беспределу ломали судьбы других людей, случалось, что он совершал необдуманные поступки. Правила-то его, как захотел, так и поменял...

Амбал двинул вперед буром, широко размахнувшись для сокрушающего удара.

— Получи, козлина! — выдохнул он, опуская кулак на то место, где говоривший лежал мгновение назад.

Но мгновение — это в драке очень много. За это время можно, например, успеть ответить за «козлину» — и по правилам тюрьмы ответка за такие слова суровая. А человек на нарах по мере возможности жил по правилам того места, в котором находился, — если эти правила, конечно, совпадали с его правилами, и их не надо было срочно менять.

Качок взвыл от боли — удар его кулака пришелся в прикрытую изношенным шерстяным одеялом стальную полосу, из которых были сварены нары. Но почти сразу вой перешел в сдавленный хрип. Беспредельщик согнулся, ухватился за промежность и в позе эмбриона сполз на пол. Оно и не может быть иначе после удара ногой, нанесенного

насквозь, «с проносом», когда носок ботинка разрывает не только нежные оболочки тестикул, но и нижние отделы кишечника.

Но человек, нанеший удар, был милосерден. Наказанный не должен страдать больше, чем отмерил ему наказующий.

Разрывы кишечника требуют немедленной операции, иначе пострадавшему придется умирать от перитонита долго и мучительно.

В Средние века рыцари дарили побежденным укол в сердце, нанося его специальным кинжалом мизерикордией, что в переводе и значит «милосердие». В наше время справедливый человек, лишенный кинжала или ножа, дарит поверженному врагу удар в горло.

Жесткая ладонь легла на бритый череп, скользнула вниз по лбу. Пальцы, согнутые в форме когтей, на две фаланги проникли во впадину между бровью и глазным яблоком. Есть боль, которую можно терпеть, гасить в себе, сжавшись на полу в комок. А есть боль нестерпимая...

Повинуясь движению чужой руки, беспредельщик запрокинул голову. Ребро кулака резко опустилось на его горло, остановив дыхание, — следствием такого удара является закупорка трахеи ее же оторвавшимися фрагментами. Амбал дернул ногами, пытаясь протолкнуть в легкие порцию воздуха, — и умер. Правы были древние: милость к побежденным имеет разные формы...

Все произошедшее заняло две, может, три секунды. Остальные нападавшие, стоя лицом к «стремящемуся», слышали лишь рев своего товарища, звук мощного удара и хрип умирающей жертвы. Они, в отличие от только что умершего поделника, ничего не знали о человеке, который лежал на нарах и призывал активистов одуматься. И потому даже не обернулись, уверенные, что дернувшийся на них недоумок либо уже «склеил ласты», либо серьезно покалечен.

Тот, у кого была бритва, завершив очередной финт, зафиксировал в пальцах лезвие и сказал:

— Зря ты, чухан, зубы сушишь. Лучшие сам икары сымай да подставляй очко, так оно будет...

Но что именно «будет», владелец бритвы не договорил. Точный удар по локтевому нерву парализовал его руку. Выпустить бритву он тоже не успел — чья-то рука перехватила безвольный кулак и резко подняла его вверх. Одно короткое движение — и из глубокого пореза под ухом на пол камеры хлынула струя артериальной крови.

— Спаси... те, — прошептал амбал, мешком оседая на пол и безуспешно пытаясь левой ладонью остановить алый поток. Его правая рука, лежащая на полу, продолжала судорожно сжимать бритву.

«Стремящийся», продолжая улыбаться, сделал шаг. Оставшийся невредимым беспредельщик отпрыгнул от него назад, прижался спиной к стене и, выставив вперед обе руки, заверещал:

— Пацаны, в натуре непонятка вышла! Старшаку по ходу кто-то фуфло прогнал, а я вообще не при делах, чисто по-братски впрягся...

— Глохни, падло, — цыкнул сквозь зубы «стреляющийся». — Короче, симань сказку для ментов — был разбор, один босяк другого в глухую забуцкал, а после, осознав, сам вскрылся. Вопросы?

— Братело, все ништяк, замечано! — заюлил «активист», сообразив, что его оставляют в живых.

— Не братело ты мне, гнида кумовская, — сплюнул на пол парень и подошел к железным нарам, на которых уже снова с удобствами расположился его спаситель.

— Разреши на иконку присесть?

— Присаживайся, — пожал плечами тот, внимательно рассматривая свои руки на предмет, не осталось ли на них пятен чужой крови.

— Йога, — представился «стреляющийся», опускаясь на краешек сварной «иконки». Свое погоняло, которое ему дали в детстве старшие за невероятную гибкость,

позволяющую пролезть в любую форточку, он недолюбливал. Но в его мире имя не выбирают, оно само находит человека. В этом зона и Зона тоже схожи, словно родные сестры.

— Неважно, — улыбнулся его спаситель, вместо того чтобы представиться в ответ — Не люблю это обозначало.

Йога нахмурился — сказанное только что, было не по правилам. Хотя сейчас этот человек имел право на свои правила.

— Короче, кем бы ты ни был, теперь ты мне вечный кент, — произнес он несколько напыщенно. Наверно, таким тоном много лет назад юные герцоги посвящали верных вассалов в рыцари.

— Принято, — хмыкнул спаситель тюремного «герцога». — А теперь давай покемарим маленько, пока ночь на дворе. Сам понимаешь, скоро вертухаи набегут, хипеж подымут, тогда точно не до сна будет.

«Герцог» тюремного мира ничего не ответил, встал с нар новоиспеченного «кента» и направился к своей иконке. Его слово было сказано, и здесь оно имело особую цену. Даже если тот, кто его произнес, сейчас сожалел о том, что немного поторопился...

— ...Стоять, бычаррра!!!.

Халк вздрогнул, остановился и перевел на «большака» удивленный взгляд.

— Я сказал стоять, — повторил Йога, подходя к пленнику.

Узнать его сейчас можно было только по голосу. Высокий, серьезно раздавшийся в плечах бандит с бесцветными змеиными глазами вряд ли пролез бы сейчас в форточку — да ему это теперь и не нужно. Люди с такой антропометрией двери выносят ударом ноги в замок, а не по форточкам лазают. Или — что вероятнее — своим быкам приказывают те двери выламывать.

Он подошел и внимательно посмотрел мне в глаза.

Понимаю, узнать меня сейчас тоже была задачка не из простых. Все лицо в грязи и засохшей собачьей крови, стянувшей кожу в гармошку.

— Так ты и есть Снайпер, — сказал Йога. Не спрашивая — уточняя.

— Можно и так, — сказал я. — Хотя ты же знаешь, не люблю я это обозначало.

Йога не ответил. Он смотрел на меня и думал. Жирная псевдомуха, покружив над моей больной головой, еще не отошедшей от химического коктейля, улетела, раздумав обедать соблазнительно пахнущей, но почему-то шевелящейся мертвечиной.

У меня же серьезно разболелась нога, потому я и перенес вес тела на здоровую, стараясь найти более-менее подходящее положение. Это шевеление посреди всеобщей почтительной тишины, наверно, и вывело Йогу из задумчивости.

Показалось, он лишь слегка шевельнул рукой, но от этого шевеления плотная ременная вязка за моей спиной распалась на кожаные обрезки, посыпавшиеся на пол, словно маленькие обезглавленные змейки.

— Беспредел, — негромко сказал кто-то в толпе.

— Беспредел, Боров, когда халдей типа тебя в «воры» метит, — не оборачиваясь, бросил Йога. — Это же мой кент вечный, которому я на пересылке жизнь задолжал. Или ты что-то против закона Зоны имеешь? Или, помимо тебя, еще кто-то считает, что мой кент в нашем общем доме должен быть в браслеты закоцан?

Тишина была ему ответом.

— Так, непонятки разрулили, — произнес Йога. — Но по тому же закону мой вечный кент — хабар Халка. И по ходу все видели, что Халк сейчас хочет спросить со своего хабара как с конкретного бродяги. Так?

И снова ни звука.

— Значит, не хабар это, а правильный пацан.

— Ништяк, — ощерился Халк. — Если на хабаре не написано, что это твой кент, выходит, я рамсы попутал и теперь крайний?

Толпа заворчала. Я примерно догадывался, куда клонит мой «вечный кент», и потихоньку, держа руки за спиной, разминал затекшие кисти.

— Не канают твои расклады, — покачал головой Йога. — Если хочешь получить с бродяги, получай, а не порожняки гоняй.

— Ништяк, — повторил Халк, вытаскивая из-за пазухи свою «Бритву». — Вызываю Снайпера по закону Зоны.

Знакомо. Похоже, за время моего отсутствия закон Свободы по поводу боев без правил шагнул за огороженный периметр группировки «зеленых» и стал общей нормой для всей Зоны Отчуждения. И даже внутренние правила бандитского шалмана насчет запрета на пронос оружия ему не помеха.

Что ж, Йога сделал для меня все, что мог, в расчете на свои навыки рукопашного боя, которым он был очевидец пересыльной тюрьме. Правда, там были обычные быки реакцией брахиозавров, которые для бывшего капрала французского легиона не более чем тренировочные груши. Сейчас же передо мной стоял противник с аналогичной подготовкой, причем, в отличие от меня, с абсолютно целыми ногами и ясной головой — ну, может, слегка помятой, что для такого монстра несущественно. И на ж спасибо, «вечный кент».

Халк пошел на меня нехорошо скалясь. Впрочем, от него в данном случае ничего не зависело — разорванная щека, через которую видны окровавленные осколки зубов, даже при вмешательстве хорошего хирурга в будущем гарантирует охотнику за головами пожизненную кривую ухмылку.

О своем будущем я не думал. Когда идешь на боевой нож с голыми руками, глупо о нем думать, настоящее гораздо важнее. И сейчас это настоящее сосредоточилось на кончике клинка, направленного в мою печень.

Халк все делал правильно, отжимая меня в угол между клеткой барыги и стеной, ограничивая мне место для маневра. Но, с другой стороны, древние китайцы не советовали загонять врага в местность смерти, откуда ему некуда бежать и где выход у него только один — победа или смерть. Вот и я, не дожидаясь, пока меня пришиблят к стене, словно бабочку моим же ножом, прыгнул вперед, одновременно нанося по вооруженной руке охотника за головами круговой удар ногой.

Реально ли выбить таким ударом нож у подготовленного бойца? Почему нет, всегда остается процентов двадцать на чудо. Именно так, один шанс к пяти — как и для всех других существующих приемов, — что ты обезоруживешь и победишь опытного ножевика голыми руками...

Правда, сейчас это был не мой случай — раненая нога отозвалась резкой болью, и я понял, что удар помимо моей воли проходит ниже намеченной цели, а ботинок лишь эффектно рассекает воздух. На месте Халка, не дожидаясь, пока сработавшая вхолостую нога коснется пола, я бы просто сделал шаг вперед и нанес один удар. Хотя в его случае возможны варианты — некоторым нравится смотреть, как их противники умирают долго и мучительно...

Но есть место на земле, где чудеса случаются чаще, чем где бы то ни было. И люди им почти не удивляются, так как тем чудесам есть простое и понятное объяснение — «это ж Зона».

Пояс Халка вдруг озарился неземным бледно-синим светом. Следом за ним сияние цвета предрассветного неба мгновенно разлилось по всему телу охотника за головами. И вдруг нож в его руке сверкнул, словно только что народившаяся звезда, ярко, нестерпимо, так, что я на мгновение ослеп, — лишь клинок «Бритвы» отпечатался сверкающей полосой на черном фоне переоблученной сетчатки.

Первой мыслью было, что охотник за головами применил какой-то фокус, и сейчас у меня в животе торчат полтора дециметра неизвестного науке металла, откованного в форме острейшего в мире ножа. Боли от удара ножом человек обычно не чувствует, и потому я даже не пытался уйти от второго гипотетического удара — если Халк уже пропорол мне брюхо, дергаться бессмысленно. Уж лучше пусть добывает.

Но ударов не было. А потом я осознал, что в шалмане, эхом отражаясь от стен, стоит многоголосый мат, из которого я понял, что временная слепота поразила не одного меня, а и всех присутствующих тоже.

Но постепенно зрение возвращалось — и ко мне, и к остальным пострадавшим. И по мере его возвращения затихали человеческие голоса, уступая место могильной тишине.

Наконец и я проморгался. И, утерев рукавом невольные слезы, смог рассмотреть расплывчатую фигуру Халка, застывшего на одном месте в странной, неестественной позе. Непонятно, что это он делает? Нож, что ли, мне протягивает?

Наконец я смог сфокусировать зрение... и вдруг понял, почему молчали вокруг бандиты, неоднократно битые жизнью, ножами и пулями.

Передо мной стояла полностью высушенная мумия. Наверно, так и должен выглядеть человек, из тела которого мгновенно исчезла вся вода, — растрескавшаяся пергаментная кожа на лице, ровно вдвое потерявшее в объемах тело под одеждой, которая свешивалась с охотника за головами, словно рубище с пугала. И протянутая ко мне высохшая рука с обрывком вяленой мышцы, свисавшей с ладони, на которой лежала моя «Бритва» — обычная, не сверкающая, такая же, как всегда... Видимо, в последний момент Халк осознал, что с ним происходит, и попытался вернуть мне мое имущество. Но не успел...

Но самое страшное были его глаза. Живые, смотрящие на меня с немой мольбой.

«„Бритву“ можно продать, — зазвучали у меня в голове слова покойного Копии. — Или подарить. Или, в крайнем случае, снять со случайно найденного тела, убитого не тобой. Тогда от нее новому хозяину будет одно сплошное уважение и подспорье. А вот отнять никак нельзя. Потому как отомстит».

Клянусь, если бы я знал, что месть будет такой страшной, я б предупредил Халка. Хотя, наверно, вряд ли бы он меня послушал.

Я протянул руку и взял свой нож с высохшей ладони. Может быть, я был недостаточно осторожен — от кисти руки отвалился мизинец, упал на пол и рассыпался в пыль.

В Средние века рыцари дарили побежденным укол в сердце, нанося его специальным кинжалом. В наше время милосердный человек, у которого есть нож, дарит поверженному врагу то же самое. Потому как оставить любое живое существо умирать в мучениях, может только самая распоследняя сволочь. К тому же, думаю, я правильно понял немую просьбу Халка — в его положении я бы просил о том же.

Я ударил точно под левый карман его куртки — и невольно отшатнулся. Тело Халка мгновенно рассыпалось и рухнуло вниз пыльным облаком, поверх которого упала мятая одежда и тяжелый сталкерский пояс с двумя контейнерами. При этом один из них светился нежным светом, словно в него неведомым образом кто-то смог поместить кусочек утреннего, нереально чистого неба.

От толпы бандитов, с опаской косящихся на фосфоресцирующий контейнер, отделилась высокая фигура.

— По закону Зоны все вещи побежденного в бою переходят к победителю, — торжественно произнес Йога, видимо в силу значительности момента не примешивая к высоким словам «блатную музыку». — Это был хороший бой, Снайпер, в котором Зона сама рассудила, кто прав, а кто виноват. И мы были бы рады принять в бригаду бойца, которому покровительствует Зона.

Это было предложением, от которого не отказываются.

— Благодарю, Йога, — сказал я. — Но не обессудь, ты же знаешь — одиночкам никогда не стать стаей.

— Ты свободен. Малява тебя проводит, — сухо бросил Йога, повернулся и пошел по направлению к стойке.

Его слово было сказано, и, возможно, сейчас во второй раз в жизни «герцог» преступного мира сожалел о том, что немного поторопился...

За его спиной, словно черная вода за кормой эсминца, сомкнулись куртки бандитов.

Интерес к моей персоне был потерян мгновенно. Я снова был чужаком в их доме, и лишь слово «большака» и страх перед непонятным оружием, зажатым в моей руке, удерживали их от расправы...

...Если кто-то там, на Большой земле, думает, что Зона — это явление типа киношного вестерна про Дикий Запад с белозубыми ковбоями и загорелыми красотками, он сильно ошибается. Зона — это грязь и кровь. Своя и чужая. Своя грязь, чужая грязь, своя кровь, чужая кровь... Здесь они то и дело смешиваются между собой, причем в равных пропорциях, и в результате получается однородная серая масса, в которой теряются понятия «добро» и «зло», «плохо» и «хорошо». Есть ты и есть Зона, в которой нужно выжить. Здесь не считается предосудительным убить человека ради фляги воды или пачки патронов, продать в рабство того, с кем вчера делил батон хлеба у костра, послать в аномалию новичка-«отмычку», у которого едва пух на подбородке пробился. Тебе было нужно — ты взял. Тебе было нужно — ты выстрелил. И только тебе решать — орать или стрелять. Лишь твоя воля — закон. Кстати, думаю, на Диком Западе было то же самое. Однородная масса. Серая, как прах Халка у моих ног...

Но это все лирика. А когда на тебе драная во многих местах куртка и располосованные старые джинсы, особенно выбирать не приходится. Не до лирики, одним словом.

Я, прямо не сходя с места, сбросил с себя драные, пропитанные кровью лохмотья и поднял сталкерский пояс охотника за головами. Теплый свет от контейнера с «Чистым небом» тут же разлился по моему телу. Но этого было мало. Я вынул из второго контейнера «Душу», а из кармана камуфляжа Халка перевязочный пакет и вернул целебный артефакт на старое место. Возможно, правы были древние китайцы, считая живот человека средоточием жизни. Во всяком случае «Душа» лучше всего залечивает любые раны, если ее разместить в районе точки ци-хай, что в переводе означает «море жизненной энергии».

Закрепив артефакт пластырем на животе, я вытряс прах охотника за головами из его камуфляжа и стал переодеваться. Нормальная тема, как в Зоне, так и на любой другой войне. Собственная одежда быстро приходит в негодность, а новую взять обычно негде. Потому быстро привыкаешь ходить в том, что снято с трупов. Когда одежды мало, а трупов много, особенно выбирать не приходится.

Камуфляж Халка оказался мне немного великоват, но это было даже и к лучшему. Пусть франты типа бывшего хозяина пятнистой одежды ушивают ее точно по фигуре. Нам эти изыски ни к чему — когда штаны и куртка нигде не жмут, и махаться удобнее, и тело дышит. Главное, чтобы разгрузка, броник, рюкзак и ремень автомата были точно подогнаны, да обувь соответствовала размеру ноги, остальное не особенно важно.

Из толпы бандитов, занятых культурным отдыхом — распитием горячительного, хлопаньем по ляжкам официанток и стриптизерок, азартными играми и переживаниями за проигравших товарищей, — вынырнул подросток лет пятнадцати в классической для этих мест китайской толстовке, надетой поверх спортивного костюма.

— Йога сказал тебя вывести, — пробасил он, явно подражая «большаку». — Почапали, что ль.

Я не стал спорить и пошел следом за своим проводником. В шалмане, как и во всем подземелье, отсутствовала вентиляция, и я все острее ощущал, насколько мне здесь душно. Причем во всех смыслах.

В длинном предбаннике за время моего отсутствия ничего не поменялось. Разве что мордатый Припас теперь вертел на пальцах древний траншейный нож с кастетной накладкой на рукояти. Классная штука для драки, если имеешь к ней привычку и успеешь пальцы в отверстия продеть. Но, на мой взгляд, слишком громоздка и узкоспециализированна — сейчас, когда у каждого пара-тройка стволов под рукой, любой нож гораздо чаще используется как инструмент, нежели как оружие. Хотя человеку с погонялом Припас без такой штуки никак нельзя.

— Приблуды Халка гони, — сказал я, подходя к столу. — Оно мое теперь.

— Хе, — вскинул густые брови хранитель оружия. — В Азовском банке все твое лежит. Вали отсюда, фра...

— Тормози, Припас, — пробасил Малява. И, обогнув стол, что-то зашептал в волосатое ухо.

— О как! — выслушав доклад, произнесла местная реинкарнация феи Вивиан, почесав клинком траншейного ножа волосатую грудь, выглядывавшую из-под отворота рубашки. — Стало быть, спекся наш автоматчик. Еще то базарило был, упокой его Зона. Ладно, коли так, держи.

На стол лег мой ВСК-94, трофейный «Стечкин», два рюкзака — мой и Халка, — а также его ИЖ-81, FN 303 и нож Рэмбо, мечта любого мальчишки. И Малява был не исключением, судя по его горящим глазам. В его возрасте многие мечтают быть похожими на кого-то другого, только не на себя самого. А в Зоне тем более сложно оставаться просто хорошим сталкером, каким он наверняка рассчитывал быть, перед тем как попасть сюда, — слишком много соблазнов.

Я протянул ему нож:

— Держи.

— Я... у меня столько бабла нет, — насупился парень.

— Подгон, — сказал я.

— За что? — недоверчиво уставился на меня Малява. Нормальная реакция звереныша, воспитанного в любой из двух возможных зон на этой планете.

— За слово, что не станешь пытаться шмальнуть мне в спину, когда проведешь через минные поля.

Мне и, правда, этого не хотелось.

А еще я подумал, что если бы пятнадцать лет назад в гримерке одной симпатичной дрессировщицы тигров у нас с ней дело зашло несколько дальше поцелуев, то сейчас у меня мог бы быть сын с такими же непослушными вихрами и дерзким взглядом, как у этого пацаненка.

— Заметано, — басом сказал Малява, забирая «Первую кровь». — Век воли не видать.

Но все равно вместе с наследством Халка у меня еще оставалось прилично и припасов в рюкзаках, и оружия. И того и другого много не бывает, особенно в Зоне. Но с другой стороны, я ведь тоже не тягловая лошадь да еще с раненой ногой.

Обратно в шалман возвращаться мне не хотелось, потому я поинтересовался у Припаса:

— За «ижака» пару пачек СП-шестых дашь?

Вместо ответа хранитель оружия выдвинул один из ящиков стола, черпанул оттуда горстью, больше похожей на совковую лопату, подумал, отсыпал обратно глухо звякнувшего товара и выложил на стол десяток патронов СП-5.

— Не хоть — не бери, — сказал он, предупреждая возможный торг.

— А у тебя часом не Сидорович фамилия? — поинтересовался я, забирая патроны. — Я подумал, может, родственник.

— Думать вредно, — лаконично ответил Припас, выщелкивая из «ижака» тупорылые охотничьи патроны. — Могу еще пяток за рюкзак и лишние консервы с концентратами набросить — тебе столько все равно на фиг не надо.

— Давай, живодер, — усмехнулся я. Во дает, уже успел все посмотреть и подсчитать! Похоже, Припасом его обозвали не только за любовь к кастетам.

— Может, еще что загнать надумал? — спросил хранитель, отсчитывая патроны.

— Не, загнать вряд ли, — сказал я, поудобнее берясь за приклад FN 303. После чего с размаху жакнул стволом травматического ружья о бетонную колонну, подпирающую потолок. На пол брызнули мелкие металлические детальки.

— Ну и зря, — флегматично произнес Припас. — Это ж, если снять приклад, считай, подствольник М303... Был.

— И хорошо, что был, — сказал я, выбрасывая искореженную американскую пневматику в стоящий у стены объемистый мусорный бак. — А патроны к нему я заберу.

— В болоте утопишь? — хмыкнул Припас. — Будто от этого охотники за головами переведутся.

— Надо ж с чего-то начинать, — сказал я...

...Малява уверенно вел меня через проходы в минных полях. Глядя ему в затылок, прикрытый наброшенным капюшоном толстовки, я думал о том, случайно ли четыре года назад Йога оказался со мной в одной «хате»? А еще мне пришло в голову, что не в меру самоуверенный охотник за головами наверняка достал не только меня. Что ж, «герцогами» что преступного, что обычного мира, как правило, становятся личности исключительные, умеющие чужими руками решать свои проблемы.

— Слышь, Снайпер, — бросил через плечо Малява, прервав ход моих мыслей. — Проходы в полях меняются каждый день. Так что обратно этой дорогой кандехать не надумай.

— Угу, — отозвался я, про себя отметив, что, пожалуй, и без малолетнего бандита нашел бы утоптанную тропинку среди мин, расположение которых не меняли со дня установки...

Вдали показались мрачные бетонные коробки промзоны с вентиляционными трубами цехов, направленными в свинцовое небо Зоны, словно обвиняющие персты давно окаменевших мертвецов.

— Вот твои Дикие территории, — сказал Малява. — Я через границу не пойду. Бывай. И пошел обратно.

Особой границы я не заметил — разве что знак радиационной опасности мог сойти за пограничный столб. Кто-то при помощи баллончика с краской довольно искусно доработал всем известный «пропеллер смерти» до оскаленного черепа, а после аккуратно прострелил обе глазницы.

— Бывай, — так же лаконично попрощался я, поворачиваясь спиной к бандиту и очень надеясь, что он сдержит данное слово.

Малява действительно не стал стрелять мне в спину. Ну и хорошо. Будь милосердной к нему, Зона, и отпусти, если когда-нибудь он захочет покинуть тебя...

Струя горячего воздуха опалила мне щеку. Следом за ней прилетело эхо далекого выстрела. Что ж, в очередной раз спасибо, «Чистое небо», за твою способность отклонять посланные в меня пули!

Все это я додумывал уже в перекате, выставив перед собой ствол ВСК-94 и очень надеясь, что Халк не успел сбить на нем прицел. Хотя, откуда именно стреляли, я пока не успел сообразить — мест, где снайпер мог оборудовать свою лежку, было предостаточно.

— Он с крана шмаляет! — раздался крик у меня за спиной. — Беги направо, там...

Что именно находилось справа, я так и не узнал. В районе кабины подъемного крана, возвышавшегося над крышами заводских зданий, мигнула светлая точка. А потом я услышал сзади сдвоенный взрыв, и об мою шею чуть ниже уха разбилась теплая капля.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что случилось. Снайпер выстрелил в Маляву, и его пуля бросила легкое тело на мины... Правда, он забыл сразу оба правила снайпера — дважды не стрелять с одной и той же позиции и не убивать детей. Хотя, наверно, он чувствовал себя в безопасности на таком расстоянии от цели — ведь до крана было примерно с полкилометра. Также он мог ошибиться и по поводу второй заповеди, ведь Малява для своего возраста выглядел достаточно взрослым, к тому же, думаю, стрелок был уверен, что подстрелил и меня тоже. Все это, несомненно, было достаточными причинами для второго выстрела. Который оказался для него последним.

Я взял чуть выше вспышки, расположение которой на черном фоне кабины крана отпечаталось в моей памяти, словно в мой череп вколотили огненный гвоздь. После чего плавно нажал на спуск, точно зная, что не промахнусь, даже если Халк все-таки сбил прицел. Я просто не мог промахнуться, не имел права.

Через оптику ПСО-1 я отлично видел, как с крана медленно, словно нехотя, свалилась СВД. И вслед за ней, нелепо раскинув в полете руки, упало человеческое тело, будто пытаясь в полете поймать свое непослушное оружие.

— Упокой тебя Зона, Малява, — прошептал я. — Ты был хорошим сталкером.

За его убийцу я не стал просить, как это принято здесь, когда отправляешь человека на тот свет. И плевать, что мертвый может посвятить всю свою загробную жизнь поискам снайпера, который всадил в него пулю. Если чертов зомби в униформе наемника встретится мне на пути, я с удовольствием убью его еще раз...

В кармане куртки, куда я переложил дареный Меченым КПК, запищало. Я открыл клапан, достал наладонник и нажал кнопку связи, уже догадываясь, от кого мог прийти вызов.

— Твоя работа, Снайпер? — раздался из динамика знакомый голос.

— Угу, — сказал я. — Рад слышать тебя, Стрелок.

— Блин, сколько раз тебе говорить, что я ненавижу это погоняло, — проворчал голос из динамика. — А еще ненавижу тех, кто стреляет лучше меня, особенно когда они делают это не вовремя.

— Не прибедайся, — произнес я. — Сильный хипеж в промзоне из-за этого наемника?

— Да не, нормально, — отозвался Меченый. — Я уже разрулил. Никто не думал, что ты с этой стороны пойдешь, вот и промашка небольшая вышла. К тому же сам посуди, на хрена Волкодаву снайпер, который с четырехсот метров из СВД по ростовой мишени отработать не может? Так что иди спокойно, ждем тебя около паровозного депо.

Судя по информации из КПК Меченого, Волкодав в группировке наемников был кем-то вроде командира снайперских групп, охранявших подходы к Диким Территориям. Он же являлся контактным лицом, к которому меня должны были проводить в случае, если Меченый не выйдет на связь раньше. Больше о наемниках в наладоннике не было ни слова, кроме того, что Дикие Территории — их охраняемая база. Но это и так знал каждый в Зоне. А вот насчет того, что происходило внутри этой базы, конкретно никто ничего не мог рассказать, хотя слухов среди сталкерской братии ходило много. Но слухи — это далеко не достоверная информация...

Судя по карте, депо находилось недалеко от того крана, с которого я снял снайпера. Кстати, теория Меченого насчет его неважной подготовки была хороша лишь для того, чтобы разрулить вопрос с группировкой, лишившейся одного из своих членов. Специалистом он был отменным, и, если б не «Чистое небо», в моем черепе появилось бы одно лишнее отверстие.

Периметр территории, находящейся под контролем наемников, был обнесен лишь невысокой металлической сетчатой оградой. Судя по обугленным трупикам тушканов, прикипевших к сетке, ограда находилась под напряжением, но предназначалась лишь для защиты от мелких мутантов типа тушканов и безглазых собак. Получается, более крупные объекты отстреливались снайперами? Вряд ли. Скорее, истинная база таинственной группировки находилась под землей, а сверху располагались лишь декорации в виде полуразрушенных зданий заброшенной промзоны. Но в хорошем театре декорации тоже холят и лелеют, вот и здесь за их сохранностью наблюдали стрелки под началом некоего Волкодава, о котором, кроме его сурового погоняла, в КПК Меченого никакой другой информации не имелось.

Через забор высотой чуть более метра я просто перепрыгнул с разбегу — хорошо, что у меня толчковая левая, как в известной песне, а не покусанная и обожженная правая. Приземлившись, ушел в пережат и порадовался про себя — нога уже почти не болела, все-таки «Чистое небо» плюс «Душа» — лекарство что надо. Жаль только, что после окончательного заживления раны такого объема, «Душа», скорее всего, станет просто тусклым камнем, да и сияние «Чистого неба» поблекнет изрядно...

Хотя в этом секторе наемникам вряд ли стоило вообще городить защиту — естественных препятствий для желающих проникнуть в их владения имелось предостаточно. Шаг влево — и встроенные в КПК счетчик Гейгера имеет с детектором аномалий заверещали из моего кармана в два голоса, заглушая друг друга.

— Тихо, тихо, понял, не дурак, — сказал я наладоннику, возвращаясь на исходную. Идти вперед решительно не хотелось, но иного пути не было. Предстояло пройти под

мостом, между опорами которого плавало устойчивое марево, которое постоянно можно наблюдать в пустыне в горячий полдень, когда куриные яйца аборигены варят без воды и кастрюль, закапывая их прямо в песок.

Но Зона не иракская пустыня, и я очень хорошо знал, что в этих местах значит подобное марево. Под мостом, прячась от частых дождей, поселилось семейство «Жарок». Обжилось, расплодилось, и теперь любая живая тварь, решившая погреться возле теплого места или укрыться от ненастья, служит для них пищей. И, судя по обугленным костям и закопченному защитному шлему, валяющемуся возле первой опоры, недостатка в корме «Жарки» не испытывали.

Да, я чувствовал многие аномалии, этим в Зоне никого не удивишь. Каждый второй сталкер, которому посчастливилось не сдохнуть здесь в первые пару-тройку месяцев, приобретает такие способности в той или иной мере. Инстинкты первобытных предков просыпаются, что ли? Не знаю, я не ученый, мне самокопание удовольствия не доставляет. Есть такая способность — и спасибо Зоне. Но идти через сплошное марево — это совсем не то, что чувствовать одиночный, пусть даже невидимый столб нагретого воздуха. Когда многочисленные аномалии сливаются в сплошную стену, порой переплетаясь между собой словно змеи в период спаривания, никакие суперспособности не сработают. Даже с килограммом болтов в карманах, так или иначе, ты неизбежно переступишь опасную черту и едва видимая колонна колеблющегося воздуха в мгновение ока превратится в столб неистового пламени, испепеляющего любую органику не хуже танкового огнемета...

И вдруг я понял, что знаю дорогу. Понял — и все тут, словно не раз уже ходил невидимой тропинкой меж огненных смерчей, бьющих из раскрошенного асфальта.

Доверять или не доверять такой уверенности — личное дело каждого. Обычно она не подводит. А тех, кого подвела, уже не спросишь, с какой это радости они полезли в лес аномалий, как, например, владельца защитного шлема, чей обугленный череп навсегда остался внутри оплавленной с краев «Сферы».

Но я привык доверять внутреннему голосу еще с тех пор, как вылез из норы Сидоровича и попытался произнести первое слово. Тогда я не помнил ни черта о своем прошлом и, кроме интуиции, мне не на что было полагаться. Вот и сейчас я, не раздумывая особо, двинул вперед. Потому как если начать прикидывать «за» и «против», то проще развернуться на сто восемьдесят градусов и отправиться на Янтарь, в гости к Сахарову. Если его секьюрити вспомнят сталкера, который пригнал им экспериментальный танк, то, глядишь, не пристрелят с ходу. А там, может, и чаем угостят. Чай у ученых вкусный на редкость, бодрящий. Не иначе подмешивают туда какие-нибудь травы типа женьшеня или листьев коки. А что, вполне может быть. На Руси предки сто лет назад, например, на этих листьях водку настаивали. Потом с той водки вон какое разудалое у них получилось начало века...

Принцип один и тот же — что в перестрелке, что в путешествии — между «Жарками» думать не надо. Думать надо было раньше, когда тренировал навыки или решал, в каком направлении двигаться. Ведь если начнешь думать — то все, инстинкт самосохранения тут же заорет, что твоя сирена: «Куда тебя черти несут, хозяин?!» Вот тут-то и случаются у думающих индивидов промашки ужасные. Может, поэтому ученые с тренированными мозгами при одиночных вояжах в Зону чаще всего остаются в ней в виде медленно разлагающегося содержимого своих навороченных защитных костюмов?

Вот так, валяя в голове посторонние мысли о чае Сахарова и вредных инстинктах, я шел через зыбкое марево, обливаясь потом от нестерпимой жары, — аномалии, даже будучи невидимыми, неслабо разогрели воздух под мостом. А качнись немного влево-вправо — разогреют еще больше, они до живого мяса сильно охочие... Так, не думать о белой обезьяне. То есть о ней как раз думать можно, а вот...

А вот такого я еще не видел.

Я был как раз на середине пути. Еще миновать пару колонн, подпирающих мост, — и можно считать, что выбрался, спасибо инстинктам. Но вдруг в паре метров от меня вверх взметнулся столб неистового огня... и медленно поплыл ко мне. Живая «Жарка», раза в три

объемнее обычной аномалии! Аномалия-охотник, реагирующая... на что? На движение? На тепло?

Мысли — штука медленная. Пока я решал, на что же именно реагирует нетипичная аномалия, мое тело само предложило вариант спасения.

Выдернув «Стечкин» из-за пояса, я выпустил весь магазин в стену справа. Две стационарных «Жарки» вспыхнули, приняв в себя горячий свинец и выбитые из стены осколки бетона. Но моя стрельба никоим образом не впечатлила живую аномалию, которая продолжала величаво и неспешно плыть ко мне. Мол, никуда ты не денешься, родной, мне твоя стрельба глубоко безразлична.

Движение и тепло... А что, если и то и другое?

Я резко присел, пустил юзом по асфальту в направлении сработавших «Жарок» горячий «Стечкин» и замер, прижавшись спиной к горячей, хорошо прогретой колонне.

Аномалия притормозила, качнулась неуверенно — и бросилась за пистолетом. Я же, оттолкнувшись от колонны, уже несясь по черной, прокопченной дороге, оставленной живой «Жаркой», — там, где ходят королевы, страдающим кататонией слугам делать нечего. Во всяком случае, я очень в это верил.

И, к счастью, не ошибся.

Пробегая мимо, я краем глаза видел, как мой пистолет при контакте с аномалией растекся по асфальту, словно был пластилиновым. Но я поспешил отвести взгляд, чтобы не ослепнуть, — настолько ярким было пламя, испускаемое «королевой».

Я вылетел из-под моста, словно пуля, отскочившая рикошетом от бетонной стены, и явственно услышал за спиной яростный рев неистового огня, похожий на рычание хищного животного, промахнувшегося на охоте. Да уж, после сегодняшних приключений я вполне обоснованно плюну в глаза тому, кто скажет, что аномалии не живые существа...

Отбежав на пару десятков метров от моста, я обернулся. «Жарка» не гналась за мной. Она величественно покачивалась под на удивление хорошо сохранившимся дорожным знаком «Ограничение высоты 6 метров» на невидимой границе своей территории, ограниченной пространством под мостом. При этом у меня возникло стойкое ощущение, что аномалия смотрит мне вслед...

— Вот черт, так ведь и свихнуться недолго, — пробормотал я, утирая рукавом куртки со лба холодный пот, успевший остыть на бегу. После чего, посетовав на себя за то, что поторопился продать обрез «ижака», направился к ангарам, верблюжьки горбы которых возвышались неподалеку...

Точка сбора на карте в КПК мигала сразу за ангарами, обозначенными унылыми серыми прямоугольниками. Они и в реальности сильно смахивали на облезлые склепы из какого-нибудь заброшенного кладбища. Правда, интерьер оживлял строительный вагончик, открывшийся сразу за ангарами. Веселенький такой, крашенный зеленой краской, со светящимися окошками. Если в этом вагоне расположился Меченый со своей бандой, то невысокого я о них мнения. Один подарок с чугунной «рубашкой» в окно их мирного пристанища — и конец сразу целой пачке Легенд Зоны.

Мне нравится развлекать себя такими мыслями, после того как вытащу свою драгоценную пятую точку из очередной передрыги. Уровень адреналина падает, а вредность начинает зашкаливать. Понятно дело, что этот простой парень с не по возрасту глубокими залысинами сам кому хочешь подарков в окно насует по самое «не хочу». Но кто его знает, вдруг расслабились волчары, решили, что если их главари группировок на заказ подтянули и вокруг наемники с сзвэдэшками бдят, то можно забить на безопасность...

— Не расслабились, не мечтай, — сказал голос из КПК. — Ифанату с кольцом в окно кидать не надо. А без кольца — тем более.

— Понятно, — вздохнул я. — Ты что, мысли читаешь?

— Да нет, — произнес Меченый, и я прям увидел, как он ухмыляется одними губами. — Просто активность аномалий под мостом обозначилась, аж зарево на севере полыхнуло. А ты с КПК не пропал. Значит, живой и на подходе. И вагон увидел. А мысли,

когда на него смотришь, у всех одинаковые. Кстати, мы прямо за ним расположились. Выдра, пропусти его.

Надо сказать, что к вагону примыкал полуразвалившийся дощатый забор. Так вот от темной ниши между вагоном и забором отделилась длинная тень и махнула мне рукой — проходи, мол. Нормально так мужик спрятался, с двух шагов не разглядеть. А разглядеть он себя и не дал — снова в нише скрылся. Под вагоном валялась огромная пустая катушка из-под кабеля, за которой мужик и прятался, выставив дуло «Вала» в щель между днищем вагона и поверхностью катушки.

«Хорошая позиция, — отметил я про себя. — Как в ДОТе засел. И хрен его там разглядишь без прожектора».

— Сейчас, один секунд, — сказал я, слегка пригибаясь, чтоб мужик под катушкой расслышал. Просто справа, метрах в двадцати, возвышался кран, с которого я снял снайпера, и я хотел посмотреть, что стало с его винтовкой.

Место было открытое, поблизости никого, но почему-то мне не хотелось идти по участку ровной асфальтовой дороги — редкому явлению в Зоне — и я предпочел свернуть налево, под укрытие стопки бетонных плит, в незапамятные времена, так и не перенесенные краном к месту недалекого недостроя.

Винтовке повезло больше, чем ее хозяину. Она просто воткнулась стволом в мягкий грунт как раз между двумя бетонными плитами.

Я вытащил оружие и бегло осмотрел. Надо же, даже прицел не разбился, хотя СВД после такого полета, несомненно, нуждалось в хорошей чистке и новой пристрелке. Умели же делать раньше, а?

Бывший хозяин винтовки спланировал головой на бетон, и от нее осталась лишь большая мокрая клякса, осколки черепа и немного мозгов, незадачливому снайперу уже не нужных. Впрочем, он и при жизни не особенно ими пользовался — стрелять в подростка может либо конченный псих, либо безмозглая и бездушная тварь. Подсумки с патронами к винтовке и «Беретта» на поясе тоже вряд ли могли ему понадобиться в ближайшем будущем, потому я забрал себе и то, и другое. По неписаным законам войны оружие и патроны убитого врага это не мародерство, а лишь военный трофей.

Я вернулся тем же путем, вытаскивая берцы из грязи и проклиная «шестое чувство», которое настоятельно советовало мне идти псевдособачьими тропами, вместо того чтобы по-человечески идти по ровной дороге. У забора я на всякий случай громко сказал:

— Слышь, караул, это я!

И, получив в ответ равнодушное: «Надо же, какое счастье», прошел в калитку.

Группа Меченого расположилась возле костра, сложенного в старой железной бочке, обрезанной на четверть. Четверо обычных с виду мужиков, большинство которых были мне хорошо знакомы — мы с ними пробивались из центра Зоны после того, как я вытащил их из автоклавов Директора.

— Знакомься, — сказал Меченый. — Это Проводник. Зону знает как свои пять пальцев, может в любую точку провести за большой мешок бабла. А может и за мешок не провести, если кто ему не понравится.

Лысый мордатый дядька с солидным брюшком в сталкерском костюме кивнул в мою сторону, при этом демонстративно поправив заброшенную за спину «Гюрзу». Мол, рады знакомству, но наш МП-пятый висит за плечом завсегда.

— Ну, Клыка с Призраком ты знаешь. Выдру видел, он типа в дозоре. Большой любитель волейбола и метания гранат в тех, кто ему не понравится. Ну а это Снайпер, если кто не в курсе. Ты к костру-то присаживайся, чай, не чужой, приглашения не требуется.

— Да кто тебя знает, — сказал я, опускаясь на корточки и протягивая к огню ладони, успевшие озябнуть на осеннем ветру. — Про «Жарки» под мостом не мог предупредить?

— Мог, — сказал Меченый. — А зачем? Ты ж, типа, насколько я знаю, аномалии чувствуешь.

Я молчал.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Проверить хотел теорию Доктора. Он как-то обмолвился, что у нас с тобой одна судьба на двоих. И сны эти... Лучше ты мне скажи, как там было, под мостом?

— Тепло, мля, — сказал я.

— Да ладно тебе, хорош дуться, на самом деле, — хмыкнул Меченый. — Прошел же.

— Ага, — кивнул я. — Еще бы немного — и вместо меня цыпленок табака из-под моста вылез. Там «Жарка» какая-то странная, на людей бросается.

— Про такую не слышал, — покачал головой Меченый. — Но видел.

— Где? — поднял голову Клык.

— Пару минут назад...

— Это когда сидел и в огонь смотрел, будто там кино показывали? — осведомился Призрак. — Прикинь, — толкнул он меня в бок, — сидит и на костер смотрит не мигая. Я его «Меченый, ты чего?» А он молчит, будто окаменел.

Я внимательно посмотрел на Меченого. Одна судьба на двоих... И ощущение, будто я знаю дорогу между «Жарками», словно ходил там не раз...

— Ты меня вел? — спросил я.

— Не знаю, — покачал головой Меченый. — Но четко видел, будто это я под мостом иду.

— А пистолет?

— Пистолет — это твое, — сказал он. — Это ты его бросил. Я не раз ходил под тем мостом в реале и, когда полыхнули стационарные аномалии, думал прорваться между двумя активными «Жарками». Но ты уже бросил «стечкина». И как все это объяснить, я ни хрена понять не могу.

— Зона, — коротко бросил Проводник. — Вот и все объяснение. Чем голову морочить, давайте лучше погрызем чего-нибудь — и на боковую. А то утром заказчики поспать точно не дадут за такие-то деньги.

— С этого места можно поподробнее? — сказал я. — Какова наша задача?

— Без понятия, — пожал плечами Меченый. — Пришел человек от Сидоровича, принес шестьдесят тысяч. И сказал то, что я уже и так до вас довел. После завершения Сходки обещали еще столько же. Так что завтра все узнаем. Кстати, держите бабки.

Он полез в карман и раздал пачки, перехваченные банковской ленточкой.

— Держи, Выдра.

Одна пачка улетела в темноту. Послышался еле слышный хлопок, который получается, если поймать пачку купюр в воздухе.

— Ну и глаз у человека, — покачал головой Проводник. — В темноте как кот видит. Не Выдрой надо было его прозвать, а Кысью.

— Он плавать мастак, — сказал Призрак. — И ценный зверь к тому же — за него в свое время «Долг» сто тысяч награду назначил. Потому и Выдра.

— Это кому ж он в «Долге» так на хвост наступил? — округлил глаза Проводник. — Может, это он Петренко ноги отгрыз?

— Ну, вот его завтра увидишь — и поинтересуйся, — сказал Призрак, нюхая денежную пачку. — Хотя вряд ли он приедет, скорее сам Воронин заявится. Большая Сходка ж как-никак. Не, вы видели? С советских времен пачку не вскрывали! «Государственный банк СССР» на ленте проштамповано. Обалдеть! Интересно, где Сидор такие раритеты берет?

— А вы не думали, что это может быть ловушкой? — поинтересовался я, проигнорировав риторический вопрос Призрака. — Может, тот киллер, что на нас охотится, Сидору бабки отстегнул, чтоб он всех заказанных лиц в одном месте собрал. Одна граната — и будьте любезны, решение всех киллерских проблем, посеченное в бастурму.

— Думали, — усмехнулся Меченый. — Потому и сидим именно здесь, а не где-нибудь еще.

— А... чем место примечательное? — осведомился я.

— Место так себе, средней поганости, как и все Дикие Территории в целом, — сказал Меченый. — Вагончик вон тот примечательный. Гранатоустойчивый. И пули его не берут.

Сколько народу в него стреляли, дырки от пуль снаружи обозначаются, а внутрь ни одна не залетает, хотя стенки — обычная доска. В нем и переночуем. А завтра уж как кривая вывезет. Только сильно я сомневаюсь, что тот киллер сюда полезет, — с утра все свободные наемники Зоны тут соберутся охрану нести.

— Ладно, братва, — хлопнул себя по коленям Проводник. — Мы так до утра тереть можем. Давайте ужинать, а то кишки уже к позвоночнику прилипли.

— Это дело, — растянул в улыбке толстые губы Клык. С виду добрый, простецкий парень, по тому, как двигается и говорит, можно даже подумать, что тормознутый слегка. Интересно, зачем такой кадр в группе? С другой стороны, если есть, значит, нужен. Вряд ли Меченый возьмет к себе бесполезного человека.

Народ выложил из рюкзаков кто чем богат — колбасу, хлеб, лук, соль. Понятное дело, откуда-то появилась бутылка и раскладные стаканы. Я порылся в рюкзаке и извлек оттуда наследство Халка — натовский сухпай, поставляемый российскому спецназу в связи со Вторым Взрывом. Ничего особенного, небольшая картонная коробка с саморазогревающимися пакетиками. Налил воды — дальше все само доходит до кондиции, главное, не обжечься с непривычки.

— Фигня, — сказал Призрак, разливая по стаканам прозрачную жидкость. — Наши ИРП-Б хоть и громоздкие, и греть жратву приходится на спиртовке, когда открытого огня нет, но все ж каша с настоящим мясом это не химия со вкусом куриных окорочков, замороженных во времена Первого взрыва. Ну что, вздрогнули. За встречу.

Под такой тост грех было не вздрогнуть.

— А по мне, этот пиндосский концентрат то, что надо, — сказал Проводник, прикладываясь к стаканчику с дымящимся американским бульоном. — Как заправка радиопротектора, так вообще замечательно.

— Брехня это все про радиопротектор и вывод радионуклидов водкой, — сказал Меченый в перерыве между двумя кусками бутерброда с колбасой. — Если ты полбутылки «Казаков» за час до облучения опрокинул, тогда да, последствия серьезно меньше будут. Ну а после можно даже не дергаться. Думаю, эту байку придумали, чтоб тем, кто серьезную дозу хватанул, помирать веселее было.

— Так что ж, теперь по жизни в Зоне поддатым ходить? — хлопнул длинными ресницами Клык.

Вдобавок оказалось, что парень сильно картавит. Такие обычно нравятся девчонкам — у них просыпается материнский инстинкт, хочется приласкать несчастного, обогреть, потискать. Чем ушлые несчастные и обездоленные обычно беззастенчиво пользуются.

— Луфше по ней фообще не фодить, — прошамкал Проводник с набитым ртом. — А поддафым фсегда жить проще.

— Это точно. Кстати, все забываю спросить у вас, други мои, за каким бесом вы мне пару месяцев назад упорно лапшу на уши вешали в сообщениях, будто погибли смертью храбрых? — прищурился Меченый, переводя взгляд с Призрака на Клыка и обратно.

— Так это... не за одного ж Выдру «Долг» такую премию выписал, — произнес Клык, глядя на старшего группы невинными глазами.

— Ага, понятно, — кивнул Меченый. — Значит, накосячили и зашифровались по полной. Но я сам видел труп Призрака в икс-шестнадцатой лаборатории!

— И поверил, что паршивый контролер мог меня так запросто уделать? — прищурился Призрак. — Я знал, что Сахаров непременно после нас пошлет еще кого-нибудь отключить тот чертов излучатель — и, как видишь, не ошибся. Значит, хорошо мы тогда провели операцию, коль даже ты повелся. Если ложь кажется настолько правдивой, что правда кажется ложью, хитрость удалась.

— Ну, тогда рассказывай, на чей труп ты тогда напялил такую навороченную снарягу. И, главное, зачем?

— Чтоб тот, кто найдет, поверил, что это я, — невозмутимо произнес Призрак, флегматично пережевывая шпротину, хвост которой торчал у него изо рта и равномерно

двигался в такт движению челюстей. — Просто в сложные походы всегда полезно брать с собой «отмычку», похожую на тебя, и наблюдать за пожаром с противоположного берега.

— Он у нас любитель восточных мудростей, — пояснил Меченый. — Правда, до сих пор не пойму, как они ему помогают тихо и незаметно пролезать в любую щель, где люди не ходят, и, что самое главное, вылезать обратно. Кстати, что-то мне подсказывает, что не зомби тогда уложили Васильева — слишком уж аккуратная дырочка была в его костюме на уровне сердца. Хотя зачем жить трусу и предателю, верно?

Призрак выплюнул в костер рыбий хвост и загадочно улыбнулся масленными губами...

Они сидели у костра и говорили о каких-то давних и неинтересных мне делах как самые обычные люди. Никакие не «легенды Зоны», а обычные люди, которые просто очень хорошо умеют убивать других людей. И я сижу среди них лишь потому, что тоже умею убивать лучше, чем делают это другие...

— Ладно, братва, — сказал Меченый. — Давайте по последней. За тех сталкеров, кто не вернулся из похода, упокой их Зона. И за то, чтобы мы завтра вернулись.

— Два тоста за раз, — покачал головой Клык. — Плохая примета.

— Под мои тосты в Зоне приметы не работают, — хмыкнул Меченый. — А нажираться сегодня не стоит — завтра работать.

— Также верно, — вздохнул Проводник, опрокидывая свой стакан. После чего шумно выдохнул: «Хорошо пошла!» — и аппетитно захрустел пучком лука.

Его примеру последовали остальные.

— Так, темнеет, я Выдру менять, — сказал Меченый. — Остальным отбой. Через два часа Проводник дежурит, за ним Клык, потом Призрак, Снайпер последним. Подъем с рассветом, так что времени не теряем.

— Ну да, как собачья вахта, так сразу я, — проворчал Клык, сваливая в костер остатки ужина. — Никакой жизни.

— Да ладно тебе, — зевнул Призрак. — Забыл, как ночами не спали, когда по весне нас наемники гоняли? Зато сейчас тишь да гладь, даже заказы вон раздадут с предоплатой.

— Это мне и не нравится, — буркнул Клык.

— Что именно — заказ или предоплата? — поинтересовался Призрак.

— Все не нравится. И заказ, и то, что снова с наемниками связались.

— Заказ не от наемников, — сказал Меченый, поднимаясь со своего места и проверяя автомат. — Они за такие бабки удушатся.

— А от кого тогда? — удивился Проводник. — Это же их территория.

— От того, кто созвал внеплановую Большую Сходку. И кто из главарей группировок ее инициатор, я не знаю.

— Вот те раз, — сплюнул в огонь Призрак. — Куда идем, не знаем, зачем идем — тоже... Как бы снова в автоклав не нырнуть. Или в «Холодец», который около него. Он там, что твое болото, все поместится.

— Кому что не нравится, может прямо сейчас вернуть задаток и топать на все четыре стороны, — холодно произнес Меченый. Его глаза нехорошо сверкнули в свете костра, и я почувствовал, как от того места, где он стоял с автоматом наперевес, ощутимо потянуло холодом. Призрак даже поежился слегка.

— Да ладно, хорош тебе, Меченый, — примирительно произнес Проводник. — Ты что, Клыка с Призраком не знаешь? Им лишь бы поворчать.

— Знаю, — сказал Меченый. — Потому и распинаясь здесь, вместо того чтоб давно уже Выдру сменить.

— Ладно, проехали, — широко улыбнулся Клык. — Пошли дрыхнуть, что ли.

Сталкеры вставали со своих мест, привычно проверяли оружие. Я тоже поднялся и пошел к вагону. Мыслей не было. Перед миссией их и не должно быть — когда уже принял решение, лишние мысли обычно только мешают.

В огромном заводском корпусе не было ни души. И это Виктора удивило. В здании, несомненно, жили и работали, несмотря на его заброшенный внешний вид. Но если снаружи оно выглядело облезлым и давно покинутым, как и большинство сохранившихся строений Зоны, то внутри него был образцовый порядок.

Виктор не стал углубляться в изучение всего корпуса, обходя его поэтажно. На первом этаже, пронизанном множеством широких коридоров, висел подробный план эвакуации, сохранившийся еще с прошлого столетия, на котором нынешние владельцы помещения сделали свои коррективы. Надписи четвертьвековой давности были аккуратно заштрихованы белой корректирующей замазкой, поверх которой местный мастер каллиграфии аккуратно вывел маркером: «Жилая зона», «Оружейная комната», «Ремонтные мастерские», «Столовая», «Душевые», «Санузел», «Стрелковый тир», «Спортзал для рукопашного боя», «Спортзал для ножевого боя и метания», «Тренажерный зал», «Борцовский зал», «Помещения специальной подготовки»...

«Ого, — подумал Виктор. — Похоже, военному делу местные жители уделяют подавляющее большинство свободного времени».

Под планом эвакуации висел большой календарь на 2012 год с рекламой Клиновского специализированного патронного завода, на котором был красочно выполнен пистолет Макарова с патронами СП-7 россыпью и подписью: «Наши клиенты в рекламе не нуждаются».

«Да уж, это точно, — хмыкнул про себя Виктор. — Реклама им не нужна. Их нуждающиеся сами находят».

Словно подтверждение качества патронов и тех, кто ими пользуется, минувшие числа на календаре кто-то аккуратно прострелил, скорее всего, из того же разрекламированного «Макарова», судя по диаметру пулевых отверстий. Виктор оценил точность попаданий, подивился еще раз про себя, что в Зоне посреди наполовину расстрелянного июля стоит вполне октябрьская промозглая погода, и, минуя лифты, двинул по лестнице черного хода вверх. За сегодняшний такой долгий день он уже устал удивляться, потому рабочие лифты с горящими цифрами этажей над ними в заброшенном здании воспринял как должное. Но своим ногам он привык доверять больше, особенно в таком месте, и потому сейчас отсчитывал ступени, попутно анализируя, куда мог деться весь личный состав учебного центра, — а что это именно учебный центр подготовки какого-то местного спецназа, сомнений не было.

Да уж, посмотреть по сторонам — обычная лестница с потрескавшейся грязно-зеленой краской на стенах и потускневшими от времени надписями на площадках этажей: «Место для курения». Это и шокировало в Зоне — сочетание привычных каждому российскому человеку пейзажей с непонятным, таинственным и смертельно опасным. Никогда не знаешь, какая тварь вылезет на тебя из песочницы или спрыгнет с крыши железнодорожной станции... Ладно, об этом потом. И все-таки, почему явно обжитое здание пустует при наличии хорошо вооруженных наружных постов? Может, потому, что воровства наемники не опасались ввиду безукоризненной дисциплины, вследствие чего все организованно отправились отрабатывать заказ на полк одной из стран вероятного противника? Учитывая специфику личного состава подразделения, версия не лишена права на жизнь. Хотя бы потому, что другой нету, если, конечно, неведомая пространственная аномалия не переправила батальон наемников в зазеркалье Зоны.

Развлекая себя такими мыслями, Виктор добрался до последнего этажа. Отсюда с площадки, выложенной мелкими квадратиками сильно побитой советской плитки, на крышу вела стальная лестница, которая оканчивалась открытым люком. Из люка до ушей Виктора доносились ленивые голоса людей, абсолютно уверенных в своей безопасности. Для того чтобы разобрать, о чем говорят невидимые собеседники, даже спецаппаратуры не требовалось. Виктор осторожно поднялся на несколько ступенек и прислушался.

— Ща дождь пойдет, — сказал голос сверху. Судя по тембру, говорившему было не больше двадцати лет от роду.

— Тонкое замечание, — безэмоционально произнес второй. И после паузы добавил: — Здесь всегда так. Тучи чуть не на макушку давят, а дожди нечастые. Под ними, кстати, ходить не рекомендуется.

— Говорят, кислота сверху хреначит, — лениво произнес молодой.

— Кислота не кислота, хрен поймешь. Но мокнуть точно не рекомендуется. После дождя снаряга, что особым составом не пропитана, расплзается на глазах. И на тех участках кожи, что под дождь попали, могут ожоги вылезти или еще какая дрянь. Хотя может ничего и не быть. Как повезет, в общем. Короче, дождевую воду пить не рекомендуется даже с обеззараживающими таблетками.

— Козленочком станешь? — хмыкнул молодой.

— Может, козленочком, может, псевдопридурком. Хотя, если воду из лужи в Зоне хлебать надумал, ты и без этого и первое, и второе.

Молодой не обиделся и рассмеялся.

— Хорош зубы скалить, — оборвал его старший. — Кстати, почему люк не закрыл, ты ж вторым поднимался? Все, блин, за тобой контролировать надо.

— Да кому он нужен? — вяло отбрыхнулся молодой. — По всей территории на входах-выходах усиленные посты, кто сюда...

— Сказано, иди закрой, и замок навесить не забудь, — оборвал его старший. — Ночевать здесь будем, и я не хочу, чтоб какая-то радиоактивная тварь пробралась по лестнице и чего-нибудь мне отгрызла.

— На крыше ночевать? — изумился молодой. — Может, все-таки спустимся в казарму?

— Работа рано с утра начнется, — отрезал старший. — И за ночь хрен его знат, что может случиться. Навернeshь на СВД НСПУМ и будешь бдить. И, не дай Зона, в свою смену заснешь — Волкодав с меня шкуру спустит, а я — с тебя.

— Ладно, ладно, — проворчал молодой, судя по шагам приближаясь к люку. — Это ж надо придумать — ночью на крыше... твою мать!

Увидев приближающиеся берцы и не дожидаясь, пока люк захлопнется, Виктор выбросил руку вперед и резко дернул парня за щиколотку. Потеряв равновесие, тело в серо-синем защитном костюме рухнуло в открытый проем люка. Виктор посторонился, позволяя наемнику беспрепятственно пересчитать пятой точкой стальные ступени лестницы, по пути коротко рубанув его ребром ладони под левое ухо.

Незадачливый снайпер-наблюдатель упал на площадку уже без сознания, но приземлился удачно — лицом вниз. Удар при падении приняли на себя уродливый противогаз и разгрузка, так что, скорее всего, когда он придет в сознание, о небольшом приключении ему будет напоминать лишь лиловый синяк на шее.

— Что там? — раздался сверху встревоженный голос, сопровождаемый лязгом затвора.

— Поскользнулся... твою мать! — отозвался Виктор, умело подделывая голос. Впрочем, это было нетрудно — он уже успел сорвать противогаз с лица наемника и напялить его на себя, так что то, что доносилось до снайпера-истребителя через звуковую мембрану, вполне соответствовало оригиналу.

Правда, особо обольщаться не стоило — в снайперской паре чаще истребитель бывает более опытным, чем наблюдатель, хотя оба имеют оружие с оптикой и взаимно страхуют друг друга. В данном случае понятно — старый волк натаскивал молодого и вряд ли поведется на такой незатейливый спектакль. Но сразу стрелять вряд ли станет.

Можно, конечно, бросить «дымовуху» — вон из гранатного подсумка молодого как раз американская AN-M8 горчит. Но это значит, что через десять минут тут будут все, кто увидит столб дыма, валящий с крыши. А это примерно половина Зоны. Значит, играем незатейливо, то есть рискуем.

— Не, ну твою мать! — еще раз пробормотал Виктор, сокрушенно качая головой и высовывая ее над люком.

Как и ожидалось, в его сторону был направлен ствол двенадцатого «Форты», которые, как гласила «Энциклопедия Зоны», в связи с принятием на вооружение данного пистолета

внутренними войсками и милицией Украины, в данной местности встречались довольно часто.

— Ты чо, обалдел? — вполне натурально удивился Виктор, слегка приседая, — только глаза и лоб над люком остались торчать. — Ты ствол-то убери!

В общем, понять снайпера было можно — целиться в напарника нехорошо. Потому ствол он опустил, но ненамного, лишь чтобы рассмотреть, кто это такой лезет из люка. Конечно, если б этот «кто-то» попытался вытащить наружу любой из известных огнестрелов, он бы моментально получил пулю в лоб, благо расстояние в семь-восемь метров для профессионала — ничто при работе по грудной мишени. Но «кто-то» ничего такого не вытащил. Он лишь резко махнул рукой — и скрылся в люке, а снайпер, получив по пальцам и стволу пистолета сильный удар парой стальных гирек, соединенных цепочкой, невольно выпустил из рук оружие.

А потом он увидел, как из люка выпрыгнул смазанный силуэт — настолько быстро двигался человек, напавший на голову противогаз его напарника. Подобрать пистолет снайпер уже не успевал. Его рука дернулась к поясу, на котором висел в специальных ножнах «Магнум Танто И» — модель далеко не с самым длинным клинком из существующих, но, на взгляд снайпера, наиболее управляемая в руке.

Но выдернуть оружие из ножен снайпер тоже не успел — человек в армейском камуфляже оказался рядом быстрее. Короткий удар ноги по запястью — и нож, больше похожий на японский меч-вакидзаси, выбитый из руки хозяина, недовольно звякнул о металлическую кровлю крыши.

Но наемник был неплохим рукопашником и не собирался так просто сдаваться. Он вложил в удар ногой весь вес тела, пытаясь мощным лоу-киком смести на удивление гибкого и ловкого противника вместе с его возможными блоками. Каково же было его удивление, когда тот просто слегка отклонился в сторону, перехватил стопу в полете и резко рванул ее вверх, одновременно нанося удар носком ботинка в незащищенную промежность. Когда тебя пытаются сначала пристрелить, а потом зарезать, не до сантиментов...

Острая боль пронзила все тело наемника. От такой боли тело пытается уйти само, даже если его хозяин категорически против. Снайпер, рванувшись, совершил в воздухе неслабый кульбит и со всего маху грохнулся о крышу, дополнительно приложившись подбородком о металл. Зубы лязгнули, в глазах полыхнули «зайчики». В следующее мгновение его руки были заломлены за спину и перехвачены ременной петлей, а в рот воткнулся кожаный кляп, извлеченный из его же кармана...

Нейтрализовав снайперскую пару, Виктор быстро осмотрелся. Никого. Короткий бой остался незамеченным. Что ж, отлично.

Он сходил к люку, втащил так и не пришедшего в сознание наблюдателя по лестнице наверх, закрыл люк и зафиксировал его клинком трофейного «Магнума», вогнав его в щель между петлями люка. После чего связал пленника, снабдил его кляпом и положил рядом со снайпером-истребителем.

Проделав эту необходимую работу, Виктор осторожно выглянул за край толстенной вентиляционной трубы. Ага, стрелок на вышке вроде как оклемался, но все равно еще то один, то другой глаз потирает. Это хорошо. Когда у человека на внутренней стороне век все еще полыхает пучок молний, а глазные яблоки жжет, словно он только что кило лука нашинковал, ему не до возни на крыше соседнего здания. Он слушает только свою боль, чужая ему по барабану.

— Вот и ладушки, вот и хорошо, — пробормотал Виктор, отрываясь от созерцания полуслепых стрелка и оценивая доставшиеся ему трофеи.

Помимо СВД наблюдателя, двух пистолетов «Форт-12», пары длинных ножей-мечей американского производства и нескольких гранат в его распоряжении оказалась дальнобойная снайперская винтовка КСВК длиной почти в полтора метра. Это грозное оружие стояло на краю крыши, хищно растопырив сошки и задрав дуло к небу.

Виктор отомкнул магазин. Надо же, и патроны не стандартные пулеметные, а специальные снайперские... Серьезно подготовились наемники. Только вот к чему? Вопрос.

И допрашивать пленных нельзя — заорут патриоты группировки, как пить дать. И удобную позицию покинуть никак невозможно, не выяснив, что на данном участке Зоны творится.

Он присоединил магазин обратно и машинально погладил длинный прохладный ствол. «Напоминает бойцовую собаку перед прыжком», — подумал Виктор, хотя винтовка на четвероногого убийцу внешне ну никак похожа не была. Разве что харизмой и, может, предназначением.

Виктор снял противогаз и почесал вспотевшую переносицу. Конечно, защитные средства вещь в Зоне необходимая, но, судя по той же «Энциклопедии», многие сталкеры предпочитали обходиться без них. Не повезет — так от судьбы по-любому не уйдешь. По закону подлости в Зоне чаще всего «Жгучий пух» ловили лицом те, кто все время ходил в противогазе, но вот только снял, сел пообедать — и тут же обжигающее облако налетело с порывом ветра... Пулю в грудь обычно получали в упор из «Вала» сталкеры, которые практически не снимали бронежилета класса «ба», а «смерть под лучом» неизвестно каким образом настигала тех, кто не вылезал из костюма радиационной защиты. Потому многие сталкеры предпочитали «шкуру» не особо навороченную — в Зоне судьба и везение лучшая броня. И если нет ни того, ни другого, то любой супернавороченный экзоскелет будет тебе подспорьем лишь до первой аномалии...

Рядом с КСВК стояла сумка с приспособами и принадлежностями к винтовке. Сумерки сгустились, потому Виктор снял с дальнобойного оружия стандартный дневной прицел и закрепил ночной электронно-оптический. В рюкзаке снайпера-истребителя обнаружился еще один подарок судьбы — французский бинокль-тепловизор «Sophie» дальнего диапазона, работающий в режимах день/ночь.

— Ну, ничего себе ты живешь! — удивленно произнес Виктор, глядя на старшего наемника. — А младшему, значит, в ночной прицел местность обозревать предлагал? Жмот ты, однако.

Наемник замычал.

— Понимаю, что разобьет младший, — кивнул Виктор, ложась на живот и обозревая окрестности. — Только в прицел-то много не разглядишь, не то, что в эту красоту.

В условиях постепенно сгущающихся сумерек бинокль давал отличную видимость. Конечно, не как в яркий полдень, но намного лучше, чем в любой другой прибор ночного видения, который Виктору доводилось держать в руках.

Примерно в полукилометре от заводского корпуса, на крыше которого залег Виктор, стояло еще одно похожее здание. При виде которого в голове сами собой всплыли слова, услышанные совсем недавно от рыжебородого сталкера по прозвищу Корень:

«...в той точке пространства, где это здание находится, Большая Сходка проходить должна, которая для Зоны существенное значение имеет. Потому и проекция налицо. Все остальное неважно».

Главный фасад здания был точной копией жутковатого миража, застывшего посреди абсолютно пустого поля. Только этот заводской корпус был вполне объемным — с толстенными вентиляционными трубами, боковыми пристройками и мятыми воротами, в которые когда-то со всего маху впечатался электровоз, да так и остался торчать там, словно рукоять насквозь проржавевшего ножа, давным-давно забытого убийцей в теле мертвеца.

Вокруг этого здания, сжимая в руках автоматы, стояло двойное живое кольцо наемников. Охрана корпуса была усилена парой БТРов 90М «Росток», в отличие от «долговского», наполовину зарытого в землю, с виду вполне мобильных, ухоженных и готовых с места рвануть, куда надо в случае чего.

«Так вот куда делся весь личный состав», — подумал Виктор, разглядывая оцепление из вооруженных наемников. «Значит, Большая Сходка... Так, а это что такое?»

Он резко повернул бинокль влево, краем глаза зафиксировав движение.

Ага, недалеко от места сбора Большой Сходки, судя по отблескам костра, кто-то разбил стоянку. И сейчас к ней шел человек в камуфлированном комбинезоне со снайперским комплексом ВСК-94 за плечом.

Ночной бинокль четвертого поколения позволял рассмотреть лицо человека даже с такого расстояния. Виктор дал увеличение... и тут же плавно, но быстро переместился к винтовке.

Он узнал «клиента».

Это был тот самый «объект семь», фото которого показал ему генерал на Большой земле. И пока этот объект не скрылся за горами строительного мусора, его вполне можно снять одним-единственным выстрелом. А уж снять артефакт с трупа проблема не особо сложная, главное — действовать оперативно, чтобы мародеры не опередили.

Того, что наемники, услышав выстрел, рванут к корпусу, Виктор не боялся. Нажать на спуск и скатиться по лестнице в сумме дело пары минут. И пока наемники будут обшаривать здание и выяснять, кто стрелял, он уже успеет добраться до трупа и забрать ту хреновину со странным названием «Чистое небо». Генерал предупредил, что артефакт отклоняет пули. Ну что ж, посмотрим, как он отклонит сорокавосемиграммовый свинцовый цилиндр специального снайперского бронебойного патрона калибра 12,7 миллиметра...

В сумерках увеличение ночного прицела 1 ПН 111 вполне позволяло рассмотреть человека, которого Виктор должен был ликвидировать. Обычный парень, ничего особенного. В толпе увидишь — не обратишь внимания. Впрочем, все хорошие снайперы такие. Ему и маскироваться особо не надо, у него привычка быть невидимым всегда и везде. А этот, судя по отзывам генерала, один из лучших.

Виктор не любил убивать без особой надобности. Но задание есть задание.

Он плавно выбрал слабину спускового крючка... но внезапно парень, словно что-то почувствовав, резко свернул за штабель старых строительных плит.

— Симатта! — тихонько выдохнул Виктор. Ругнулся скорее по привычке, нежели от расстройства. И тут же усмехнулся. «Вот и говори после этого, что жертва не чувствует приближения смерти». Что ж, он сделал все, что мог. Конечно, можно и ночью попробовать, по-тихому подобраться поближе, ликвидировать цель, но дорога к стоянке лежала как раз мимо вышки, по которой расхаживал наконец-то прекративший тереть глаза наблюдатель. Даже если идти в темноте, без его устранения никак. Включившиеся прожекторы ярко освещали все возможные проходы между аномалиями, а с другой стороны не подобраться — оцепление. И еще неизвестно, сколько человек сидит у костра, к которому направлялся объект. В общем, слишком много «если». Ладно, подождем рассвета и будем действовать по обстановке.

Виктор положил винтовку и повернул голову к пленникам.

— Покормил бы я вас, мужики, да боюсь, заорете, — сочувственно произнес он. — До ветру не надо?

Полный ненависти взгляд наемника был ему ответом. Снайпер-наблюдатель пока еще так и не пришел в себя.

В общем, на то и был расчет при ударе. Остается обезопасить ночевку полностью.

Виктор протянул руку, положил ладонь на горло снайпера и кончиками большого и указательного пальцев нажал на симметричные точки под нижней челюстью...

Обычный человек, который родился не в Японии и не в Китае, даже представить себе не может, сколько на теле человека находится участков, при нажатии на которые можно мгновенно сбить с ног другого человека, погрузить его в сон или отправить в лучший мир. И сил-то для этого приложить надо совсем немного...

Наемник закрыл глаза и кулем повалился на изъеденный дождями лист кровельного железа. Виктор же одним движением перекатился влево и сел, скрестив ноги. В этом положении он одновременно видел закрытый люк, обоих снайперов и большую часть крыши. Сзади не подкрасться — там вентиляционная труба, за которой край крыши без намека на пожарную лестницу. А то, что перед ним, он будет видеть и во сне. Еще сложнее обычному человеку, рожденному не на Востоке, представить, что существует особое искусство спать с открытыми глазами и при этом видеть и слышать все, что происходит вокруг...

СНАЙПЕР

Проснулся я по банальной причине — вода и хорошо пошедшая водка просились наружу. Вставать не хотелось, но организм требовал свое, потому я поворочался еще пару минут на жестком ложе — и сдался.

Выйдя из вагончика, я завернул за стопку поросших мохом бетонных плит, оросил слабоалкогольной струей небольшой муравейник и, не дожидаясь благодарностей от крупных муравьев-мутантов, направился, было обратно. Но, увидев у костра сидящую темную фигуру, вернулся полюбопытствовать, кому это не спится в ночь глухую.

Не спалось Меченому. На посту, изнывая от безделья, торчал Проводник, а его непосредственное начальство, вместо того чтобы после смены идти спать, сидело у огня и увлеченно тыкало пальцами в клавиши КПК. Я подошел поближе — интересно же, что может заставить уставшего stalkера отказаться от законного сна. И удивился я презрительно.

Меченый резался в компьютерную игрушку, которую я взял на память в Саркофаге, а после выложил ради прикола в stalkерскую сеть. Прикол получился масштабным — через месяц в «Stalkera» резалась не только вся Зона, но и, по слухам, весь остальной земной шар. Странный феномен, но факты — вещь упрямая.

— Не настрелялся, что ли? — поинтересовался я, глядя как Меченый увлеченно полосует очередями из крошечного АК карликового, но шустрого кровососа. Конечно, под такой шутер монитор надо вполстены, а в КПК, мягко говоря, не то.

Кровосос утробно взвыл и повалился под ноги победителя.

— Не в этом дело, — произнес Меченый.

— А в чем? — не понял я. Стрелялка и стрелялка, до сих пор не догнал, с чего это народ так зацепило.

— Честная игрушка, — сказал он. — Увидел у друга навороченную пушку, понравилась — завали друга, и ствол твой. Жалко аптечку раненому дать — не давай, а если хочешь — пристрели и заberi его шмотки. Все как в жизни. Причем, не как в Зоне — здесь иначе не выжить — а именно как в жизни. Везде. И здесь, и на Большой земле, и на Марсе, если там она, та жизнь, конечно, имеется. Естественный отбор. Выживает самый сильный, хитрый и жестокий. И это здесь, — он покачал в руке КПК, словно взвешивал слиток золота, — передано отлично. Оттого народ и колбасит. Любит народ, когда его не считают за идиота и преподносят все, как есть на самом деле. Каждый сам за себя. Закон жизни, и против него не попрешь.

— А, может, это только твой закон? — поинтересовался я. — И ты увидел в игре то, что близко тебе?

Он посмотрел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость.

— Интересное кино, — хмыкнул он. — И это я слышу от знаменитого Снайпера, который вынес хренову тучу народа ради того, чтобы узнать, что до того, как ему промыли мозги, он был наемным убийцей. Как будто это без Монолита не было ясно. Ты хочешь сказать, будто такие, как ты, живут по иным законам? Насколько я знаю, закон любого снайпера прост и безыскусен: один выстрел — один труп. Ты всю жизнь мочил народ ради того, чтобы тебе было что пожрать, попить и где поспать. Так живут все. Не убивают — так подставляют, подсиживают, предают, лишь бы у самих была жирная жратва, лучшее пойло, красивые бабы и мягкие перины. Не так?

— Не знаю, — сказал я. — Но мне кажется, что сейчас ты говоришь неискренне. Если бы все было так, ты бы не сомневался в том, сможешь ли ты убить меня, когда отдашь Долг Жизни. Просто убил бы, и все.

Меченый пожал плечами:

— Человек странное существо. Иногда ему нужно покривляться перед самим собой, поиграть в благородство. И это тоже есть в игрушке. Порой я даже даю аптечку какому-нибудь полудохлому уроду в толстовке, который напевает меня «братаном». Псевдоволк ему братан.

Я хмыкнул.

— Получается, и в твоём законе бывают исключения.

— Мой закон, как хочу — так и трактую, — проворчал Меченый. — Все, не мешай, спи иди. Сейчас уровень пройду — и тоже отвалюсь.

Я хмыкнул еще раз и направился в вагончик досыпать. Меченый — и компьютерный шутер с философским уклоном. Вот уж никогда даже вообразить себе не мог, что увижу воочию такое сочетание. Аптечку он дает нарисованным «братанам», подумать только! Кстати, о здоровье.

Я осторожно потрогал раненую ногу. Не болит. Понятно. Можно даже не снимать штаны и не пытаться разглядеть в темноте свежий розовый рубец на месте жутковатой с виду раны. «Душа» работает безотказно, а в тандеме с «Чистым небом», глядишь, и рубца не останется. Хотя одним больше, одним меньше — разница небольшая.

Растегнув камуфляж, я отлепил от живота пластырь. В свете недалекого костра «Душа» казалась просто черным камнем на фоне белого перевязочного материала. Впрочем, им она и была, отдав мне все свои силы. Я бросил бесполезный теперь артефакт в мусорный контейнер рядом с вагончиком. В жизни часто так и бывает — отдавая кому-либо аптечку, силы, душу, ты порой теряешь слишком много нужного и важного, иногда теряешь себя, а после тебя равнодушно отправляют в помойку. Впрочем, как уже упоминалось ранее, много думать вредно, особенно когда нестерпимо хочется спать. Потому, оставив философские размышления до лучших времен, я отправился в вагончик, лег на свое место и мгновенно уснул...

— Подъем.

Шепот был тихим, словно шуршание мышиного хвоста по полу, но я услышал и открыл глаза.

За окном вагончика все еще была глубокая ночь.

— Вроде ж на рассвете Сходка намечалась, — так же шепотом произнес я, рассматривая силуэт человека, который сумел подойти ко мне, не потревожив сна. Немногие умеют так ходить.

— От главарей пришел человек и сказал, что планы поменялись, — прошептал Меченый. — В Зоне неспокойно, и Сходку решили провести ночью.

Интересно, он вообще спит когда-нибудь?

— Понятно, — отозвался я, поднимаясь с пола и закидывая снайперский комплекс на плечо. Действительно, все логично. Если хочешь, чтобы тайная встреча осталась тайной для всех, истинное время ее проведения должны знать очень немногие.

Я вышел наружу. За мной, стараясь не греметь жестяными листами, служившими спальному вагону вместо крыльца, подтянулась остальная группа. Проводник усиленно зевал, прикрывая рот широкой ладонью, остальные же выглядели так, будто отдыхали как минимум трое суток. Искусство, доступное лишь тренированным профессионалам, с ходу погружать организм в фазу глубокого сна, беря от отдыха максимум. «Вот уж чего не ожидал от Клыка, — отметил я про себя. Парень не так прост, как хочет казаться».

— Туда, — ткнул пальцем Меченый в направлении бетонного куба, притулившегося к забору рядом с вагоном.

Я, еще только выйдя к стоянке, отметил про себя: странно, с виду бытовка бытовкой, дверь и крыша из дешевого железа, проржавевшего насквозь, но почему стены бетонные? И то, что это бетон, а не крашеная фанера, разобрать можно лишь стоя в паре метров от строения.

— ДОТ, что ли, замаскированный? — тихонько осведомился Проводник. — И с чего такая секретность, позвольте узнать?

— На территории замечена стая кровососов.

Я обернулся на голос.

Из тени вагончика вышел человек в серо-синем комбинезоне наемника. На лице — маска-омоновка, в руках — американская автоматическая винтовка LR 300 ML, в сущности, та же знаменитая М-16 с незначительными доработками.

«Интересно, откуда в Зоне столько западного оружия и боеприпасов? — подумал я. — Может, с таинственных Семерных кордонов, на которых, как в песне, никто не бывал?»

— Потому орать и не рекомендуется, — добавил человек, подходя к двери бытовки, не имеющей даже намека на ручку или замок.

— В этих местах кровососы часто встречаются, — пояснил мне на ухо Призрак. — Давно уже наемники их логово ищут, а все без толку. Нет-нет да припрутся «стелсы» невидимые кучей на Дикие территории и кого-нибудь обязательно схрючат. И это аборигенов жутко раздражает.

Тем временем «абориген» закинул за спину свою модифицированную М-16, положил ладони на дверь — одну рядом с верхним левым ее краем, вторую посередине — и резко нажал.

Щелкнули невидимые защелки, и дверь отошла в сторону. Стало ясно, что функции она несла две — маскировала основную дверь, с виду тяжелую и массивную, а также предохраняла от сырости и вандалов электронный замок.

Наемник выстучал на вделанном в дверь замке сложную дробь, после чего массивная створка величаво отворилась.

Открылся вход в подземелье, щедро освещенный потолочными лампами. Впрочем, электричество в Зоне, как деньги — или нет вообще, или есть — хоть залейся им, причем на халяву. И откуда оно берется, никто не знает. Можно, конечно, свой личный дизель с Большой Земли заказать торговцам, но дорого это нереально и ломаться будет через день. Проще найти одну-единственную Вечную лампочку, кинуть от нее кусок провода, тоже найденный в Зоне — и пользуйся сколько угодно. Так называемое Имущество Зоны вечно и неистребимо, как и она сама...

Мы спускались по лестнице с крутыми ступенями, стараясь держаться подальше от стен, измазанных грязными потеками какой-то гадости, похожей на гной как по виду, так и по запаху.

— Химия какая-то на основе органики, — произнес Выдра с высоты своего двухметрового роста. — Я наверху бочки видел ржавые, похоже, это оно и есть. До сих пор заводская земля впитавшимися в нее отходами гноится.

— Ну, ты прям поэт, — хмыкнул Клык.

Выдра сделал характерное движение бровями, мол, что с вами говорить, только зря воздух сотрясать, и тему развивать не стал. А жаль. Похоже, он что-то знал об этом месте.

Спуск закончился перед еще одной дверью с кодовым замком, с виду аналогичной той, что была наверху. Только на ней красной краской была набита изрядно потускневшая от времени надпись: «Лаборатория Х-12. Посторонним вход строго воспрещен!»

Понятно, почему здесь не было отдельных постов, несмотря на очевидную значимость объекта, — я даже не знаю, сколько понадобится взрывчатки или термитных зарядов, чтобы своротить такую заслонку. Причем наверняка при малейшей попытке ее вскрыть взломщиков ждут неприятные сюрпризы. Например, вон за теми вентиляционными заслонками запросто могут быть спрятаны пулеметы или еще проще — сопла, подающие в замкнутое помещение отравляющий газ. С учетом того, что первая дверь автоматически закрылась за нашими спинами, шлюз получился идеальный. Одно нажатие кнопки — и привет злоумышленникам...

Наемник набил новый код, старательно закрывая замок собой — чтобы мы комбинацию не запомнили. Только зря он старался. Краем глаза я видел, как шевелились губы Меченого и Призрака, повторяя цифры согласно еле слышным клацаньям клавиш и ответному попискиванию электроники, фиксирующей вводимые данные.

Наконец и эта дверь отворилась. Мы следом за наемником перешагнули стальной порог.

Это был зал с восемью лифтовыми кабинами. Над дорогими ореховыми створками имелись старинные табло, состоящие из десяти стеклянных квадратиков. На тех из них, что были не разбиты, сохранились цифры от нуля до десяти.

Глаза Клыка округлились.

— Десять этажей вниз? — неизвестно у кого спросил он. — Это ж сколько метров получается?

Ему никто не ответил.

Наемник подошел к одной из кабин, створки которой сохранились лучше других, и нажал кнопку вызова.

— А если застрянем? — продолжал волноваться Клык. — Может, лучше по лестнице?

— Здесь нет лестниц, — коротко бросил наемник. — Автономное электропитание лаборатории Х-12 имеет ресурс в полстолетия и дублируется двумя подстанциями, работу которых контролируют наши специалисты.

«Так кто ж вы такие на самом деле, ребята? — подумал я. — Подземные лифты, подстанции, „наши специалисты“. Слишком круто для простой группировки, отстреливающей народ за деньги. Посмотрим, что будет дальше».

Дальше створки открылись, мы загрузились в лифт, и наемник нажал на кнопку с цифрой «5».

Под ложечкой возникло неприятное ощущение. Лифт мчался вниз со скоростью явно превышающей ту, на которую были способны подобные механизмы образца 1986 года. Правда, дискомфорт ощущался не только от скоростного спуска. Стенки лифта были бронированными с явными следами пуль на них, закрашенными не единожды. Что бы это значило? Гостевой лифт, где непрошенных гостей, недотравленных газом, рассчитывают не отходя от кассы?

Через несколько мгновений мой желудок вернулся в прежнее положение, створки бесшумно распахнулись... и я понял, что мое предположение недалеко от истины. На нас смотрели четыре крупнокалиберных пулеметных ствола ЗПУ-4. Зенитная установка, за которой сидел наемник в экзоскелете, стояла в конце бетонного коридора метров в десять длиной. По бокам бетонных стен имелись широкие щели — как раз автомат вместе с рукой пролезет.

— Сдайте оружие, — сухо сказал наемник, первым опуская в приемник свою LR 300 ML.

— Интересно, а как мы вашу сходку будем охранять без оружия? — поинтересовался Меченый.

— Сдайте оружие, — словно механический робот, повторил наш провожатый.

— А если не сдадим, он и тебя вместе с нами положит? — продолжал допрос Меченый, не спеша расставаться со своим АК.

— Положит, — ответил наемник. — У него имеются четкие инструкции — красную линию вооруженный человек пересекать не имеет права. И если за этой линией металлодетектор пискнет — считай, что кто-то один приговорил всю группу.

— Нам что теперь, до трусов раздеваться? — возмутился Проводник, швыряя в приемник свою «Гадюку».

— Предварительно проверить реакцию детекторов вы можете на желтой линии, — невозмутимо произнес наемник.

Выпендриваться под дулами четырех КПВ было как минимум неразумно. Пискнуть не успеешь, как от шести здоровых мужиков останется гора дымящегося фарша. Причем самому пулеметчику рикошеты в замкнутом пространстве по барабану, не зря, поди, его в экзоскелет запаковали.

Я сложил в приемник свою СВД и снайперский комплекс, попробовал пройти с «Бритвой» — как-никак из артефактов нож откован, вдруг прокатит? Не прокатило. На желтой линии детектор предупреждающе запищал, стрелок за зенитной установкой пошевелился едва заметно, стволы пулеметов качнулись в мою сторону.

— Да ладно, ладно, не вопрос, — проворчал я, отстегивая «Бритву» вместе с ножнами. А вот на контейнер с «Чистым небом» металлодетектор не отреагировал. Что ж, может, это и к лучшему для хозяев базы. Имелись прецеденты, когда настойчивые попытки неких самоуверенных господ лишиться меня артефакта заканчивались для них плачевно...

Бетонный коридор в паре метров от ЗПУ-4 расходился на два ответвления.

— За мной, — коротко бросил проводник через плечо.

— А то не ясно, — буркнул Проводник. — Блин, без оружия прям как голый...

Коридор закончился довольно быстро. Перед нами была очередная бронированная дверь и два гоблина в экзоскелетах при ней с неизменным мутантом М-16 в стальных лапах. Наш проводник назвал несколько цифр — пароль, должно быть. Гоблин слева пробубнил что-то — то ли ответил, то ли в рацию кому-то чего-то сообщил, но бронированная заслонка легко и бесшумно сама собой отворилась.

— Проходите, — сказал наемник и отошел в сторону, пропуская нас. Как мне показалось, в его голосе прозвучала едва заметная доля почтительности. Видать, нечасто этот сектор подземной лаборатории посещали посторонние...

Это был огромный зал, полностью обшитый бронепластинами, в центре которого стоял большой круглый стол. Зал и стол. И больше ничего, кроме тринадцати деревянных стульев, расставленных вокруг стола.

Все стулья были одинаковыми — резными, с высокими спинками. Лишь один отличался от остальных. На верхней части его спинки восседал орел, выполненный из огромного куска лазурита, — эмблема группировки наемников.

На стуле сидел человек в традиционном для этих мест серо-синем комбинезоне и в маске-омоновке, полностью скрывающей лицо. И ничто бы не отличало его от обычного наемника, если б не рукоять раритетного кортика германского дипломатического корпуса образца 1938 года, кончик которой выглядывал из-за края стола и тоже был выполнен в виде головы орла. Как говаривали древние, *sapienti sat*, «мудрому достаточно», чтобы понять — таинственный главарь группировки наемников прибыл сюда исключительно для переговоров.

Помимо главаря наемников, за столом присутствовали еще пять человек, в Зоне более чем известных. Двоих из них я знал лично.

По правую руку от таинственного хозяина базы сидел человек с аккуратно подстриженной седой бородкой, внешне немного похожий на Болотного Доктора. Увидев меня, он еле заметно кивнул головой. Я ответил тем же. После встречи на Янтаре об академике Сахарове у меня остались самые приятные впечатления.

Рядом с академиком развалился на своем стуле Йога — изогнутые подлокотники и ширина сидухи позволяли расположиться с удобствами. Увидев в моих глазах немой вопрос, он слегка ухмыльнулся. Доволен, что я недоумеваю, как это он успел телепортироваться со своей базы сюда быстрее меня. Вроде несколько часов назад гудел в «Веселом Кандехе» — и вот те на, уже заседает за круглым столом. Не иначе между его шалманом и базой наемников существуют какие-то подземные сообщения.

По правую руку от Йоги, положив локти на стол и разместив квадратную челюсть на кулаках, сидел генерал Воронин, глава группировки «Долг». Нас он смерил взглядом с головы до ног, словно ростовые мишени на стрельбище, будто прикидывая, на каком расстоянии от линии огня разместить картонные силуэты.

Слева от главы базы наемников сидел Валерьян, личность в Зоне известная не менее, чем в свое время Че Гевара на Кубе. Сталкеры, примкнувшие к его группировке, иначе как Отец Валерьян его не величают.

По левую руку от Валерьяна, словно зеленое отражение Воронина, восседал Лукаш, новый глава группировки «Свобода». Этому до нас дела не было, он был занят — на командующего «Долгом» смотрел, слегка прищурившись, будто через ПСО-1 целился. И в его глазах читалось острое сожаление, что нет у него того ПСО вместе со всем, что к нему прилагается.

Остальные семь стульев были пустыми.

Оценив обстановку, мы, не дожидаясь приглашения, расселись на свободные места. В ногах, как говорится, правды нет, а к долгим церемониям мы не привыкли.

Над столом повисла вполне материальная пауза, словно участники Сходки своим присутствием создали некую невидимую энергетическую аномалию. Что ж, явление вполне обоснованное. Харизмой все присутствующие обладали неслабой, и почти у каждого было,

что сказать остальным — и всем, и каждому отдельно. В смысле, каждый имел свой личный счет к одному или нескольким присутствующим. Только академик Сахаров что-то черкал в своей записной книжке, еле слышно мурлыча что-то себе под нос.

— Что ж, господа, начнем.

Голос наемника разнесся над столом, разрывая невидимый кокон напряженности. Не затем здесь собрались присутствующие, чтобы сводить личные счета. Не тот случай. И главарь наемников подтвердил это.

— Я взял на себя смелость пригласить вас на внеочередную Большую Сходку по веской причине. Обстановка в Зоне близка к критической. Потому позвольте сразу перейти к делу, — жестко произнес он.

Я внимательно смотрел на этого человека. До сего момента я вообще не подозревал о его существовании, как и о наличии в Зоне его подземной базы. Когда еще увидишь того, о ком никому ничего не известно.

— Для начала позвольте представиться. Так как мое имя вам ничего не скажет, можете называть меня Бехрамом. Я являюсь хозяином этой базы и предводителем тех, кого вы называете наемниками. Два дня назад господин Сахаров ознакомил меня со своими исследованиями, и мы не придумали ничего лучше, как собрать вас в этом зале для того, чтобы совместными усилиями принять решение, крайне важное для всех нас. Я думаю, что уважаемый всеми нами академик гораздо лучше меня ознакомит вас с возникшей проблемой.

«Гладко излагает, — подумал я. — Не иначе Гарвард за плечами помимо какой-нибудь школы головорезов. Кстати, Бехрам, Бехрам... Знакомое имя, только вот где я его слышал?»

Монолит восстановил мне память о прошлом, но все-таки в ней порой случались провалы. Впрочем, как и у каждого из нас. Называется «забыл хоть убей». И вспомнить с ходу не получается.

Главарь наемников опустил на свое место. Сахаров продолжал вычерчивать в своей книжке что-то крайне сложное для понимания обычного человека.

— Господин академик, вам слово, — наклонившись к уху Сахарова, произнес Бехрам.

— Да-да, — встрепенулся ученый, захлопывая свою книжку. Вставать он не стал, Впрочем, никто и не настаивал.

— Ни для кого не секрет, что мощность последнего Выброса составила шестнадцать целых три десятых единицы по шкале Бергмана, что превышает все известные показатели последних лет, — начал Сахаров. — Были начисто снесены шесть наших контрольных пунктов с приборами, измеряющими показатели радиационной и аномальной активности на условной линии между Ильинцами и Парищевым. Про те, что стояли ближе к ЧАЭС, я не говорю — от них вообще ничего не осталось. При этом отмечу, что они были сконструированы специально для условий работы в Зоне, и для их уничтожения необходима сила взрыва мощностью около пяти килотонн ТНТ — примерно треть мощности бомбы «Little Boy», сброшенной на Хиросиму.

Сидящие за столом переглянулись.

— Также по информации, полученной по нашим каналам от военных, на юге было зафиксировано расширение границ Зоны до линии Запрудка — Владимировка — Толокунь.

— Ничего себе, — пробормотал себе под нос Валериан. — Почти на двадцать километров...

— Именно так, — кивнул Сахаров. — ОСНГ удалось некоторым образом стабилизировать ситуацию, уничтожив ринувшихся на юг из Центра Зоны полчища мутантов и зачистив потом прорванные Второе и Первое кольцо Периметра. Но в ходе этой операции были потери — сорок три погибших военнослужащих, около сотни раненых, не считая уничтоженных укреплений и боевой техники. В настоящее время Периметр полностью восстановлен, но есть одно «но»...

Академик раскрыл свою записную книжку и начал ее листать. Все молчали, лишь шелест страниц тревожил мертвую тишину зала.

Наконец Сахаров нашел то, что ему было нужно.

— Значит, так, — произнес он, бросив мимолетный взгляд на наручные часы. — По моим данным, подтвержденным всеми доступными нам измерительными приборами и информацией со спутников, через восемь часов четырнадцать минут над Зоной пронесется новый Выброс мощностью от шестидесяти до восьмидесяти единиц, который накроет не только Киев, но предположительно и территорию до условной линии Гребенка — Белая Церковь — Житомир.

Воронин тихонько присвистнул. Остальные тоже зашевелились. Информация была более чем шокирующей.

— Но это еще не все, — сказал Сахаров. — Я пришел к выводам, что в дальнейшем мощность выбросов будет расти в геометрической прогрессии. И это значит, что не пройдет и года, как вся Южная Украина, Балканский полуостров, Ближний Восток и Северная Африка будут одной территорией под названием Зона. Дальнейших предположений строить не берусь, но думаю, что, если не принять решительных мер, земной шар в ближайшем будущем будет выглядеть примерно так, каким мы привыкли его видеть здесь, в Зоне отчуждения. У меня все.

— Радужные перспективы, — задумчиво произнес Воронин. — И, как я понимаю, отсчет таймера начался с того момента, как группа преступников выбралась из-под Саркофага.

— Тот Выброс, о котором говорил господин Сахаров, произошел именно в это время, — сказал Лукаш, возможно впервые в жизни согласившись с командиром «Долга».

— Так вот в чем дело... — протянул Меченый. — А я все голову ломаю, с какой это радости на нас такое бабло сыплется. «Охрана Сходки», надо же... Ну, так что, можно считать, что поиски крайних завершились успехом? Деньги вам сейчас вернуть, чтоб кровью раритетные пачки не заляпать? Или потом отстираете как-нибудь?

— Погоди, — прервал я его.

Меченый явно завелся и сейчас мог наломать дров даже без оружия. Если он начнет рубилово врукопашную, хочешь не хочешь, придется впрягаться. Но не для того ж нас пригласили сюда, чтобы устраивать показательный суд, когда и без него можно было при желании аккуратно снять из «Вала» часового, после чего кинуть пару гранат в вагончик, пока мы спали? Что я и озвучил.

— Сомневаюсь, что ради нашей ликвидации стоило созывать Большую Сходку. Тем более что проблему это не решит.

— Верно говоришь, Снайпер, — кивнул Бехрам. — Возможно, проблему решит то, что ты носишь на поясе. Ведь это часть Монолита, при помощи которой можно перемещаться через пространство и время, верно?

О том, что представляет собой на самом деле «Чистое небо», знали немногие. Только присутствующие здесь сталкеры, которых я вытащил из автоклавов Директора, да, пожалуй, еще Болотный Доктор. Интересно, кто из них слил информацию этому типу в маске?

— Не думай плохо о своих товарищах, — сказал Бехрам. — Простая логика, не более. Поэтому, проанализировав недавние события, о которых мне доложила наша служба разведки, и сопоставив факты, я и пригласил вас на Сходку, что сильно удивило остальных. Теперь, думаю, всем все ясно.

— Часть Монолита? — удивленно поднял брови Лукаш. — Интересно, как это тебе удалось?

— Длинная история, впору роман писать, — буркнул я. — Напишу — дам почитать.

— Забавно, — ухмыльнулся Йога. — Вот уж не думал, что Монолит существует на самом деле. А оказывается, его часть таскает на поясе мой лучший кореш.

— Скорее, его душу, — неожиданно спокойно поправил главара бандитов Меченый. — Ведь это после того, как ты вытащил из него «Чистое небо», Монолит сдулся, словно больная собака?

Я кивнул. Сказать было нечего.

Долговский генерал в упор посмотрел на меня.

— Жаль, что Петренко тебя не расстрелял, жаль. Но теперь уж ничего не поделаешь...

— Ну что, Воронин, сбылась мечта хммм... «Долга»? — с ноткой торжества в голосе спросил Лукаш. — Парень, можно сказать, уничтожил сердце Зоны. Надо бы ему медаль на грудь от вашей банды повесить. С закруткой на спине.

Обе руки Воронина дернулись коротко, словно рукояти хлыстов. Из рукавов его комбинезона вылетели две черные молнии.

Лукаш непроизвольно охнул, сильно ударившись лопатками о спинку кресла. Немудрено, когда в воротнике твоего комбинезона в миллиметре от шеи с обеих сторон торчат два немагнитных пластиковых кинжала, пущенных в цель с огромной силой.

— В следующий раз они будут в твоих глазницах, — спокойно произнес командир «Долга».

— Вот это по-нашему, по-босаячки! — восхитился Йога.

— Прекратить! — грохнул кулаком по столу Бехрам. — Сейчас вы находитесь на моей территории, поэтому прошу соблюдать мои правила!

— Мы находимся на территории Зоны, — парировал Воронин. — И пока что она устанавливает здесь свои правила.

— А кому-то не мешает обратить внимание на систему охраны, — хмыкнул Йога. — Пластиковыми ножами, между прочим, террористы вырезали пилотов тех самолетов, что протаранили башни-близнецы в Нью-Йорке. Кстати, Воронин, судя по тому, как вы ловко с ними управляетесь, не ваших людей работа?

— Господа, а вам не кажется, что Большая Сходка превращается в большую свару? — поинтересовался Сахаров. — Между прочим, если не принять меры, через восемь часов от вас и от ваших группировок останутся лишь пухлые досье в сейфах Интерпола.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался Йога. — Как я понимаю, до Выброса мы даже свалить не успеем, всех по-любому накроет.

— Думаю, план действий может быть только один, — ответил Сахаров. — Пройти к Монолиту и попытаться вернуть аномалии ее артефакт. Не хочу кривить душой, в этом случае никакие расчеты не возможны и шансы на успех минимальны. Я руководствуюсь только элементарной логикой.

— Черрт, профессор прав, — глухо прорычал Лукаш, выдергивая из воротника плотно засевшие в нем «Бут блейды» и пряча их за пояс. — Я постараюсь вернуть их тебе, генерал, в ближайшее время.

— Не беспокойся, — хмыкнул Воронин. — Для тебя у меня найдется еще не одна пара. Но согласен, ученый прав, об этом лучше поговорить позже.

Пока командиры «Долга» и «Свободы» мерились длиной клинков, я напряженно думал. А ведь Бехрам прав на все сто. Я если не уничтожил Монолит, то практически лишил его силы. И если верна теория Сахарова, что эта единственная в своем роде аномалия является заплаткой между мирами, то там, на другой стороне зазеркалья, сейчас во многих местах трясется и проваливается земля, бушуют цунами, повально исчезают люди и животные. И что будет, когда обессиленный Монолит больше не сможет сдерживать энергию выбросов? Не иначе на каждого жителя Земли придется по одному кровососу — его зеркальной копии, не считая аномалий и полчищ мутантов, в которых превратятся животные, выброшенные неведомой силой из иного мира?

Вывод напрашивался сам собой.

— Господин Сахаров, если я верну «Чистое небо» на место, это точно сможет остановить Выброс? — спросил я.

— Хороший вопрос, — кивнул Бехрам.

Ученый развел руками.

— Признаться, я знаю не больше вашего, — сказал он. — Но, думаю, это единственный выход в нашем случае.

— Угу, — кивнул Меченый. — Вы хотите сказать, что нам сейчас надо все бросить и отправляться обратно в этот чертов Саркофаг?

— Вы единственные, кто были там, — сказал Валерьян. — И сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме вас, сможет это повторить.

— Ты мудрый человек, сталкер, — произнес Призрак, рассматривая свои ногти. Только сейчас я заметил, что ногтевые пластины его больших пальцев длиннее остальных и заточены, словно две бритвы. — Но нас пока еще никто не спросил, хотим ли мы снова нырять в этот ад. Харона я тут не вижу и сильно сомневаюсь, что «монолитовцы» отключат Выжигатель мозгов и с почестями проводят нас к Саркофагу. Или ты знаешь другой путь?

Валериан покачал головой.

— Я пригласил предводителя группировки «Монолит» на Большую Сходку, — медленно проговорил Бехрам. — Как видите, его кресло пусто. Но буквально за несколько минут до начала Сходки Харон прислал сообщение.

Командир наемников достал из кармана комбинезона маленький диктофон, включил его и поставил на стол. Из динамика раздался хриплый механический голос, наверняка пропущенный через «AV Voice Changer» или обработанный иной схожей программой:

— Отряды армии «Монолит» до конца будут защищать подступы к Саркофагу. Вы и так уже сделали слишком много для того, чтобы уничтожить этот мир, и мы выполним свой долг или погибнем.

В динамике зашуршало, послышался щелчок — видимо, связь прервалась. Или же — что вероятнее всего — ее прервал легендарный Харон, сказав все, что хотел сказать.

— Слишком напыщенно, для того чтобы быть правдой, — задумчиво произнес Лукаш. — Типа, они — защитники мира, а мы — те, кто пытается его уничтожить.

— И при этом на каждом защитнике мира экзоскелет Sarcos третьего поколения, которые производятся только в США,¹⁰ — добавил генерал Воронин.

— Похоже, господа, вы только что открыли для себя секрет Полишинеля по поводу того, откуда у местных сталкеров столько американского и европейского оружия и почему в Зоне считается дурным тоном говорить о Северных Кордонах, — хмыкнул Бехрам.

— Признаться, об этих кордонах я почти ничего не знал. «Энциклопедия Зоны», имеющаяся в КПК каждого сталкера, о них скромно умалчивала, и потом, до сегодняшнего момента, у меня имелось предостаточно своих проблем. Не до любознательности было, в общем. Но коль уж зашел разговор, то почему бы не разжиться информацией у сведущего человека?

— Мне кажется, Бехрам, что вы знаете о Монолите и Северных Кордонах больше любого из нас, — заметил я. — Во всяком случае, у меня в КПК точно нет мобильного телефона Харона. Не поделитесь сведениями?

— А вам это зачем? — хмуро бросил Бехрам.

— Просто в прошлый раз я чудом дошел до Саркофага, несмотря на то, что на мне был бронекостюм-экзоскелет WEAR 3Z, — сказал я. — Так вот, монолитовцы превратили его в кучу металлолома, а того, кто прикрывал меня, испепелили «Жарками». И если вы хотите договориться с нами, справедливо было бы поделиться всей известной вам информацией о тех, с кем нам придется столкнуться.

— Он прав, наемник, — сказал Лукаш. — До сих пор сожалею, что Чехов не сумел с ним договориться. Клянусь Зоной, парень, если выживешь и надумаешь прийти к нам, отдам тебе лучшую роту.

«Нет уж, спасибо», — подумал я, вспомнив о том, какой прием мне оказали в «Свободе». Воронин хотел что-то сказать в ответ, но сдержался. Ну и хорошо. Потому как этот роту точно не предложит, разве что лишнюю тысячу накинёт за мою голову.

— Ну, слушайте, коли так, — сказал Бехрам. — Хотя знаю я немногим больше вашего. После Второго взрыва в результате переговоров между странами НАТО и Украиной при поддержке ООН было решено на севере Зоны возвести неприступную стену, исключаящую несанкционированное проникновение биологических объектов как с территории Зоны, так и в обратную сторону. Западники пытались выбить тендер на постройку своими силами сплошной стены вокруг всей Зоны, но Россия и Беларусь воспротивились проекту, небезосновательно опасаясь, что НАТО в этом случае просто получит неконтролируемую

¹⁰ Все роботизированные системы, описанные в романе, имеют реальные современные прототипы (примеч. автора).

зону политического влияния вблизи их границ, да и Украину такое положение вещей не особо устраивало. У НАТО же помимо устранения опасности распространения Зоны в направлении Прибалтики, стран Скандинавии, Германии, Франции, Британии и так далее имелся свой чисто финансовый интерес в установлении контроля хотя бы над северной и северо-западной частью Зоны.

— Неужели экспорт артефактов и отловленных мутантов? — удивился Йога. — Мелковато, по-моему, для НАТО. Но, что вбухано в Стену, таким Макаром, полстолетия отбиваться будет.

— Ошибаетесь, молодой человек, — довольно жестко произнес Бехрам, видимо сильно не любивший, когда его перебивают. — Вы даже не представляете, сколько в США стоит «Колучка», которую здесь вы меняете на блок сигарет. Но Зона для западников это, прежде всего не добыча артефактов и не мутанты для научных лабораторий и любителей экзотики, а бесплатный полигон, на котором они испытывают новые роботизированные боевые системы. Где шесть лет назад корпорация «Боинг» получила от Министерства обороны США заказ стоимостью в пятнадцать миллиардов долларов на разработку Future Combat System — «Боевой системы будущего», согласно которой к этому году в рамках проекта предполагалось испытать восемнадцать невиданных доселе боевых единиц, в том числе роботов-танков и ударных беспилотных летательных аппаратов.¹¹

Крупная группировка религиозных фанатиков, пробившаяся к центру Зоны после окончания основных работ по постройке Стены, подвернулась весьма кстати. Из них был сформирован отлично вооруженный живой кордон, отгородивший ЧАЭС от любопытствующих, пытающихся подойти к Саркофагу с юга. Хотите поклоняться своему Монолиту? Да сколько угодно! При этом каждому защитные прототипы вживим под кожу черепа, чтобы мозги не спеклись от того, что мы здесь испытываем. И даже ударным группам суперсовременные нанокостюмы выдадим для защиты от жесткого излучения — только базу нашу с юга защищайте да мертвецов своих с поля боя забирать не забывайте, а то вдруг кто додумается с них скальпы снять чисто ради научного интереса.

В общем, западники, так или иначе, своего добились. С севера Стена, с которой установленные на ней автоматические пушки и пулеметы с тепловизорами за полкилометра уничтожают все живое, с юга — монолитовцы. А что происходит посередине — до сих пор загадка для всех, и для меня в том числе. Признаться, мне поступали заказы с севера, отсюда я знаю Харона, которого никогда лично не видел...

— Ясно, — сказал Меченый, которому, похоже, надоело слушать об успехах западных технологий. — В таком случае скажите, насколько реально пробиться к Монолиту с юга?

— На сегодняшний момент это нереально, — покачал головой Бехрам. — Ошибки прошлого учтены, группировка «Монолит» получила дополнительное финансирование и превратила южные подступы в линию неприступных фортов. И объясняется такая щедрость просто — западникам нужно во что бы то ни стало сохранить в секрете то, чем они занимаются в центре Зоны, плюс получить весьма лакомый заказ от мирового сообщества, который покроет все расходы. Стена показала себя в условиях Зоны идеальным оборонительным объектом, и сейчас НАТО возобновило переговоры с правительством Украины насчет обнесения Стеной всей Зоны. Заметьте — энергия выброса не может преодолеть Стену, и это весьма весомый аргумент в пользу натовцев.

— Я, кажется, знаю, в чем тут дело, — задумчиво произнес я.

Все участники Большой Сходки повернули головы в мою сторону.

— У Выжигателя Мозгов я видел в действии установку, очень похожую на стандартную передвижную радиолокационную станцию с увеличенной антенной обнаружения на крыше. Эта установка является передвижным блокиратором избыточного выделения энергии. Видимо, такие блокираторы установлены на Стене.

— Точно! — воскликнул Бехрам. — А я то ломаю голову, почему Выброс не распространяется на север! И как я не догадался? У нас ведь есть пара таких установок, ими

¹¹ По материалам «IT News», статья С. Ярошенко «Боевые сухопутные роботы», 3.05.2007.

Харон расплатился за заказ. Очень не хотел, но я настоял, незаменимая вещь при авианалетах. Наверняка на Стене стоят такие же, только стационарные!

— Итак, мы приходим к тому, что сегодня центра Зоны достичь невозможно, — мрачно произнес Меченый. — Тогда к чему весь этот цирк?

— Невозможно, но в то же время необходимо, — спокойно сказал Бехрам. — Кстати, это было невозможно и ранее, но вы все так или иначе совершили невозможное. И сейчас это нужно просто повторить.

— Считайте это просто заказом, — сказал Лукаш. — Как бы ни ерепенились некоторые, Зона равно нужна нам всем. Это наш сбалансированный мир, в котором мы живем. Но если на каждого сталкера придется по двадцать кровососов, баланс нарушится, и тогда крышка и нам, и нашему миру. Кажется, ты, Снайпер, творил, что аббревиатура «S.T.A.L.K.E.R.» переводится с пиндосского как «специальный тактический армейский ликвидатор, сохраняющий существующую реальность»? Вот и сохраните нашу реальность. Со своей стороны от имени «Свободы» предлагаю каждому из вас за этот заказ по пять тысяч.

— Поддерживаю, — без раздумий поднял руку Валериан.

— За такие копейки идти на верную смерть!.. — возмутился, было, Проводник.

— Десять, — коротко бросил Йога. И добавил: — Каждому.

— Зона слишком ценный объект научных исследований, для того чтобы экспериментировать с его балансом, — сказал Сахаров. — Да и остальной мир немного жалко, признаться, — хоть я давно там не был, но будет обидно узнать, что его больше не существует. Тридцать тысяч каждому...

Мне было интересно наблюдать за этим спектаклем. Сейчас сильные мира сего пытались купить этот самый мир у полудюжины сталкеров — небритых, битых жизнью, Зоной и пулями, вырывавшихся из аномалий и клыков мутантов, умеющих спасти себя и других. Купить весь мир у нас... И выходило из этих моих рассуждений, что мы, сталкеры, и есть на самом деле настоящие хозяева мира...

— У «Долга» денег нет, — прервал мои мысли голос генерала Воронина. — Все знают, что мы чистим землю от Зоны и ее порождений и не гонимся за длинным рублем, в отличие от некоторых, торгуя дьявольскими выкидышами зараженной земли. Но для того чтобы очищать землю, нам, прежде всего, нужна эта земля. Я не знаю, что вы спасете в результате вашего рейда — Зону или весь остальной мир, но «Долг» заинтересован в том, чтобы окружающая реальность не стала хуже, чем есть сейчас. Потому предлагаю.

Он обвел нас всех внимательным взглядом, словно фотографируя наши лица немигающими глазами.

— За каждого из вас «Долгом» объявлена награда, причем недавно в связи с инфляцией и вашими новыми подвигами цены серьезно поднялись. За Проводника и Выдру предлагалось по две с половиной тысячи, за Призрака и Клыка — по пять, за Меченого и Снайпера — по двадцать. Потому мое предложение — если ваше предприятие удастся, все претензии «Долга» к вам снимаются.

— Аминь, — хмыкнул Лукаш. — Только для чего было городить такую патетическую речь? Сказал бы просто: денег не дам, но зато отпущу грехи. Но позволь поинтересоваться, чем «Долг» собирался платить тем, кто отловит этих сталкеров? Тоже отпущением грехов?

— Сто тысяч каждому, — негромко сказал Бехрам, прервав речь Лукаша.

Все удивленно воззрились на главаря наемников, даже и с учетом того, что деревянный рубль Зоны решением прошлой Большой Сходки был приравнен к евро, предложение Бехрама было более чем щедрым.

— Вот и накопил я на свой домик, — хмыкнул Призрак. — У речки с лесом, без тварей и сволочей разных. Остались чисто детали — дойти до Саркофага и вернуться.

— Деваться некуда, — зевнул Клык, не обученный хорошим манерам и, похоже, порядком уставший от чужих разговоров. — Все равно подыхать, а так хоть шанс какой-то появляется. Да и денег еще дадут. Только это... Вы наши бабки Сахарову отдайте, типа как в

банк на депозит. Он честный, не обманет. А то, как вернемся, хрен чо от вас потом получишь.

Я усмехнулся про себя в очередной раз. Мне начинала нравиться манера Клыка строить из себя дурачка, скрывая истинное лицо. Неплохая позиция и в бою, и в обычной жизни.

— Ты вернись сначала, — посоветовал Меченый. — Чувствую, пиндосины там такого нагородили, что нам наше чистое небо с овчинку покажется.

Я не совсем понял, что имел в виду Меченый — мой артефакт или что-то еще, но он был прав. То, что нам предлагалось сделать, с учетом вновь открывшихся факторов, было чистым самоубийством. Но с другой стороны, деваться все равно некуда. Убежать до грядущего выброса уже не получится, остается одно — заткнуть ему глотку моим артефактом.

Прикинув быстро в уме, что наша группа имеет в активе, я озвучил следующее требование:

— Помимо того, что было сказано, нам потребуются некоторые дополнения к экипировке...

Бехрам поднял руку:

— Все предусмотрено. Там, — он указал пальцем на одну из бронированных панелей стены, — вы найдете все необходимое. Только одно условие... нет, скорее, просьба. Если вам удастся ваша миссия, сообщите мне об этом незамедлительно. Думаю, вы меня понимаете — приговоренный кровно заинтересован получить сообщение об отмене казни как можно скорее. На этом первую часть Большой Сходки я считаю завершенной. Поторопитесь, господа, у вас не очень много времени.

Последнее относилось к нам. Что ж, Бехрам в чем-то прав, хотя последняя фраза показалась мне не очень вежливой.

Между тем панель, на которую указал главарь наемников, плавно отъехала в сторону. За ней просматривалось обширное помещение, тонувшее в полумраке.

Я поднялся, отодвинув кресло, следом за мной встали со своих мест остальные члены группы Меченого. Когда вам столь недвусмысленно дают понять, кто вы на этом празднике жизни, то во избежание неприятностей лучше прервать дальнейшее общение как можно скорее — я серьезно опасался, что кто-то из сталкеров может не сдержаться и наломать дров.

— До встречи, — бросил я. Возможно, в какой-то мере двусмысленно. И повернувшись спиной к тем, кто остался за столом, удивился, услышав нестройное, но искреннее:

— Удачи!

Ну да, жить-то всем хочется несмотря ни на что. И как ни крути, наша группа была их единственной надеждой.

Хотя, перешагнув порог за бронированной панелью, я удивился во второй раз. И не один я.

— Это что, газовая камера, что ль? — неизвестно у кого спросил Клык. — Или печка какая. Ну, чтоб патроны на нас не тратить.

Комната метров в сто площадью была абсолютно пуста. Ни пылинки на полу, ни даже вентиляционной решетки под потолком. Лишь тонкие длинные лампы на том месте, где положено быть потолочным плинтусам, заливали помещение призрачным светом.

Ответ пришел через мгновение. Послышалось тихое гудение, и три стены комнаты медленно поехали вверх. Пара секунд — и перед нами открылось сказочное богатство, которому люто позавидовали бы все торговцы Зоны вместе взятые.

— Ну, ни хрена себе, — выдохнул Выдра, до этого молчавший как рыба.

Многочисленные ниши, открывшиеся за левой стеной, были увешаны снаряжением — любым, которое только можно себе вообразить, начиная от обычных камуфлированных костюмов, специально адаптированных для Зоны, и заканчивая современными экзоскелетами. Огромный стенд справа заполнял разнообразное огнестрельное и холодное оружие, причем некоторые стволы, сразу бросившиеся в глаза, были мне неизвестны. А стенд, находящийся прямо перед нами, был забит боеприпасами, индивидуальными

средствами связи, брикетами сухпайков — в общем, всем тем, что нужно человеку в Зоне помимо надежной защиты и высококласного оружия.

— Лепота, — восхищенно согласился с Клыком Проводник и первым шагнул к стенду с оружием. Его можно понять — идти к центру Зоны со старенькой «Гадюкой» и в потертом, латаном-перелатаном комбинезоне «Заря» было по меньшей мере, самонадеянно. Выдра последовал за ним.

Я тоже как-то не особо комфортно чувствовал себя в трофейном камуфляже, но, с другой стороны, что сам добыл — то твое, а дареное могут и обратно потребовать, причем с процентами. Не двинулись с места и Меченый с Призраком, ожидая, пока Проводник с Выдрой затарятся по полной.

Клык тоже не стал переодеваться и обновлять арсенал. Он лишь подошел к той части стенда, где красовались разнообразные ножи, и, заложив руки за спину, принялся рассматривать выставленные экземпляры.

— Найфоман чертов, — хмыкнул Призрак. — Как ножик какой увидит — не оттащишь. Хотя, на мой взгляд, здесь для него особо ничего интересного нету.

Призрак оказался прав. Через пару минут Клык смачно плюнул в витрину, развернулся и подошел к нам.

— Чего харкаешься? — осведомился у друга Призрак. — Мамка в детстве манерам не учила?

— За лохов нас тут держат, — пожаловался Клык. — Фуфели китайские понаставили, типа я родной «Фулкрум» от палева не отличу.

— Он безнадежен, — вздохнул Призрак. — Но я сам видел, как этот невоспитанный тип заточенный строительный уголок метает в сигаретную пачку за десять метров.

— Нож-то любой дурак метнет, — фыркнул Клык. — И вообще, еще Кутузов сказал, что пуля — хреново, а нож — это клево.

Поправить сталкера я не успел — вернулись с «дозаправки» Проводник с Выдрой. Смотреться они стали лучше — на обоих тяжелые американские экзоскелеты третьего поколения Sargos, столь любимые монолитовцами, в руках — немецкие штурмовые винтовки ГП-37, у бедра — Браунинги и устрашающие американские ножи «Онтарио SP10», больше похожие на тяжелые мачете.

— Ну, дорвались до бесплатного, — вздохнул Меченый, по больше ничего не сказал.

— Интересно, а выпускать нас отсюда собираются? — поинтересовался Призрак.

Словно в ответ на его слова, стенд с сопутствующим барахлом уехал вверх вслед за стеной, открывая широкий проход, в котором стоял давешний наш провожатый все в той же маске и серо-синем костюме. А может, и не он — на этой базе все, даже их начальник, как те молодцы из сказки, одинаковые с лица, и при большом желании не разберешь, кто есть ху.

Наемник махнул рукой — мол, пошли, чего встали, подвижных стен, что ли, не видели? — повернулся и пошел не оборачиваясь. Мы, особо не выпендриваясь, двинулись за ним, лишь Клык пробормотал себе под нос:

— В Зоне ты так мне махнешь своей веточкой покровительственно. Тогда и поговорим.

— Злые вы все, уйду я от вас, — хмыкнул Призрак. — Одиночка я или где?

— Одиночка, — кивнул Меченый. — Все мы одиночки, пока хвосты не прищемит. А как шерсть паленым завоняет, так сразу друг дружку ищем, в стаю сбиваемся, как волки по цвету шкуры, — синие — к синим, зеленые — к зеленым, серые — к серым. На том и стоим...

Наемник впереди свернул в боковой проход. В конце прохода обнаружилось небольшое помещение с двумя длинными столами, на которых было аккуратно разложено наше оружие. Я сразу обратил внимание — пока мы заседали на Сходке, кто-то хорошо почистил мою трофейную СВД и, судя по свежему запаху горелого пороха, похоже, даже пристрелять успел. Что ж, спасибо ему на этом, только все равно придется разбирать винтовку, чистить и собирать по-новому. Такой уж я получился вредный в результате лихой биографии — оружие считаю своим только после того, как удостоверюсь, что все его составляющие были поставлены на свои места моими руками.

Неполная разборка оружия и проверка на предмет не сперли или не подменили ли чего серо-синие, пока мы отсутствовали, занята не более трех минут, в течение которых наемник угрюмо наблюдал за нами около проема с лестницей, ведущей наверх.

Понятно. Выводить нас отсюда будут другой дорогой. И куда, интересно? Судя по тому, сколько мы шли по коридору, это, наверно, будет где-то в районе старой железнодорожной станции, обозначенной на карте в КПК, — там как раз значок с молнией стоит, значит, имеется повышенная опасность поджариться на скоплении «Электр». Как же, как же, помню по Саркофагу, как меня долбануло гигантским искровым зарядом. Воспоминаний по самые «не хочу». Значит, пустим вперед Проводника с Выдрой — их доспехи вроде как должны хорошо держать удар «Электры». Заодно и проверим надежность и функциональность разрекламированных в СМИ новейших американских экзоскелетов.

Развлекая себя такими вредными мыслишками, я проверил своё оружие, не спеша, подогнал ремни, чтоб ничего не звенело и не болталось, забросил за плечо СВД и немного пожалел, что не разжился дорогими патронами к ВСК-94. Хотя все шло к тому, что с дорогим снайперским комплексом придется скоро расстаться, — он у меня уже достаточно давно, и недалек тот час, когда оружие начнет капризничать, просто-напросто выработав свой ресурс.

Меченый внимательно рассматривал свои патроны — насколько я знаю, он скрупулезно покрывал лаком для ногтей каждый капсюль и стыки пули с гильзой, причем в два слоя.

— Ну что, не подменили синие твою прелесть? — осклабился Клык.

— Вот когда на тебя кровосос поперет, а патрон осечку даст, я поржу от души, — огрызнулся Меченый, загоняя патрон в магазин АК. — Веди, что ли, наверх, Сусанин.

— Наверх сами пойдете, — бесцветным голосом произнес наемник. — Шлюз откроется автоматически.

— И на том спасибо, — сказал Меченый. — А то хреновато тут у вас, дышать нечем, хоть и вентиляция...

Лестница оказалась в сотню высоких ступеней, как в старой «хрущевке». Пока поднялись наверх, Проводник и Выдра в своих экзоскелетах изрядно взопрели и задохнулись, особенно первый — брюшко размером с волейбольный мяч не способствует длительным пешим подъемам.

— Вот гады, — прохрипел он, задыхаясь. — Как туда — так на лифте, а как обратно — так самим чапать по черной лестнице.

— Не, это они нормально придумали, — сказал Призрак. — Вдруг кто заметил, как мы внутрь бытовки заходили. И на выходе — хренак по всей группе из гранатомета. Если есть второй выход, лучше идти по нему, к тому же в Зоне лучше не возвращаться по тому пути, которым шел раньше.

— Сам знаю, — проворчал Проводник.

Лестница кончилась шлюзом, аналогичным тому, что был на входе, и тяжелой дверью, действительно открывшейся автоматически. Сверху повеяло некондиционированной, естественной осенней прохладой, и мы непроизвольно ускорились — подземелье наемников уже порядком давило на психику.

Наверху мы обнаружили, что вылезли из точно такой же бетонной бытовки, закамуфлированной проржавевшей дверью без ручки, которая сама собой захлопнулась за нашими спинами. Правда, местность вокруг была совсем иная.

— Что меня больше всего поражает, так это уровень автоматизации их лаборатории, — сказал Призрак. — Дорого бы я дал, чтобы узнать, что в ней испытывали до Первого взрыва.

— А мне по барабану, — отозвался Клык. — Что б не испытывали, обратно мне туда не хочется. Один этот Бехрам чего стоит — оба глаза по пуле просят.

И тут я вспомнил! Это ж нам на спецкурсах по истории во Французском легионе рассказывали. Имя Бехрам носил самый известный в истории серийный убийца, обвиненный в девятьсот тридцать одном убийстве между 1790 и 1830 годами. Известно, что он был главарем клана наемных убийц-тугги, действовавших на территории Индии восемнадцатого-

девятнадцатого веков. Деятельность тугги была настолько активной и ужасающей своей жестокостью, что в английском языке до сих пор сохранилось слово «thug», означающее именно «бандит, наемный убийца». Интересно, этот Бехрам реальный наследник культа thuggee, подавленного британскими правителями Индии еще в тридцатых годах девятнадцатого века, или же просто хорошо знает историю? Впрочем, вряд ли когда мы узнаем истину — да, в общем, оно нам и не особо надо. Своих проблем хватает.

Позади нас стояла вышеупомянутая, ничем не примечательная бытовка, справа возвышалась стена кирпичного забора, сложенного еще в прошлом веке и за это время изрядно выщербленного пулями. Слева маячил какой-то ангар на пару грузовиков с ржавыми висячими замками на дужках распашных ворот, а впереди раскорячилось высокое дерево неопределенной породы с солидной толщиной ствола и ветвей, что, кстати, и помогло представителю местной флоры выжить в крайне неблагоприятной среде, — даже отсюда было видно, что дерево буквально изрешечено пулями, живого места нет, и коры почти не осталось. Но, поди, ж ты, не засохло, цепляется за жизнь, как и все, живущие здесь и со временем привыкшие считать Зону своим домом...

Справа от дерева виднелся кусок привокзальной площади, заваленный всяким хламом — бочками, кусками кровельного железа, помятыми железными ящиками. А возле его корней, выпирающих из разбитого асфальта, валялись два человеческих скелета в неполной комплектации — не иначе наиболее лакомые кости растащили на деликатесы безглазые собаки. Но оба отлично сохранившихся черепа, повернутые в нашу сторону, приветственно скалились обломками зубов.

— Крыша этого склепа мне не нравится, — сказал Меченый, кивком головы указывая на огромное заводское здание, возвышавшееся метрах в пятистах от дерева.

— А чо в ней не так? — поинтересовался Клык.

— Если б я хотел контролировать основные ключевые точки Диких Территорий, я бы там организовал снайперскую лежку, — промолвил сталкер.

И тут слева, за старым ангаром мое ухо уловило едва слышный рокот, который буквально через пару секунд стал явным и напористым, грозя с минуты на минуту перерасти в оглушающий рев.

— Вертолеты! — крикнул Призрак, бросаясь под защиту узкого карниза ангара — на безрыбье и такое укрытие сойдет, лишь бы бортстрелок сверху не заметил мечущуюся человеческую фигурку. — Все в укрытие!

КИЛЛЕР

Он не был рожден на Востоке — туда забросила его судьба. При этом Виктору повезло — на его Пути встретился хороший Мастер, который научил его многим вещам, в том числе искусству убивать других людей и спать с открытыми глазами. При этом он говорил, что при таком способе сна человек может видеть и окружающую реальность, и то, что в действительности происходит на расстоянии многих километров...

Миниатюрная девушка с миндалевидными глазами метала гвозди в деревянный щит. «Соточка» была ее любимым оружием с тех пор, как она увидела ее в столичном магазине стройматериалов. Виктору нравилось, как она мелодично произносит это слово и как ее крохотные ручки умело затачивают длинные гвозди на электрическом наждаке. Ему все нравилось в этой девушке, которая сумела найти его в России и совсем недавно стала его женой. Его любовь... и его слабое место. Две самые лучшие в мире женщины — жена и сестра, которые ждут его дома и которые лишь догадываются о его второй стороне жизни. Догадываются, но молчат — женщина не должна вмешиваться в дела мужчины, о которых он не считает нужным рассказывать.

Уходя, он лишь попросил Мяуку: «Береги сестру». И сейчас, отчетливо видя, как его жена тренируется в метании российского аналога сюрикэнов, был счастлив. Ведь это

действительно большое счастье, недоступное многим, — встретить на своем Пути девушку, которая не на словах, а на деле станет недостающей частичкой твоей души...

Еле слышный звук, напоминающий гудение крыльев рассерженного шмеля, коснулся сознания Виктора. Картинка смазалась, фигурка девушки, замершая в момент замаха с самодельным сюрикэном в руке, поблекла и растворилась в мертвенно-бледной полосе света, окрасившего горизонт. Солнце еще не взошло, оно лишь слегка осветило из-за края земли извечно мрачные тучи Зоны. И на фоне этой подсветки Виктор отчетливо увидел шесть неумолимо растущих точек — три больших и три поменьше, смахивающих на стаю ястребов, сопровождающую полет величавых кондоров.

Виктор сильно прикусил нижнюю губу. Боль моментально разбудила еще сонное сознание. Он быстро схватил бинокль и поднес его к глазам.

И удивился несказанно.

Он уже понял, что к Диким Территориям приближаются два боевых вертолетных звена, но никак не ожидал, что это будут американские вертолеты. Маневренная группа состояла из трех многоцелевых транспортных вертолетов «Сикорский», способных перевозить на борту более шестидесяти солдат и вооруженных как минимум парой шестиствольных «Миниганов». Огневая группа состояла из более чем известных «Апачей», отметившихся в Панаме, Ираке, Югославии — в общем, везде, где интересы США требовали применения автоматических пушек и самонаводящихся ракет.

Намерения двух боевых вертолетных звеньев были очевидными — «Апачи» расчищают дорогу десанту и поддерживают его огнем. Иначе говоря, через три минуты здесь будет огненный ад, а после «освободители угнетенных» с нашивками «Airborne» добьют тех, кто еще шевелится. Что ж, с точки зрения закона они правы на все сто, накрыли гнездо террористов внутри запретной территории. Только вот вопрос, с каких это пор их допустили на эту запретную территорию?

Снизу раздавались крики и отрывистые команды. Виктор плавно перетек к краю крыши и глянул вниз.

Наемники словно муравьи сновали вокруг двух установок, напоминающих передвижные радиолокационные станции с сильно увеличенными антеннами обнаружения на крыше. Странно. Сейчас было бы гораздо логичней готовить к бою ПЗРК за неимением более мощных средств противовоздушной обороны. А у них даже огнестрельное оружие за спиной болтается! Что-то здесь не так...

Виктор быстро воткнул в ухо гарнитуру и щелкнул тумблером сканирующего приемника широкого диапазона, встроенного в КПК. Сквозь треск помех он услышал обеспокоенные голоса, несомненно, принадлежащие тем, кто внизу несколько необычно готовился принять незваных гостей.

— Обе установки готовы. Давать команду на включение?

— Погоди, у них ресурс на шесть минут. Пока будешь менять аккумуляторы, нас тут поджарят как на гриле.

— Так что, ждать, пока они стрелять начнут? Они ж вот-вот...

— А-атставить базар. Ждать команды.

— Есть, отставить базар...

Внезапно голоса наемников перебил отрывистый голос, говоривший на английском со специфическим акцентом, из-за которого коренной житель Лондона вряд ли понял бы, о чем идет речь.

— Сэр, вижу цель, сэр.

— Сам вижу, Шерман. Начинайте работать, сектор А4 ваш. «Хэллфаерами» по зданиям, «Гидрами» по живой силе. Гурон, то же самое по сектору А2. Я займусь центром. «Аризона», в бой не вступать, «Гатлингами» не трясти. Черт его знает, что там Иваны приготовили.

— Есть, есть, есть, сэр, — одновременно отозвались несколько голосов.

— Понятно. Вертолеты заходят на цель.

Виктор защелкнул на поясе карабин и прицепил к трубе второй с катушкой тончайшего троса. Сейчас пока экстренный спуск противопоказан, наемники точно засекут и располосуют очередями. А через минутку, когда начнется обстрел, будет в самый раз. Пока волна огня докатится до заводского корпуса, он уже будет на земле, а дальше — как повезет...

Внезапно Виктор отбросил бинокль и метнулся к винтовке, которая стояла на краю крыши. Там, внизу, на самом краю площади, по которой суетились наемники, в тени огромного полумертвого дерева и стены кирпичного забора он сумел разглядеть несколько человеческих фигурок. Французский бинокль давал отличное увеличение, и Виктор узнал лица тех, чьи фото показывал ему генерал. Все в одном месте! Такой случай нельзя упустить.

Он резко развернул КСВК и припал к прицелу. Промахнуться с такого расстояния нереально. Лицо скуластого парня было так близко, что можно было разглядеть трехдневную щетину у него на подбородке и тонкий шрам на левой щеке. А рядом — «объект семь», которого генерал отметил особо. «Если вам удастся выполнить задание хотя бы по минимуму и ликвидировать Снайпера, можете считать, что ваша миссия выполнена...» Что ж, с него и начнем.

Виктор перевел прицел на лицо Снайпера и плавно потянул спусковой крючок...

Раздался резкий щелчок. Выстрела не последовало. Парень, лицо которого Виктор отлично видел в прицел, улыбнулся, глядя своему убийце прямо в глаза, словно смеясь над его неудачей. Странное, мистическое совпадение...

По инструкции полагается после осечки ждать пять-шесть секунд и только после этого открывать затвор во избежание затяжного выстрела, чреватого взрывом патрона. Лишних секунд у Виктора не было, потому он рванул с плеча «Вихрь». С такого расстояния одиночными при достаточной сноровке в принципе реально отработать если не всю группу, то хотя бы две ключевые фигуры...

Виктор поймал на мушку верхнюю часть хорошо видимой ростовой фигуры и нажал на спуск.

Автомат молчал.

— Ты! — резко выдохнул Виктор. В японском языке достаточно ругательств, но это подходит лучше всего, когда нужно коротко и ясно выразить эмоции по поводу крайне странных совпадений. Так не бывает, чтобы подряд оба ствола дали осечку. Причем не убитые напрочь, каких полно в Зоне, а одна из лучших снайперских винтовок в мире и проверенный-перепроверенный автомат. Хотя, если честно, особых эмоций не было — Виктор давно разучился рефлексировать на заданиях. Просто привычка, не более.

Справа злорадно хмыкнул через кляп связанный наемник. Но через мгновение и ему стало не до смеха.

Над крышей заводского корпуса стрелой пронеслось бронированное тело летающей машины смерти. От нее отделилась сигарообразная черная ракета и полетела вниз, прямо на связанного наемника. Правда, летела она не так, как положено лететь самонаводящейся ракете, а словно с «Апача» на крышу здания сбросили муляж знаменитой «Хэллфаер», набитой не взрывчаткой и современной электроникой, а неизвестно чем.

Связанный наемник успел откатиться в сторону как раз перед тем, как в то место, где он лежал, ударило черное тело ракеты. С треском пробив крышу, «Хэллфаер» провалилась внутрь здания по стабилизаторы и застряла в обрамлении лоскутов разодранного кровельного железа.

Виктор проводил взглядом удаляющийся «Апач» и увидел еще две боевые машины. Они кружили над площадью, и из их ракетных отсеков, словно карандаши из стаканов, на площадь сыпались длинные ярко-синие неуправляемые ракеты «Гидра» — в данном случае не только неуправляемые, но и абсолютно бесполезные.

— Нормально мы им носы утерли, — раздался в наушнике молодой радостный голос. — Только слышь, Упырь, это не наши вояки! По ходу к нам пиндосины прилетели в гости, их вертолеты, я на картинке такие видел! Что за хрень, откуда они здесь?

— Из-под Стены повылазили, как крысы, с Северных кордонов, — отозвался хрипловатый голос. — Если сможешь поднять антенны, мы и вертушки посшибаем, у них движки заглохнут на хрен.

— Не получится, Упырь, — разочарованно произнес молодой. — Угол подниму — ракеты у земли рваться начнут.

— Тогда отставить суету. Сколь еще до перезарядки аккумуляторов?

— Две минуты.

— Нормально. Сейчас они поймут, что выкусили, и обратно повернут...

Но невидимый наемник с характерной кличкой Упырь ошибся. Через треск помех Виктор разобрал английскую речь:

— Сэр, мы над точкой. Ракетная атака невозможна — внизу работают две «Цунами». Пулеметный огонь неэффективен вследствие падения энергии полета пули при подлете к цели.

— Вас понял. «Аризона», выбрасывай своих на площадь и на крыши соседних зданий. Задача десанта: захватить обе установки «Цунами» и занять господствующие точки на крышах. Их установок надолго не хватит, ребята. Так что пока не пришло время винтовок, доставайте свои «Боуи» и надерите задницы этим наемникам и террористам. Как поняли, «Аризона»?

— «Аризона» принял, сэр, — отозвался глухой голос, принадлежащий, видимо, командиру звена транспортных вертолетов. — На крыши так на крыши...

Над площадью завис громоздкий транспортник, похожий на большого зеленого кита, из брюха которого внезапно вывалились кишки. В воздухе моток «кишок» распался на ряд тросов, по которым вниз заскользили человеческие фигурки в камуфляжах. Фигурок было много, они сыпались из брюха транспортника как горох, постепенно заполняя площадь. Но тех, кто спрыгивал на разбитый асфальт, уже ждали.

— Ну что, братцы, меняем палево на ширево! — раздался в наушнике Виктора голос, полный веселой, бешеной ярости. — Лови гостинчик, пиндосина!

Первый десантник, спрыгнувший на землю Зоны, поймал лицом брошенный в него нож. Но противоосколочные очки выдержали удар. В ответ солдат выдернул из ножен огромный широкий нож, больше напоминающий меч, и бросился на ближайшего наемника, который уже поджидал его с длинным «ширевом» в руках, сильно смахивающим на японскую катану. Такие же «Магнум Танто» с тридцатисантиметровыми клинками были и у тех снайперов, которых пленил Виктор, — похоже, ими были вооружены все наемники Диких Территорий.

Внизу началась жестокая резня, странная и страшная в век огнестрельного оружия. Но когда порох отказывается загораться под воздействием излучения, препятствующего избыточному выделению энергии, в ход, как и тысячи лет назад, идут остро отточенные клинки.

Но Виктору уже было не до того, что делается внизу. Над крышей заводского корпуса, на котором он сейчас стоял, навис один из «Сикорских», едва не сбрасывая Виктора мощным воздушным вихрем, несущимся от работающих винтов.

Виктор бросил под ноги бесполезный автомат и выдернул из ножен короткий, слегка изогнутый меч с длинной черной рукоятью. Оружие было похоже формой на длинные ножи наемников, но в отличие от них это была не современная серийная модель, а вакидзаси ручной работы. Этот меч был выкован три с половиной столетия назад великим японским мастером и закален в крови каппы — ребенка-кровососа с лицом, пораженным странной болезнью, делающей его похожим на морду злобного тигренка.

Два росчерка черного клинка слились в один — и куски рассеченных ремней посыпались с конечностей плененных наемников. Кстати, еще одно из боевых искусств, ведущих свои корни с глубокой древности, — так связать человека, чтобы он был полностью обездвижен и при этом через несколько часов не получил отека рук и ног.

Обрезки ремней тут же сдуло с крыши. Виктор резко дернул к себе за воротник старшего снайпера и, застегнув ему на пояс карабин, закричал, пытаясь переорать рев винтов:

— Сейчас начнется! Давай вниз, быстро!

Наемник не понимал, чего от него хотят. Тогда Виктор просто резким движением столкнул его с крыши.

Трос, идущий от устройства, закрепленного на трубе, резко натянулся. Виктор ждал, не спуская глаз со второго снайпера. Тот стоял, глядя на вертолет и разминая запястья. Хорошо, что не дергается. Скорее всего, их пока что просто не заметили за трубами вентиляции и поэтому не размазали по крыше из «Минигана», тупорылая морда которого выглядывала из-за края распаханного транспортного отсека.

Отлично! Устройство экстренного спуска завибрировало, прокручиваясь в обратную сторону, черная загогулина карабина ударилась об ограничитель. Значит, первый снайпер уже на земле, сейчас очередь второго.

Действия Виктора объяснялись далеко не любовью к ближнему. Для него, как и для любого военнообязанного, все сталкеры вне зависимости от их принадлежности к той или иной группировке были преступниками, нарушившими закон. Просто в данной ситуации было ясно — если наемники будут уничтожены превосходящими силами американцев, то у Виктора, несмотря на его навыки, возникнут серьезные проблемы с отходом. К тому же он не выполнил задание, хотя был весьма близок к этому, и в его интересах, чтобы ножевой бой внизу затянулся как можно дольше. Вот почему сейчас он, сунув за пояс молотого снайпера оба трофейных ножа, сдернул с его разгрузки две гранаты и отправил их хозяина вслед за старшим товарищем...

Из брюха вертолета вывалились несколько тросов. Их концы еще не достигли крыши, как через борт начали переваливаться камуфлированные фигуры...

Виктор бросил взгляд на подъемник и усмехнулся. Трос подъемника оставался натянутым. Это значит, что, спустившись, наемник попытался его перерубить. Заимев на клинке ножа пару зазубрин, он прекратил тщетные попытки лишить своего спасителя возможности уйти от десантников и просто зацепил карабин за ближайшую железяку. Теперь спуститься по тонкому тросу, натянутому почти отвесно, без специальных приспособлений было невозможно.

Иного Виктор и не ожидал — понятно, что снайперам, считающим себя профессионалами, крайне обидно проваляться всю ночь на крыше связанными, словно бараны. И никаким спасением жизни ту обиду не смыть.

Однако сверху достаточно шустро спускалось пять проблем одновременно. Потому Виктор выдернул чеки из «эфок» и, широко размахнувшись, отправил их одну за другой в распахантый люк транспортного вертолета. Тому, кого заставляли охотиться на птиц при помощи камней, не составляет особого труда забросить пару гранат в цель размером три на два метра, зависшую на высоте четвертого этажа...

Конечно, с подъемником спускаться комфортнее и быстрее, но у хороших часов просто обязан быть небольшой двойной ролик, вмонтированный в браслет и выщелкивающийся по необходимости. Тогда проблема спуска по отвесно натянутым тонким тросам перестает быть такой уж серьезной проблемой. Единственное — если у тебя над головой вот-вот должен взорваться военный вертолет с почти полным боезапасом, делать это следует как можно быстрее.

Виктор расстегнул замок и уже в прыжке перебросил часы в ладонь. Браслет обвил пальцы наподобие кастета. Защелкнуть ролик на тросе и перебросить тело через край крыши было делом одной секунды. Еще одна секунда понадобилась на то, чтобы дважды оттолкнуться ногами от стены, за каждый прыжок, преодолевая по паре метров спуска. А потом наверху рвануло...

Огненный потоп обрушился на крышу заводского корпуса... но не достиг ее. В полуметре от листов проржавевшего кровельного железа пламя гасло, ударяясь о невидимую границу луча, посланного от антенн наземных установок. На здание и вокруг него обильно

сыпались куски покореженной стали, исковерканные лопасти вертолетных винтов, фрагменты человеческих тел, но, пересекая невидимую границу, горящие лохмотья плоти и раскаленные обломки металла мгновенно охлаждались до температуры окружающей среды и продолжали падение, окутанные облаками белого пара...

Виктору повезло — пламя его не коснулось, и ни одна железяка не долбанула сверху по макушке. Впрочем, возможно, не последнюю роль в этом везении сыграл небольшой карниз крыши, нависший над головой.

Менее чем через минуту его подошвы коснулись земли. Бой наемников с десантом шел почти рядом, но «почти» в любом бою это не сам бой. Ввязываться в чужие разборки Виктор не собирался, а вот задания никто не отменял.

По его прикидкам группа объектов и сейчас должна была находиться недалеко от того места, где он видел их в последний раз. Воевать с десантниками они тоже не спешили, а единственно возможный путь для них лежал через площадь, где сейчас шло серьезное побоище. Потому Виктор, хоронясь в тени заводского корпуса, побежал вдоль здания, рассчитывая обойти ряд полукруглых ангаров и выйти объектам в тыл. На его пути попался забор с остатками колючей проволоки наверху, но преодоление этого препятствия для Виктора труда не составило — он просто перепрыгнул его с разбегу. Искусство в принципе несложное, для которого не нужно заканчивать секретных японских школ — достаточно просто годик-другой позаниматься паркуром и полазить там, где люди не ходят.

За горизонт убегали ржавые рельсы с гнилыми шпалами, сквозь которые проросла серая трава Зоны. С телеграфных столбов свешивались обрывки проводов и клочья какой-то гадости, судя по «Энциклопедии Зоны», называемой местными сталкерами «Жгучим пухом». Мол, на лицо попадет — не обрадуешься.

В общем-то, в этих местах особо радоваться нечему, и сюрпризы здесь если и бывают, то на редкость неприятные и порой не на шутку опасные для жизни. Например, со стороны ангаров, которые Виктор собирался обойти, к нему сейчас приближались три прозрачных человеческих силуэта, сквозь которые можно было отчетливо различить кучи хлама, в незапамятные времена сваленные за этими самыми ангарами. Силуэты издавали характерные приглушенные звуки и непонятно было, то ли их вот-вот хором стошнит, то ли это они на своем языке обсуждают гастрономические достоинства и недостатки пришельца, осмелившегося вторгнуться в их владения.

СНАЙПЕР

— Ахтыжйоханыйтынахрен! — одним словом выдохнул Проводник, бросаясь под сомнительную защиту дерева, — абсолютно лысое, без лиственной кроны, оно вряд ли могло укрыть человека в массивном экзоскелете от взглядов вертолетчиков. — Под зачистку попали!

— Связь в уши! — коротко бросил Меченый, втыкая в ухо горошину миниатюрной гарнитуры. Он был абсолютно прав — в грохоте боя до своих порой не доораться, а со связью гораздо проще координировать действия группы.

Я бросился вправо, прижался к кирпичному забору, вложил в ухо такую же горошину, активизировал КПК и услышал характерный щелчок переключения на кодированный канал. Подарок Меченого, настроенный бывшим хозяином, был во всем аналогичен наладонникам его группы. Широкополосный сканер позволял слышать радиопереговоры вокруг нас, при этом наши беседы оставались секретом для окружающих.

Рев винтов пронесся над нашими головами. Я осторожно выглянул из-за забора — и сильно удивился. Во-первых, вертолеты были американскими. Во-вторых, они крайне странно вели обстрел территории: пущенные ими ракеты стартовали — и попадали вниз, словно дерьмо из пролетающей стаи гусей.

Похоже, такой расклад оказался сюрпризом не только для меня, но и для вертолетчиков. Три «Апача», вывалив на Дикие Территории бесполезный ракетный боезапас,

синхронно развернулись по широкой дуге и легли на обратный курс. А десантные вертолеты пошли на снижение и зависли в воздухе — один над площадью, второй — над крышей заводского корпуса, которая так не понравилась Меченому, третий же тархтел где-то за боковым фасадом аналогичного здания, возвышающегося позади нас, наверно, тоже заходил на позицию для десантирования.

Внезапно меня пронзило ощущение, похожее на то, что я испытал вчера вечером. Говорят, что это бывает у снайперов. Они слишком часто выстраивают линию выстрела между собой и целью, которую они видят до мельчайших подробностей, до родинок на щеках, до цвета глаз. Это не обезличенная стрельба по ростовым и полуростовым фигурам. Это кратковременное, но очень яркое общение с тем живым существом, которое ты через секунду должен убить. Тому, кто никогда не стрелял в человека из снайперской винтовки, этого не понять. Ты прекрасно знаешь, что сейчас вот эти живые глаза, брови, морщины на лбу превратятся в кровавый гейзер, выплеснувшийся из чаши черепной коробки... Человек непосвященный, чувствуя себя на другом конце линии прицела, очень часто начинает волноваться, казалось бы, беспричинно, искать взглядом того, кто беззвучно зовет его в последний путь, манит медленным и неотвратимым движением указательного пальца...

Я слишком часто выстраивал эту линию между собой и другими, чтобы не почувствовать ее и не понять, что значит это смутное беспокойство. И я знал, что не успеваю уйти — снайпер был очень близко... Энергии у «Чистого неба» после вчерашних приключений почти не осталось, невидимая струна уже натянута и вибрирует, палец выбрал свободный ход спуска... и все, что я мог попытаться сделать за эти сотые, тысячные доли мгновения до того, как пуля разнесет мне голову, — это улыбнуться.

Странно, но мне это удалось. Пуля не сорвала улыбку с моего лица, хотя ощущение было очень явственным. Через пару секунд пришли другие, похожие, правда, гораздо слабее, но мне уже было не до анализов своих переживаний, которые наверняка являлись следствием слишком долгого пребывания глубоко под землей и слишком насыщенной жизни в последнее время. Хорошо б уехать куда-нибудь отсюда подальше с Сорок пятой, дом себе отгрохать, по вечерам валяться в гамачке, да с книжкой толковой, и чтоб никаких сволочей вокруг, которые пытаются достать тебя из снайперок, пулеметов, гауссовок и еще черт-те из чего. Кстати, здесь и просто, без затей ножом могут пырнуть запросто, даже дорогуший защитный комбез не спасет от хорошего специалиста, умеющего просунуть клинок в сочленения между подвижными деталями.

Почему вокруг не было слышно стрельбы, я уже понял. Установка, которую я видел ранее возле «Выжигателя мозгов», стояла почти рядом с забором, за которым я укрылся. Вторая находилась чуть поодаль, ее антенна была направлена в противоположную сторону. Понятно. Сейчас излучение, гасящее избыточное выделение энергии, охватывает территорию на триста шестьдесят градусов. И не здание охраняли наемники, под которым проходила Большая Сходка, а эти установки, что были намного ценнее целой батареи зенитных орудий.

Но сейчас и установкам, и их охране грозила серьезная опасность. Из вертолета по тросам, словно пауки с потолка, сыпались американские спецназовцы. Внизу их встречали наемники и тут же брали в ножи, но десантники тоже были мастерами своего дела, причем хорошо защищенными современной броней. И пока первого спустившегося кололи и резали подчиненные Бехрама, стараясь распороть шею и руки, сверху на них падали еще трое спецназовцев, вооруженных огромными ножами «Боуи» образца Гражданской войны США 1861–1865 годов.

Рубилово шло жесточайшее, силы были примерно равными. Из брюха вертолета на головы защитникам установок вывалились около шестидесяти спецназовцев. Бронемшины, приданные оцеплению, ничем не могли помочь наемникам, беспомощно задрав к небу стволы пушек и пулеметов — их орудия также попадали под действие излучения, потому экипажи БТРов просто открыли люки и бросились на помощь товарищам.

Первый десяток приземлившихся американских спецназовцев наемники вырезали почти сразу, зато остальные, образовав некое подобие каре, довольно успешно отражали

атаки противника. При этом второй вертолет, зависший над заводским корпусом, наконец-то снизился на высоту, достаточную для выброски десанта. Его «Миниганы» молчали, хотя попытаться могли — начальная скорость пули у этой дуры приличная, но, видать, боялись задеть своих. Хотя это им было и не нужно. Минута-другая — и стрелки в необычной для этих мест униформе займут одну из ключевых точек. И дальше вопрос будет лишь в том, насколько хватит ресурса установок либо как скоро доберется до них первая группа десанта, высадившаяся на площади.

А первая группа хорошо знала свое дело. Не разрывая каре и продолжая обороняться, она почти без потерь медленно, но верно продвигалась к установкам.

— Наши действия? — бросил Клык. Оказывается, в экстремальной обстановке он умел выражаться коротко, резко и по делу.

— Если синим не поможем, нам тоже кранты, — ответил Меченый, доставая из ножен на поясе длинный и тяжелый «Витязь НСН», легенду российского спецназа. — Пиндосы, коль верх возьмут, всю территорию базы напалмом залиют и по-своему будут правы. Сейчас они вон тот «козел» огибать будут, тут мы и ударим.

На площади, недалеко от того места, где мы скрывались, валялся колесами кверху насквозь проржавевший остов автомобиля с остатками зеленой краски на бортах. Однако рисунок на чудом сохранившейся дверце машины был практически не поврежден и хорошо различим даже отсюда — жовто-блакитный щит с перекрещенными мечами и надписью по окружности: «МВС Украины. Державна служба охорони».

И, правда — достигнув машины, каре распалось. Сейчас десантники стояли лицом к нападающим, а за их спинами была наша группа и установка, которую стерегли, не ввязываясь в бой, трое наемников.

Отряд спецназовцев разделился — одни прикрывали атаку товарищей, другие бросились на штурм установки.

— Ну что, пошли, что ли, — криво усмехнулся Меченый. — Покажем пиндосам, где псевдораки зимуют.

И тут над крышей заводского корпуса рвануло, да так, что невольно присели и мы, и наемники, и американский спецназ. Огненный шар расцвел над Дикими Территориями, словно второе солнце, в небо взметнулись обломки металла и мигом обуглившиеся ошметки человеческих тел. Отличить одно от другого на таком расстоянии невозможно, лишь когда сверху начал падать мусорный дождь, стало понятно: то, что звякает при падении — железяка, а то, что шлепается об асфальт и взрывается кусками спекшейся крови, — шмат мяса, несколько мгновений назад бывший плотью живого человека.

От неожиданности присели не только мы. Пилот вертолета, выбросившего десант на площадь, видимо, тоже дернулся и непроизвольно рванул ручку управления рулем высоты. «Сикорский» резко снизился на пару метров — и этого оказалось достаточно. Вертолет коснулся невидимого луча, и двигатели транспортного средства одновременно заглохли. Рев винтов стал тише и почти сразу сошел на нет, хотя по инерции они продолжали вращение. Потому вертолет не грохнулся на брюхо с двенадцатиметровой высоты, а совершил аварийную посадку относительно деликатно, словно слон, внезапно вознамерившийся отдохнуть на асфальте, раскрошенном временем и пулями.

Практически одновременный выход из строя двух транспортных средств временно деморализовал штатовский спецназ — десантники застыли на месте, сжимая в руках свои «Боуи». Чем и воспользовались наемники, ринувшись в атаку.

Я видел, как на двускатной, но достаточно пологой крыше бетонного ангара, стоящего недалеко от перевернутого «козла», возник наемник с длинной трубой переносного зенитно-ракетного комплекса на плече.

— Отключай свои бандуры, Упырь, — раздался у меня в наушнике спокойный голос. — Сейчас я его «Стрелой» достану.

— Принято, Волкодав, — произнес усталый голос с заметной хрипотцой. — Им и так каюк, аккумуляторы на нуле...

Третий, последний вертолет, невидимый для меня за стеной второго заводского корпуса, судя по натужному реву винтов, попытался ретироваться. Сквозь этот рев пробило стрекотание «Минигана». Крышу ангара вспороли фонтанчики пыли и грязи, выбитой свинцовым ливнем, льющим с небес. Но стрелок не шевелился, задрал к подсвеченным рассветом тучам Зоны трубу ПЗРК.

Смертельная дорожка, вскрывающая крышу словно боевой нож консерву, неумолимо приближалась к наемнику, еще мгновение — и широкая очередь шестиствольного пулемета превратит его в кровавое облако...

Но мгновения наемнику хватило.

Из задней части трубы вырвался сноп огня, из передней — белая струя газа, словно наконечник копья, несущая на себе черный, смазанный от скорости росчерк ракеты.

— О, гад, демн!.. — раздался у меня в ухе истошный крик.

Очередь «Минигана» ушла в сторону, косо располовинив крышу почти у самых ног Волкодава. А потом где-то и высоте за нашими спинами раздался мощный взрыв, из-за крыши заводского корпуса повалил дым.

— Хе-хе, вот и нету вашего вертолета, — хохотнул голос. — Сейчас и вы получите, крысы пиндосские.

— Ишь ты, и, правда, Волкодав, — раздался у меня в ухе задумчивый голос Меченого. — А я грешным делом думал, что два месяца назад его гранатой приложил. Живучий, зараза...

«Крысы пиндосские» сопротивлялись отчаянно, но шансов у них не было. То, что установки, гасящие избыточное выделение энергии, отключены, они сообразили слишком поздно.

Внезапно передняя линия наемников, вооруженных окровавленными ножами, отхлынула назад, уступив место второй, которая успела убрать свои «Магнумы» в ножны и перебросить со спины в руки автоматические винтовки LR 300 ML.

Дальнейшее больше походило на расстрел, и смотреть на это мне не хотелось. За забором слышались выстрелы и крики умирающих, нам же оставалось только ждать, чтобы не высунуться не вовремя и не попасть под шальную пулю разгоряченных битвой защитников базы.

Вдруг за решетчатым забором, отгораживающим складские ангары от привокзальной площади, я услышал характерные хрипящие звуки, которые трудно спутать с чем-то другим. Такое же хрипение, сильно смахивающее на рвотные позывы неопохмеленного алкоголика, я слышал у костра в лесу перед тем, как на меня из темноты выскочил кровосос — одно из самых опасных порождений Зоны.

Встретаться с кровососом снова у меня не было ни малейшего желания. Но звуки были какими-то странными, перемешанными с хеканьем, похожим на то, которое вырывается из легких лесоруба, занятого заготовкой дров.

— Эге, похоже, ктулху кого-то рвет на ремни, — прогудел из переговорного устройства Выдра — в навороченном экзоскелете были весьма чувствительные звукоуловители. Да и против кровососа в таком костюме можно выходить смело, если, конечно, тварь не догадается хорошенько треснуть по шлему, так чтоб вместе с головой оторвать. У него дури хватит. И очень хорошо, что лысая соображалка не всегда той дури соответствует, иначе б давно все сталкеры Зоны валялись по тридцатикилометровой территории в виде обескровленных мешочков с выпирающими костями.

Но было у меня желание или не было его — закон один. Если можешь помочь человеку, попавшему в беду, — помоги, иначе Зона накажет. Это потом можешь его пристрелить, если ты, скажем, из «Долга», а он — из «Свободы». Но подсобить надо обязательно.

Ждать, пока Выдра с Проводником в своих костюмах перевалятся через забор, мы не стали — с такой амуницией им проще пройти как танк сквозь ограждение, плетенное из проволоки и натянутое на металлический каркас, — а просто перепрыгнули его. И побежали вчетвером вдоль ангара на пугающие звуки, держа оружие на изготовку, — остановить

порождение Зоны, сильно смахивающее на плод фантазии Говарда Лавкрафта, можно только ураганным огнем и желательно не из одного ствола.

Наконец мы завернули за угол ангара — и остановились, пораженные картиной, которую вряд ли какой старожил Зоны мог нарисовать даже в воображении.

Какой-то парень, одетый в стандартную армейскую камуфлю, отбивался от двух нападающих на него кровососов то ли длинным ножом, то ли коротким мечом с длинной рукоятью. Разобрать, что именно он держит в руках, было нереально, как и разглядеть его лицо, — слишком молниеносно рассекало воздух его оружие и больно уж быстро двигался он сам.

Оно можно понять, кровосос — монстряга шустрая, бежит так, что никакой лошади не угнаться и человека располосовать когтями в бастурму для него дело тридцати секунд. Однако парень превращаться в пищу для мутанта не собирался. Более того, один из кровососов стоял неподалеку и растерянно пытался запихнуть в кровоточащую рану на морде пучок отсеченных ротовых щупалец.

— А пацан-то молоток, — произнес стоящий рядом со мной Призрак, внимательно следя за поединком. На мой взгляд, слишком внимательно.

Парню же требовались не зрители, а помощь. Несмотря на то, что оба кровососа имели по несколько глубоких порезов, это не мешало им рассекать воздух передними лапами, оканчивающимися длинными когтями. Одним из этих когтей парню уже перепало — на его камуфляже в районе плеча быстро расплывалось темно-вишневое пятно. Исходя из чего я вскинул свой снайперский комплекс и, улучив момент, дал короткую очередь.

С такого расстояния даже толстенный череп кровососа не выдержал удара пули со стальным сердечником внутри. Лысая башка монстра треснула как перезревший арбуз, порвав кожу на затылке. Кровосос дернулся от боли, левая часть его черепной коробки отвалилась и повисла на лоскуте скальпа.

Тварь резко повернулась, долька черепа хлопнула ее по плечу. Жуткое зрелище — живое существо с развороченной на четверть головой, в которой пульсирует мозг, похожий на габаритную кучу ожившего дерьма. Не любитель я эдакого сюрреализма в стиле Дали, как, впрочем, и кровососов, смотрящих на меня настолько враждебно. Потому, когда тварь прыгнула вперед, я просто старым проверенным методом вышиб ее не желающие подышать мозги из черепной коробки, а после держал ее на расстоянии длинной очередью, пока не опустел магазин и безмозглое порождение Зоны не сдохло окончательно — даже мертвый кровосос способен доставить стрелку массу неприятностей.

Второго монстра, не знающего, куда девать свои щупальца, добил Меченый, всадив ему в кровоточащее ротовое отверстие десяток пуль из своего АК. Свинцовый аргумент оказался достаточно весомым и, пожалуй, желанным — для этих мутантов отростки на морде самое дорогое, что у них есть, так как внешними половыми признаками природа их не наградила. Искалеченный кровосос повалился на выщербленную плиту, лежащую на земле, окрашивая серый бетон черной, пузырящейся кровью.

С третьим монстром парень справился сам. Вернее, думал, что справился...

Кровосос бросился вперед, расставив лапы и пытаясь смять массой неуловимого противника. Но тот оказался быстрее, пружинисто отпрыгнув назад, при этом за долю секунды до прыжка клинок его меча, совершив хитрый финт, рассек горло твари.

Кровосос захрипел, совсем по-человечьи пытаясь зажать лапами черный поток, хлынувший через разрубленные артерии. Он даже рухнул на колени — нормальная реакция существа, из которого кровища хлещет как из перерубленного лопатой поливочного шланга.

Победитель равнодушно посмотрел на монстра, после чего перевел глаза на нас.

Это было ошибкой. Хитрый кровосос, решивший дорого продать свою угасающую жизнь, стартанул прямо с коленей. Его огромная лапа выстрелила вперед словно праща, метя когтями в глаза своего убийцы. Парень попытался уйти с линии атаки, но было ясно — мутант успевает сделать то, что наметил. Он был слишком близко, а мы уже опустили автоматы.

Все. Кроме одного.

Короткая очередь простучала над моим ухом — хорошо, что в нем гарнитура была воткнута, а то бы оглох на фиг. Но перед тем как вылить на стрелка ушат мнений о его умственных способностях, я успел заметить, как три пули вошли в три наиболее уязвимых точки на теле кровососа — оба глаза и переносицу.

Кровосос дернулся в сторону и упал на четвереньки. Голова твари от ударов пуль просто оторвалась по линии перерезанного горла и сейчас лежала между лопаток, глядя на восходящее солнце кровавыми дырами изуродованных глазниц. Ее удерживал на спине лишь клочок кожи и позвоночник, которые парень и перерубил быстрым, практически незаметным ударом черного меча.

Тело обезглавленного мутанта рухнуло на остатки бетонных плит, из которых состояла площадка позади ангаров, а я передумал высказывать свое мнение о Призраке, затеявшем пальбу прямо у меня над ухом. Сталкер, способный подстрелить кровососа в прыжке, это очень хороший стрелок. А хороших стрелков я искренне уважаю.

Хотя иногда не понимаю, особенно когда они начинают говорить на непонятном языке.

— Коннити ва, Оми-ноками-сан, — сказал Призрак, сделав пару шагов вперед и слегка поклонившись. — О-аиситэ урэсии.¹²

Незнакомец внимательно посмотрел на сталкера. После чего резким движением стряхнул кровь с клинка так, что капли, сорвавшись с полированной поверхности, прочертили на плитах идеально ровную линию.

— Коннити ва, синоби но Ямагути-гуми хан, — спокойно произнес он, возвращая поклон и вкладывая меч в ножны. — Го-эндзе-ни канся итасимас.¹³

— О-рэи нива оебимасэн,¹⁴ — отозвался Призрак.

— Что за хрень? — прошептал Клык довольно громко. — Ничего не понимаю.

— А чего тут понимать, — хмыкнул Меченый. — Не видишь, сталкеры по-японски базарят. Не слышал, что ль, никогда?

— Не-а, — растерянно признался Клык.

— Да ладно. «Свободовцы» вон, когда обкурятся, начинают с манги прикалываться. Насухую она их вообще не прет, а по обкурке — только в путь. Попадешь на армейские склады — наслушаешься по самые «не хочу».

Беседуя с Клыком, он, тем не менее, не сводил с незнакомца ствола своего АК. Это было странно — вроде только что человека спасли, — но у Меченого опыта путешествий по Зоне побольше моего будет, потому я тоже не спешил забрасывать за спину свой снайперский комплекс.

— Хотя, если честно, я сам ни хрена не понимаю, — пробормотал себе под нос Меченый. — И если б Призрак не начал с ним базарить, я б давно его завалил.

— Что так? — удивился Клык. — Только спасли — и сразу валить?

— Я его узнал, — процедил Меченый. — У меня во внутреннем кармане фотка лежит, которую мне Бармен дал. Распечатка с видеокамеры в «Ста рентгенах». Это тот киллер, которому нас всех заказали.

— Да ну! — непонятно с какой радости восхитился Клык. — То-то я смотрю, он больно шикарно машется своей зубочисткой. Против троих кровососов пару минут махать — это ножевик что надо! Эх, нам бы такого в группу, у него есть чему поучиться!

— Ну, началось, — простонал Меченый. — Вербовать его ты пойдешь?

— А чо я? — осклабился Клык. — Вон его Призрак уже по ходу обрабатывает. Думаешь, он зря китайские, то есть японские церемонии здесь разводил? Не было б у него интереса, он бы его первый пришил...

Треп Меченого с Клыком я слышал краем уха, меня больше интересовало, о чем Призрак говорит с незнакомцем. Стояли они неподалеку, поэтому я слышал практически все, тем более что, обменявшись восточными любезностями, они перешли на русский.

¹² Здравствуйте, уважаемый Оми-ноками. Рад вас видеть (яп.).

¹³ Здравствуйте, агент клана Ямагути-гуми. Благодарю вас за помощь (яп.).

¹⁴ Не стоит благодарности (яп.).

— В стране белых людей, наверно, приличнее будет общаться между собой на их языке, уважаемый Оми-ноками, — сказал Призрак.

— Наверно, — кивнул парень. — И давай на ты, коллега. Откуда меня знаешь?

— Удивительно было бы не знать о белом синоби, выращенном в сердце противоборствующего клана, — хмыкнул Призрак. — О тебе рассказали двое тэпподама, убийцы-смертники, вернувшиеся шесть лет назад из рейда на школу, в которой ты обучался. Тебя искали, но безрезультатно. Потом стало известно, что ты вернулся на родину и стал работать на правительство. На этом следы белого синоби снова потерялись. Ты хорошо научился замечать их, белый гайдзин.

Незнакомец усмехнулся:

— Наверно, как раз с той поры клан Ямагути-гуми решил сам воспитывать белых гайдзинов-неяпонцев для секретной деятельности в Европе.

Призрак покачал головой:

— Ошибаешься, синоби клана Сумиеси-кай. Они начали делать это намного раньше.

— Так что же мешает тебе сейчас убить члена противоборствующего клана якудза? — прищурился незнакомец. — Бежать из-под четырех стволов мне некуда, и второго шанса у вас не будет.

Призрак усмехнулся.

— Ни ты, ни я давно уже не члены якудза. Да мы, в общем-то, никогда ими и не были. Нам весьма успешно, не хуже чем Выжигателем мозгов, промыли извилины древними восточными методами и превратили в управляемые машины смерти. Но Зона вылечила меня и научила жить своей головой. Попробуй и ты забыть чужие приказы и выкинуть из сердца чужие мысли. А после наполни его мудростью собственных решений. Ты всю жизнь учился, Оми-ноками. Учился выживать, учился убивать, учился следовать приказам. Настало время научиться быть самим собой, и Зона для этого — лучший учитель. Ведь это единственное место на земле, где человек действительно свободен от всего остального мира.

Виктор молчал.

В словах сталкера была горькая правда. Вся прошлая жизнь Виктора Савельева была цепью событий, predetermined другими людьми. Он постоянно выполнял чьи-то задания, причем задания эти в основном сводились к тому, что он должен был убивать других людей.

Нравилось ли ему это? Он никогда не задавал себе такого вопроса. Он просто выполнял задания. Автомат стреляет не рассуждая, подчиняясь тому, кто нажимает на спуск. Так и человек, ставший оружием, всегда требует оператора, без которого бездушная машина смерти будет просто куском металла... Или плоти. Жрущей, гадящей — и никогда не думающей. Думажее оружие опасно и подлежит уничтожению. Полному и желательному сразу, а если не получится — по частям. А ведь часть его осталась там, на Большой земле...

— Ты женат? — спросил Призрак, словно угадав, о чем думает Виктор.

Тот кивнул.

— Фото есть?

Удивляясь сам себе, Виктор достал из левого нагрудного кармана фотографию Майуко и протянул ее человеку, которого впервые увидел десять минут назад и который за это время заставил его посмотреть на собственную жизнь другими глазами.

Призрак глянул на снимок и улыбнулся. Открыто и по-хорошему. Так редко улыбаются в Зоне, да, впрочем, и во всем остальном мире.

— Ну, прям вылитая Кусуми Кохару, — сказал он. — Из Японии девочку привез?

— Там познакомились, потом сама приехала, меня нашла.

— Ну, тогда это серьезно, — произнес Призрак, протягивая фото обратно. — Закончим дела, забирай ее и вали от всех подальше к чертовой матери, если бабки есть, конечно. А нет — делай их по-быстрому, с твоими способностями здесь это раз плюнуть, и тоже вали. Каждый нормальный мужик мечтает о том, чтобы быть со своей семьей и чтоб ни радиации тебе, ни тварей, ни сволочей разных...

— О каких делах ты говоришь? — прервал его Виктор.

— О наших, — просто сказал Призрак. — Когда уходишь откуда-то, нужно закрывать за собой дверь и не оставлять мусора. Тебя послали завалить нас? Значит, должен завалить. И вернуться с доказательствами. А после — исчезнуть, а лучше тоже погибнуть. Вместе с семьей. Умереть для всего остального мира. Этому, думаю, тебя учить не нужно. Но сначала я прошу тебя о помощи. Ты помог нам, уничтожив вертолет, мы помогли тебе убить мутантов. Между нами нет долга жизни, потому я могу только просить.

Виктор хмыкнул:

— Нормально. Тебе б не ночным убийцей, а агитатором работать. Чего нужно-то?

...Позади нас послышался шум и топот многих ног. Видимо справившись с забором, к нам тяжело бежали Проводник и Выдра в своих экзоскелетах, за ними неслись несколько фигур в сине-серых костюмах.

— Вот вы где! — выдохнул Проводник. — А нас тут наемники за лазутчиков приняли, чуть махалово не вышло. Хорошо, что Бехрам по рации вмешался.

— И, правда, хорошо, что вмешался, — задумчиво произнес Меченый, глядя на Волкодава. Наемник тоже смотрел на него, сжимая и разжимая кулаки. Казалось, еще немного — и он бросится на сталкера, наплевав на все приказы.

Но дисциплина оказалась сильнее. Развернувшись, Волкодав быстро пошел куда-то в сторону, словно боясь не совладать с собой.

— Вот и ладушки, вот и хорошо, — сказал Меченый. — А теперь пошли посмотрим, как у нас там насчет трофеев. Как я понимаю, Призрак, ты с нашим киллером договорился о сотрудничестве? Это ты молодец. Ему ж по закону за пиндосский вертолет треть хабара причитается, но один он столько точно не допрет. Так что детали с Бехрамом придется обговаривать на месте.

КИЛЛЕР

В голове Виктора царил полнейший сумбур. Слова человека, которого он согласно приказу должен был убить, задели его до глубины души. Все это наложилось на забытую за жестким экшеном информацию о том, что его «слил» наемникам кто-то сверху. Виктор понимал, что ведомство, к которому он относится, так вот запросто его не отпустит. И в то же время Призрак был прав — по большому счету, Виктору такая жизнь порядком осточертела. Это киношные агенты 007 из фильма в фильм скачут по экрану, пачками вырезая вражью силу, и все им нипочем. У живого человека в его случае два пути.

Первый — это подсесть на убийство себе подобных как на наркотик. Хемингуэй утверждал, что «никакая охота не сравнится с охотой на человека. А тот, кто полюбил охоту на вооруженного противника, уже никогда не сможет увлечься чем-то другим». Ветеран двух войн знал, о чем говорил. Знал он и о том, как разрушает этот наркотик ту незримую составляющую души, которая делает человека человеком, — ведь ни одно существо в мире не убивает представителей своего вида без веской на то причины.

Но есть и второй путь — уйти, пока чаша не переполнилась. Правда, дано это не каждому. Слишком сильный наркотик — чувствовать себя богом, решающим, кому жить, а кого стереть одним движением указательного пальца. Ведь, когда у тебя в руках винтовка, быть богом совсем нетрудно. Гораздо труднее перестать им быть...

Но для того чтобы уйти, всегда приходится заплатить. В этом Призрак был прав. И Виктор понял — да, именно сейчас для него настало то время, когда он готов платить. Хотя бы для того, чтобы его жена всю оставшуюся жизнь метала «соточку» только в деревянные мишени...

Они шли по площади, обильно, словно рисовое поле, залитой кровью. Кровь тягуче чавкала под подошвами ботинок и, медленно загустевая, стекала со стен ангаров. Трупов было много, больше сотни, и сейчас наемники стаскивали своих и укладывали в ряд возле рухнувшего вертолета. Враги останутся лежать на площади. Хоронить их будут мутанты и

вороны, которые уже сейчас кружились над полем битвы, возмущенно каркая на людей — когда же они перестанут суетиться под ногами, мешая начать долгожданный завтрак?

— Это ж сколько в человеке кровищи-то, — сказал Проводник и забористо выматерился, поскользнувшись на чем-то отрезанном пальце. Тонкие кости хрустнули под каблуком тяжелого экзоскелета, и сталкер, проехавшись бронированным сапогом по еще теплому мясу, едва не грохнулся на асфальт в своих доспехах.

— Пять литров, — невозмутимо ответил Призрак. — Если литр в себя примешь перед боем — то будет шесть, водка быстро усваивается. И подышать проще, когда все по барабану.

— Философ, — скривился Клык. — Думай, что говоришь-то. Бухого завалят на раз-два-три, квакнуть не успеешь.

— Э, не скажи, — отозвался Призрак. — Пьяному море по колено и очень часто везет нереально там, где трезвого десять раз пристрелят. Хотя рецепт на любителя.

— А у тебя и другие рецепты есть?

— Есть, — кивнул Призрак. — На войну не ходить и дома бухать. Как говорится, лучше водку пить, чем воевать...

Под треп двух сталкеров мы дошли до вертолета, где, заложив руки за спину, в окружении телохранителей стоял человек в черной маске-омоновке, по осанке которого было ясно — он здесь главный. Рядом с командиром наемников Виктор заметил знакомое лицо и, встретившись глазами с двойником Аль Пачино, коротко кивнул. Однако Валерьян равнодушно скользнул по нему взглядом, продолжая о чем-то говорить с седым человеком, сильно похожим на профессора-пенсионера. Узнавания и глазах сталкера Савельев не увидел — и это было странно. Неужели прав был Кэп, когда говорил командиру Вольных сталкеров «не вспомнишь ты ни черта на Кордоне»? Может, он, и правда ничего не помнит? Хотя это неудивительно в мире, настолько отличающемся от обычного...

— И снова здравствуйте, господа хорошие, — сказал Меченый, подходя к группе наемников. — Твои друзья, Бехрам?

Меченый кивнул на разбросанные по площади трупы десантников.

— Шумные они у тебя, — добавил он. — Кто хоть такие?

— Отряд сил специального назначения армии США «Anti-thug», созданный специально для борьбы с террористами, бандитами, наемными убийцами и сталкерами, — ответил человек в маске. Потом подал неуловимый знак рукой.

Один из его телохранителей сделал шаг в сторону, наклонился, взмахнул ножом — и подал хозяину отрезанную голову спецназовца, на которой так и осталась надетой каска, плотно зафиксированная подбородочным ремнем.

— Голову-то зачем? — укоризненно пробормотал Бехрам, молниеносно извлекая из ножен кортик времен Третьего рейха и рассекая ремень. Отрезанная голова, больше ничем не удерживаемая внутри каски, с глухим стуком шмякнулась на асфальт. Бехрам брезгливо пнул ее носком берца, и она, подпрыгнув словно футбольный мяч, закатилась под капот перевернутого автомобиля, пятная асфальт кровавыми брызгами.

Тем же кортиком предводитель наемников срезал с каски камуфлированный маскировочный чехол. Открылась девственно-белая поверхность шлема, на которой черной краской была нанесена декаль — буква «Т», вписанная в «А».

— Зона не перестает меня удивлять, — задумчиво проговорил Бехрам. — За семь лет до Первого взрыва был снят фильм, в котором парни в таких же касках стреляют в сталкеров. Я, конечно, могу предположить, что высшие чины, сформировавшие это подразделение, видели тот фильм, но вряд ли они стали бы подгонять под декаль название отряда.

— В Зоне много совпадений и необъяснимых явлений, Бехрам, — сказал Меченый. — Например, Призрак только что завербовал в нашу группу профессионала, посланного убить нас. Так что в нашем полку прибыло и сумму гонорара придется немного поднять.

— Не понял, — коротко бросил человек в маске. — Зачем тебе еще один человек, да еще твой потенциальный убийца?

— Пилотов должно быть двое, Бехрам, — пояснил Меченый. — А в моей группе только Призрак умеет водить вертолет. К тому же есть у меня одна слабость — я иногда верю людям.

— Ты хочешь сказать... — медленно проговорил наемник, носящий имя легендарного серийного убийцы.

— Именно, — кивнул Меченый. — Не на своих же двоих мы поперемся на стволы монолитовцев. А так у нас появляется хоть какой-то шанс.

— Ты совсем обнаглел, сталкер, — прищурился Бехрам. — Мне только что доложили, что весенняя зачистка Диких Территорий — твоя работа. И теперь объясни, что мне мешает прямо сейчас поставить тебя к стенке, а командиром твоей группы назначить, например, Волкодава?

— Объясняю, — кивнул Меченый. — Твоего Волкодава мои ребята просто пошлют куда подальше, а если он будет настаивать, при первом удобном случае отправят пинком в ближайшую аномалию. Это первое. И второе. Никто и никогда в Зоне, кроме меня, не ходил через Северные кордоны. Я там был еще до того, как пиндосы затеяли строить свою Стену, и знаю, как и где можно пройти. Но для того чтобы выйти на исходную точку, нам нужен вот этот вертолет. Думай, Бехрам, таймер запущен, и Большой Выброс не будет ждать.

Командир наемников думал недолго.

— Хрен с тобой, забирай, — махнул он рукой. И, поняв, что вертолетом дело не ограничится и от Меченого ему так просто не отвяжется, хмуро добавил: — Что еще?

— По закону Зоны треть хабара, снятого с убитых пиндосов, принадлежит Японцу, — невозмутимо продолжал сталкер, поворачиваясь к Сахарову и указывая пальцем на Виктора. — И я очень прошу вас, профессор, принять этот хабар по справедливой цене, а деньги присовокупить к доле нового бойца моей группы.

— Ну, ты даешь, Меченый! — только и смог вымолвить Бехрам.

А старичок профессор лишь невозмутимо кивнул и полез в карман за записной книжкой — видимо, помимо написания научных трудов, он при случае не гнушался левых заработков в качестве прибавки к пенсии.

«Японец...»

Виктор усмехнулся про себя, вспомнив совсем недавно сказанное Корнем: «Зона еще не дала нового имени». Получается, только что дала — в лице сталкера Меченого. И в зоне, и в Зоне законы одинаковые — у каждого свое погоняло. И коль попал сюда, не обессудь — получи. Ладно, пусть будет Японец...

Из тоннеля, ведущего прямо под землю, выехал небольшой грузовичок, в который наемники принялись сноровисто загружать трупы павших товарищей. Судя по тому, насколько споро шла работа, для солдат группировки она была привычной.

— Меняется Зона, — задумчиво сказал Меченый. — Когда я проходил тут весной, в этом тоннеле ни черта не было, кроме разного хлама и выводка аномалий.

— Может, наемники придумали, как аномалии гасить? — произнес Клык.

— Тоже вариант, — отозвался Меченый. — Ладно, пошли в вертолет. Кстати, Японец, ты не против такого погоняла?

Виктор покачал головой. Ему было все равно.

— И вертолеты водить умеешь? — уточнил сталкер. — Я не поторопился? Призрак вот умеет, учили японцы.

Виктора учили не японцы, а инструктора Комитета по предотвращению критических ситуаций, из чего он сделал вывод, что противоборствующий клан якудза в отличие от конкурентов делал упор на современные технологии, а не на древние методики уничтожения ближнего своего. Но сути это не меняло.

Он кивнул. Меченый удовлетворенно потер ладони:

— Так, пока все срастается. Глядишь, что и получится. Ладно, пошли карту смотреть.

И первым полез в транспортный отсек вертолета.

Виктор направился следом за ним, но, поравнявшись с командиром Вольных сталкеров, задержался на мгновение и сказал:

— Держись подальше от Рыжего леса, Валериан.

И пошел дальше. Командир Вольных сталкеров проводил странного парня удивленным взглядом...

Внутри вертолет оказался пустым, словно громадная летающая бочка. Длинные скамьи вдоль бортов да пара шестиствольных «Миниганов», разрекламированных американским кинематографом, — вот и весь интерьер. Пулеметы, словно сторожевые собаки, высунули тупорылые морды в прямоугольники распахнутых бортов, с которых менее чем полчаса назад десантировались еще живые люди, собиравшиеся убить других людей. Сейчас эти несостоявшиеся убийцы лежали на площади, дожидаясь, когда пожиратели падали начнут рвать их мясо. Странная штука жизнь. И очень часто непродолжительная для тех, кто становится на путь войны...

Меченый вытащил из-за пазухи карту, нанесенную на тонкую пленку, и разложил ее на полу.

— Ни фиги себе! — присвистнул Призрак. — Если меня глаза не обманывают, это старая карта Генштаба, на которую наложена карта современной Зоны. Где ж ты раздобыл такой артефакт?

— Кэп подогнал, — ответил Меченый, доставая тонкий красный маркер.

— Кэп? Это который... — Призрак неопределенно покрутил пальцами в воздухе.

— Угу, — сказал Меченый, вычерчивая кривую красную линию от Корогода на Диких территориях через Чернобыль и КПП «Паришев». — Тот, которого никто не видел, а если видел — помалкивает. Одним словом, настоящая Легенда Зоны, навсегда сгинувшая в ней осенью 2008 года. Правда, иногда он неслабо помогает сталкерам, которые, по его мнению, делают что-то реально нужное и настоящее.

Красная линия пересекла КПП, отмеченный зеленым кружком, обогнула Зону с востока и уперлась в основание глубокого выреза, напоминающего разъявленную пасть монстра.

Рядом с окончанием линии был значок населенного пункта — «Машево».

Меченый продолжил линию, которая прошла через второй населенный пункт «Красное», пересекла Припять и уперлась в нагромождение черных прямоугольников, помеченное зловещими буквами «ЧАЭС».

— Как вам маршрут? — поинтересовался Меченый, пряча маркер обратно за пазуху.

Сталкеры молчали, разглядывая карту.

— Я недавно был на базе «Свободы», — нарушил тишину неразговорчивый Выдра. — Так там в кабинете Лукаша карта висит, на которой Чернобыль обозначен как Мертвый город. Причем черным маркером.

— А это не после твоего посещения у Лукаша пропал единственный образец гаусс-пушки, стреляющей аномалиями, который «Свободе» удалось отбить у «Монолита»? — ехидно поинтересовался Клык.

Выдра вопрос проигнорировал.

— Лукаш прав, такое только черным и надо писать, — сказал Меченый. — Путь в Чернобыль преграждают сплошные поля аномалий и ни один из тех, кто пытался пройти туда тайными тропами, не вернулся. Говорят, там скрываются остатки группировки «Грех», тех, кто пережил Второй Взрыв в Мертвом городе и мутировал до каких-то невообразимых монстров. Но, думаю, это все чушь собачья. Во всяком случае, если лететь этим маршрутом не огибая Чернобыль, мы неслабо экономим время.

— Насчет того, чтоб над КПП лететь, ты хорошо подумал? — поинтересовался Проводник.

— Всегда лучше прорываться там, где не ждут, — заметил Виктор.

СНАЙПЕР

Пока Меченый, покинув вертолет, вымораживал у Бехрама дополнительное вооружение, Призрак с Японцем, придя к общему мнению и разобравшись что к чему, довольно споро завели винтокрылую машину.

Наконец минут через десять несколько угрюмых наемников загрузили в вертолет четыре зеленых ящика без маркировки и, ни слова не сказав, удалились восвояси. На этом приготовления к отлету закончились, и Меченый дал команду к взлету.

Мы летели над Зоной, что уже само по себе было рискованно. Но, с другой стороны, вообще пересекать линию кордонов не рекомендуется тем, кто сильно печется о своем здоровье. Потому я, философски рассудив «будь, что будет», сидел на скамье, прислонившись спиной к жесткой спинке, и, прикрыв глаза, неспешно размышлял о жизни — торопиться-то все равно некуда.

Не скажу, что я был в телячьем восторге от идеи Меченого принять в группу киллера, имеющего заказ на всех нас. Да, когда-то я тоже читал бессмертное творение Сунцзы и другие трактаты по военному искусству, где подобная тактика приветствовалась и превозносилась. Но одно дело древние теории, и совсем иное — сегодняшняя практика. Слишком уж явным было ощущение линии выстрела на моем лбу, и до сих пор рука сама тянулась почесать место между бровями, в которое совсем недавно целился этот новый член группы.

Парень производил впечатление... обычного русского парня, каких у нас в развалившемся Союзе миллионы. То есть далеко не Терминатор, не Рэмбо и даже не маленький Джет Ли с пронзительным взглядом изощренного садиста, пьющего по ночам кровь девственниц, которых он ввел во взрослую жизнь при помощи пилы «Дружба-2». Обычный человек с необычными навыками и плавно-скоростными движениями, которые мне очень не нравились.

Нет, его движения были совершенны, но просто я невольно думал в том, что, если этот парень вдруг выхватит свой меч, успею ли я нажать на спусковой крючок своего ВСК-94 до того, как он нашинкует нашу команду в мелкий свекольно-бордовый винегрет? Потому, когда они с Призраком ушли в кабину вертолета, я вздохнул с некоторым облегчением. Призрак его завербовал, у них там какие-то общие японские темы, вот пусть и разбираются друг с другом на пару. А я мало того, что ночью почти не спал, так еще впереди не пойми чего ждать.

Сам план тоже мне не нравился, но иного не было. Сейчас Меченый сидел напротив меня и что-то обсуждал с Проводником, эпизодически тыкая пальцем в прозрачную карту, расстеленную на коленях, — маршрут корректировал. Дело, конечно, нужное, но корректируй, не корректируй — все равно Зона сама решит, пустить нас в места, куда ни один сталкер ходить не решается, или же успокоить всех навечно, ибо достали шляться, где не положено, артефакты жизненно важные из сердца выдирать...

Плавный поток моих мыслей прервал крик Клыка, который удобно устроился за «Миниганом» и следил за обстановкой по левому борту.

— Тут вообще труба! — проорал Клык сквозь шум вертолетных винтов, почти заглушающих локальную связь. — Сроду не видел таких здоровых аномалий!

Это был повод для того, чтобы оторвать пятую точку от скамьи и посмотреть на причину восхищения одного из наиболее опытных сталкеров Зоны.

Причина и вправду впечатляла. Снизу, от самой земли вверх вздымались огромные вихри, сильно похожие на равномерно-серые торнадо. Их было много, штук двадцать, не меньше, и со стороны они напоминали медленно шевелящиеся щупальца осьминога невообразимых размеров. Иногда в центре отдельного вихря можно было заметить вяло вращающийся предмет, детали которого на этом расстоянии различить не представлялось возможным, — так, темное пятно, смазанное пыльными завихрениями.

Зато было видно, что с тем предметом происходит по мере подъема ввысь. Когда темное вращающееся пятно достигало крайней верхней точки вихря, тот вдруг совершал хлесткое движение, словно им как плетью управляла с земли невидимая рука, — и предмет

разлетался на фрагменты, словно граната «Ф-1», веером разбрасывающая во все стороны куски чугунной «рубашки».

— И мы должны в это лететь? — изумленно поинтересовался Проводник.

Вместо ответа Меченый плотнее прижал гарнитуру к уху.

— Призрак, Японец, как слышите, прием.

— Слышим нормально, Меченый, — раздалось в гарнитуре.

— Какие мысли? Проскочим?

— Хрен его знает, начальник, — хмыкнул Призрак. — А у нас выбор есть?

— Есть, — сказал Меченый. — Сделать крюк.

— Тогда считай, что нету. Топлива только-только до Химериной пасти хватит, пиндосы заправились экономно — туда, плюс обратно, плюс пара лишних мензурок на непредвиденные обстоятельства.

«О как, уже и участок Стены свое название получил», — подумал я.

— Ну, на вас вся надежда, — сказал Меченый, держась за край распахнутого люка и глядя на почти живую преграду, сквозь которую нам предстояло пролететь.

По мере приближения к полю гигантских «Воронок» боковой ветер значительно усилился. Нас едва не сдувало сквозняком, но никто не желал покидать наблюдательного пункта. Смогут ли наши вертолетчики пролететь меж выводком Сцилл и Харибд, которые и не снились Одиссею? Хотя прогресс не стоит на месте и каждому веку — свои чудовища и свои легенды...

Пилоты уверенно направили машину в просвет между двумя наиболее толстыми и, на первый взгляд, наиболее медлительными «Воронками». Внутри одной из них медленно вращался, поднимаясь кверху, огромный предмет, очертания которого невозможно было рассмотреть за тучей сопутствующего мусора. До него оставалось метров триста, когда я понял — «Воронка» вращает... двухэтажный дом, аккуратно выдранный из земли вместе с фундаментом. Почему строение не развалилось на кирпичи еще на начальном этапе подъема, было загадкой, но факты вещь упрямая. Дом медленно и величаво взлетал в небо, а на его крыше бешено вращался флюгер, по которому время от времени пробежали осторожные молнии.

Время словно замедлилось, и я уже понимал, что в момент нашего прохождения между двумя «Воронками» дом окажется на одном уровне с вертолетом. И если его в этот момент разорвет или аномалия просто решит метнуть в вертолет свой трофей, никакая броня не спасет машину и ее экипаж от гибели.

Внезапно Меченый оторвался от созерцания аномалий и бросился к зеленым ящикам. Если в них лежит то, что я думаю, он абсолютно прав.

Я кинулся ему помогать, и вдвоем мы, несмотря на тряску, быстро откинули тугие замки и отбросили зеленую крышку, под которой обнаружилось четыре старых, но надежных как «Наган» одноразовых гранатомета «Муха».

Вертолет героически преодолевал сопротивление воздушной стены, порожденной серыми вихрями. Те из группы, кто стоял ближе к ящику, сгибаясь под ураганным ветром, схватили из него зеленые трубы, раздвинули их и пристроили на плечи, стараясь стать в линию и при этом не перекрыть стоящим рядом товарищам сектор обстрела.

— Залпом — огонь! — заорал Меченый, и четыре ракеты устремились к кирпичному дому.

— Ложись! — крикнул Проводник, бросая в серо-пыльную муть за бортом бесполезную пустую трубу и падая на пол. Хотя, что надо делать, было ясно и без него.

Внизу неслабо рвануло, четыре взрыва слились в один. Осколки кирпичей и металла хлестнули по днищу вертолета, влетели в транспортный отсек и ударили в потолок. Рядом с моим лицом простучала дробь кирпичной крошки, кто-то слева от меня застонал.

Но это было еще не все.

Вскочив на ноги, я увидел, что воронка вращает не только остатки разрушенного взрывом дома. Жуткая аномалия раскручивала огненный смерч, порожденный взрывами

ракет. Всего за пару мгновений на месте однородного серого вихря взметнулась к небу огненная плеть диаметром со знаменитые градирни Чернобыльской АЭС.

Вертолет развернуло, словно невидимая рука подкорректировала машину, намекая недвусмысленно — выбирайте, люди! Так человеку, стоящему на цыпочках с затянувшейся петлей на шее, изощренные палачи предоставляют выбор — самому спрыгнуть с табуретки или дожждаться, пока от напряжения откажут ноги.

Но Меченый решил иначе.

— Призрак, Японец, — закричал он. — На полной скорости — вперед! В центр «Воронки»!

Это было самоубийство... или спасение. В принципе, говорят, опытные сталевары суют мокрую руку в расплав и выдергивают ее невредимой в облаке пара. Все дело в скорости, хотя мне кажется, что это все-таки брехня...

Сейчас нам предстояло испытать это на собственной шкуре. Я плеснул себе в лицо и на руки из фляги, остатками воды, окатил стоящего рядом Клыка и бросился на пол лицом вниз, натянув на затылок ворот куртки и подворачивая под него кисти рук...

Вертолет на мгновение окутало ревущее пламя. У меня в голове пронеслось: «В аду будет уже не так страшно...» А еще я подумал, что еще пара секунд такой прожарки — и начнут взрываться «Мухи» в ящиках, если, конечно, там тоже были они. Но первыми, наверно, все же рванут топливные баки...

Вертолет резко потянуло вверх, к той критической точке, где он должен был превратиться в кучу обломков. Желудок вместе с кишками прижало к полу, словно мы летели к небу в суперскоростном лифте. Но продолжалось все это доли мгновения... Винтокрылая машина застонала, словно живое существо, дернулась судорожно — и вырвалась из огненных объятий чудовищной аномалии.

— Вот черт... получилось... — раздался у меня в ухе удивленный голос Призрака. Он, наверно, и сам не ожидал, что безумный план увенчается успехом.

Я приподнял голову.

— Живы вроде, — сказал Проводник, проводя бронированной рукой по грудной пластине экзоскелета. — Я уж думал, сейчас сварюсь заживо, как рак в панцире.

— Рано радоваться, — произнес Меченый, стряхивая со своего местами дымящегося пыльника обуглившиеся ворсинки. — Под нами Мертвый город.

Мы высунули головы, щурясь от ветра, который немилосердно хлестал по глазам.

Внизу и вправду лежали упорядоченные прямоугольники типовых зданий конца прошлого века, сверху похожие на коробки из-под обуви. При этом мне показалось, что я различаю крохотные фигуры, движущиеся между ними. Некоторые из них стояли на месте, возможно задрав головы и глядя на нас. Другие двигались, некоторые — с очень большой скоростью, невозможной для обычного человека.

Мне стало интересно, поэтому я снял защитный колпачок с прицела СВД. После чего, направив винтовку вниз и плотно прижав к глазнице резиновый наглазник, попытался рассмотреть, что происходит внизу. Конечно, с биноклем оно было бы сподручней, но кто его знает, что там внизу творится? Вдруг придется пальнуть для остротки.

— Как чувствовал...

— На два часа глянь, — раздался в ухе голос Меченого.

Я повел стволом винтовки вправо — и выстрелил раньше того типа, что направил прямо мне в лицо трубу «Стрелы», при помощи которой Волкодав часом раньше сбил американскую «вертушку», аналогичную нашей.

Тип опрокинулся на спину, белесая струя, вылетев из жерла ПЗРК, понеслась вдаль, прочерчивая над крышами домов идеальную прямую линию. Последнее, что я увидел в окуляре прицела, были кроваво-пустые глазницы стрелка. Причем это была не моя работа — я старался попасть в сердце, да и пуля не делится на боеголовки, чтобы за один выстрел вышибать два глаза.

— Кто это был? — спросил Выдра. Видимо, врубил в своем шлеме режим скоростного оптического зума. — У него ж по ходу глаз не было, как же он целился?

— На звук, — сказал Проводник. — «Грешникам» не нужны глаза.

— Это они? — удивился Выдра.

— Больше никто не мог выжить в Мертвом городе, отрезанном от остальной Зоны полями аномалий и являющемся зоной повышенной радиоактивности, — вздохнул Проводник. — Но грешникам и положено жить в аду. Это их дом, и чужих они сюда не пускают.

Словно в подтверждение его слов позади меня, как гигантская трещотка, заработал «Миниган».

Неплохая машинка, кстати, стала после доработки. То же M134, но с еще одним «М» в конце, модифицированный, значит, наконец-то со времен Вьетнамской войны. Не иначе пиндосы впечатлились нашим «Кордом» и решили, что их коронная фишка, построенная по схеме доктора Гатлинга, просто обязана стрелять с рук без подпорки под спину, которую использовал в кино нынешний губернатор Калифорнии, чтоб его на съемках отдачей не снесло. Немного покумекав и внимательно изучив русский АК-108 со сбалансированной автоматикой, они создали сильно облегченную модель M134M, которую без сердечного приступа в конце десятимильного марш-броска мог нести на себе вместе с боезапасом «морской котик» средних физических кондиций.

M134M «Minigun», получивший в американской армии символичное для России прозвище «МММ», за счет своей универсальности, мигом прижился во всех родах войск, и сейчас именно он тарахтел у меня за спиной, со скоростью муравьеда пожирая боезапас и, наверно, выкашивая внизу толпы невидимого отсюда врага.

— В кого стреляем? — поинтересовался я, не оставляя позиции — мало ли кто с контролируемой мной стороны решит повторить подвиг безглазого гранатометчика.

— Хрен его знает, — ответил Клык. — Это Выдра шайку аборигенов пулеметит. Они на нас какую-то установку направили, похожую на зенитку, вот он и опробовал машинку.

— И как?

— Нету теперь у «Греха» той установки, — хмыкнул Клык. — Смело на фиг вместе с расчетом.

— Бывает, — философски заметил я.

Настроение мое и спутников несколько улучшилось. Мы свободно миновали границу Мертвого города, полюбовавшись напоследок на широкую искрящуюся ленту внизу, состоящую из множества «Электры». К счастью, эти «Электры» были обычных размеров, и хотя от ленты в нашу сторону потянулись ветвистые разряды, но не достали — пилоты резко набрали высоту и изломанные молнии, растеряв энергию, разочарованно опали вниз.

— Подлетаем к КПП «Паришев», — сообщил Призрак. — Если мне «Воронкой» память не вытрясло, то это далеко не «Дитятки» со взводом срочников и матюгальником на крыше. Они ж, типа, рядом со Стеной вероятного противника находятся, так что готовьтесь.

И почти сразу в наушнике послышался треск помех, какой случается при автонастройке широкополосного сканера. После чего раздался прокуренный голос, вещавший на корявом английском:

— Внимание, сообщение для пилотов неопознанного вертолета. Немедленно опознайте себя, прием!

Призрак с Японцем молчали, продолжая вести машину по заданному маршруту.

— Вы находитесь над охраняемой территорией экологического бедствия, — надрывался эфир. — Последний раз повторяю запрос, немедленно опознайте себя, иначе мы будем вынуждены открыть огонь!

— Да что вы говорите, — хмыкнул Меченый, сноровисто вскрывая еще один ящик и подавая товарищам зеленые цилиндры. В его голосе слышалась холодная ненависть stalkера, привыкшего при каждом удобном случае обмениваться с военными свинцовыми любезностями.

В третьем ящике обнаружился гранатомет РГ-6, смахивающий на мутанта, получившегося от скрещивания водопроводной трубы с «Наганом». Мутант получился

страшненьким с виду, но на удивление функциональным, за что и получил в Зоне прозвище «Бульдог».

Сноровисто скормив «Бульдогу» полдюжины гранат, Меченый набросил себе на плечо пару полных подсумков, после чего, недолго думая, отстрелял вниз весь боезапас и принялся вновь заряжать свое оружие, жуткое как с виду, так и последствиями применения в бою.

Последствия были наглядными. Похоже, одна из гранат попала то ли в цистерну с топливом, то ли в оружейный склад, но рвануло серьезно. Внизу мигом образовалось озеро пламени. Я уж надеялся, что мы проскочим блокпост без потерь, как пол вертолета внезапно покрылся дорожкой крупных рваных отверстий. Проводника, оказавшегося на пути этой дорожки, подняло в воздух. Пролетев пару метров, сталкер впечатался в борт и грохнулся на пол всей тяжестью экзоскелета, напоминая рыцаря, получившего на конном ристалище хороший удар турнирным копьем.

— Слева по борту «зэпушэка», — проорал Выдра.

Но я уже и без него разглядел установленную на пригорке и хорошо замаскированную зенитную пулеметную установку ЗПУ-4, состоящую из четырех крупнокалиберных пулеметов КПВ. Это она и вспорола наш вертолет, словно консервный нож. Сейчас наводчик прекратил стрельбу, доворачивая стволы вслед за движущимся вертолетом, но сомнений не было, что с земли вот-вот прилетит вторая счетверенная очередь, распиная наш вертолет на свинцовом кресте.

Самого стрелка-наводчика видно не было, лишь край каски виднелся над зенитным автоматическим прицелом. По нему-то я и выстрелил, сильно надеясь, что служивый окажется дисциплинированным и не пренебрегает подбородочным ремнем во время ведения боевых действий.

Мой расчет оправдался. Пуля сдернула стрелка с сиденья, и, судя по тому как он упал навзничь, резкий рывок головы назад сломал ему шейные позвонки. Понятно, что на место убитого тут же полез солдат из расчета, суетившегося возле установки, но Меченый уже успел перезарядить своего «Бульдога». Судя по тому, как он управлялся с опасным уродцем, оружие было ему хорошо знакомо.

Четыре выстрела из РГ-6 превратили холм с ЗПУ-4 в коктейль из земли, металла и человеческой крови. Что ж, на войне как на войне. И хоть я и не люблю убивать без нужды, сейчас была именно такая ситуация — или мы их, или они нас. Слишком часто законы войны становятся законами Зоны... И наоборот.

Вывод напрашивается неутешительный: Зона — это непрекращающаяся война. Но ведь никто не будет отрицать, что существует определенная категория мужчин, которые живут полной жизнью только на войне, а в мирное время ощущают себя ненужными и не находят себе места. Что ж, возможно, Зона — это просто место, где можно перекусить глазом псевдоплоти, отдохнуть от тещи и опостылевшей работы, хорошо выпить и поговорить в компании таких же головорезов, как ты сам, и, если потребуется, умереть как настоящий мужчина — рано, быстро и с оружием в руках...

Проводник, кряхтя, поднялся с пола. По нагрудной пластине его экзоскелета шла глубокая борозда, словно по ней пропахали плугом. Прихрамывая, сталкер дошел до скамьи, опустился на нее, нагнулся и попытался рассмотреть подошву.

В доспехах это получалось неважно. Со своего места мне было видно, что бронированный сапог, в каблук которого попала пуля калибра четырнадцать с половиной миллиметров, спас ногу сталкера, но сам раскололся на две части и держался на ноге чудом, только за счет верхних креплений.

— Подошве каюк, — сказал Проводник, оценив размеры ущерба. — Наемники, гады, сапожищи хреновые подсунули. Совсем у них совести нет. Похоже, сапоги эти вообще от другого экзоскелета.

— Так ты ж его сам выбирал, — отозвался Выдра, доспехи которого миновали крупнокалиберные пули.

— А это еще не все. От удара прибор ночного видения сдох, контейнеры для артефактов теперь только вручную открываются... — продолжал сетовать на судьбу Проводник.

— Дружище, не шелести особо, — посоветовал ему Меченый, присаживаясь на скамью и с наслаждением вытягивая ноги. — Живой — и скажи Зоне спасибо. А сапог сваркой прихвати, у тебя слева на бедре портативная есть, как раз для таких случаев.

— И вообще не экзоскелет, а недоразумение какое-то, — продолжал ворчать сталкер, доставая сварку. — Каких-то хреновин на нем непонятных понаворочено, только лишний вес от них, а толку никакого.

— Инструкцию почитай, — посоветовал ему Выдра. — Глядишь, и разберешься.

— Спасибо, друг, выручил ты меня, — задумчиво поблагодарил Проводник, довольно быстро и умело заваривая сапог. — Одной ногой на том свете уже стоял без твоего совета... пока, блин, другую чинил.

Он осторожно топнул подошвой по полу, потом еще раз...

— Смотри, насквозь не пробей, — лениво сказал Меченый. — У нас пол и так на ладан дышит.

— Не пробью, — буркнул Проводник, пряча сварку на место. — Долго нам еще в этой дырявой кастрюле болтаться?

— Скоро уже, — произнес Меченый и закрыл глаза...

Вывавшись за границы Зоны, вертолет летел над зеленым морем, в которое летом превращается Украина. Внизу в этом море порой мелькали островки населенных пунктов — небольших сел в десяток-другой бревенчатых домов, между которыми кипела нормальная человеческая жизнь.

Я жадно смотрел на все это, как на диковинку, вжимая в бровь резиновый наглазник прицела. Мужик, ведущий по дороге лошадь под уздцы. Ребятишки, играющие в придорожной пыли. Аист, выющий гнездо на старом телеграфном столбе. Пустые перевернутые крынки, надетые на плетень... Словно и не было рядом Зоны — иного мира, отгороженного от этой жизни рядами колючей проволоки и минными полями. И будто в нескольких километрах не начинался пояс Второго кольца обороны. Что заставляет людей жить в двух шагах от смерти? Подпольная торговля артефактами, оружием и всем необходимым для сталкеров-смертников, отправляющихся в Зону? Может быть, и так, но, думаю, вряд ли только это. Здесь обжитая предками земля, которую бросить — как от себя кусок оторвать. Да к тому же жизнь человеческая зачастую скучна и однообразна, а здесь, рядом с Зоной, каждый день хоть небольшое — да приключение. Или ожидание такового, что уже само по себе наполняет жизнь смыслом.

— Кулажин пролетели, — доложил Призрак. — Выходим на расчетную точку.

— Это хорошо, — сказал Меченый. — Так, собираемся, готовимся к...

— Погоди, командир, — раздался в наушнике бесцветный голос Японца. — Мы тут с Призраком посоветовались и хотим кое-что предложить.

«Интересно, как это они посоветовались? — промелькнуло у меня в голове. — Связь я не отключал, и никто по ней не разговаривал. Мысленно, что ли, они там общались? Хотя черт его знает, французский инструктор по рукопашке говорил, что на Востоке многие Мастера так и беседуют, не напрягаясь и не сотрясая воздуха впустую. Искусство харагэй, недоступное „белому человеку“. Видимо, недоступное до тех пор, пока его не начнут учить этому секретному знанию воинов прошлого...»

— В общем, вы сейчас десантируетесь на землю и ждете, — произнес Японец. — А мы с Призраком делаем следующее...

КИЛЛЕР

Вертолет был весьма послушной и маневренной машиной до тех пор, пока не побывал в аномалии и не получил в брюхо очередь из ЗПУ-4. Пока что Виктору с Призраком

удавалось удерживать его в воздухе, но это было ненадолго. В любую минуту машина могла рухнуть за землю неуправляемой грудой металла. Но знать об этом остальным сталкерам было необязательно, они и так навоевались за последний час по самые «не хочу», пусть немного отдохнут.

Поневоле Виктор начал проникаться уважением к этим людям, просто не умеющим признавать поражение. Наверно, это и есть неперемное качество воина-сталкера, без которого в Зоне просто нечего делать.

Он быстро нашел общий язык с Призраком — если это, конечно, можно так назвать. Скорее, это были общие мысли — ведь их обоих учили специалисты одних и тех же направлений древнего искусства нинпо, принадлежащие к конкурирующим кланам якудза. Что нисколько не мешало их общению, тем более что уж им-то делить было точно нечего. Во всяком случае, в данный момент.

Понятно, что попытка добраться на вертолете до Саркофага была заранее обречена на провал — скорее всего, машину расстреляют еще на подлете к Стене. Как только «вертушка» взлетела над Дикими Территориями, ожил динамик дальней связи:

— «Аризона-два», говорит база. Немедленно доложите обстановку! «Аризона-два», как слышите, прием!

— А пошел ты, — сказал Призрак, вырубая дальнюю связь и снимая наушники. — Прилетим на место — побеседуем.

Всю дорогу Виктор с Призраком обменивались мыслями по поводу преодоления Стены и, наконец, кое-что придумали. План был безумный и крайне опасный, но когда Призрак изложил его Меченому, тот согласился, что предложенная идея лучше его первоначального плана.

— Хотя только полные психи могли додуматься до такого, — добавил он напоследок...

Пилоты высадили сталкеров в километре западнее крохотного хутора Уласы, почти не снижая хода вертолета — машину наверняка уже давно вели американские радары, но пока еще она не пересекла зону прямой видимости. Три человеческих фигуры соскользнули вниз на десантных тросах, два сталкера в экзоскелетах от них не особо отстали — в тяжелых костюмах для таких случаев была предусмотрена специальная встроенная лебедка.

Вертолет был совсем плох. Правый двигатель уже стучал словно пулемет, вот-вот заглохнет. И дымок из-под брюха вертолета шел достаточно густой для того, чтобы предположить возникновение локального пожара. Меченый с Клыком очень надеялись на то, что американцы так и подумают, разводя костер из промасленных тряпок прямо на стальном полу винтокрылой машины. Помимо этого перед десантированием Меченый вскрыл последний зеленый ящик и удовлетворенно кивнул, убедившись, что наемники все сделали как надо. И хотя первоначальный план претерпел значительные изменения, содержимое зеленого ящика по-прежнему играло в нем не последнюю роль.

Высадив экипаж, пилоты направили машину вперед.

Стена, до этого больше похожая на широкую серую полосу, вырастала прямо на глазах. Это было поистине грандиозное сооружение высотой с пятиэтажный дом, собранное из бетонных блоков. Поскольку оно было сугубо функциональным, стыки никто не потрудился замазать, и оттого Стена издали вызывала ассоциации с конструктором «Леко». По всей ее видимой площади в три ряда через равные промежутки выпирали встроенные бронеколпаки, щетинившиеся разнокалиберными стволами. Верхнюю часть Стены венчали антенны разных форм и размеров, уже вполне узнаваемые генераторы излучения, препятствующего избыточному выделению энергии, а также зенитные автоматические пушки, некоторые из которых были красноречиво направлены на приближающийся вертолет.

Машина зависла на одном месте. Призрак врубил дальнюю связь. В динамике зашуршало, знакомый голос со специфическим акцентом произнес на английском, который лингвисты уже давно называют американским:

— «Аризона-два», какого дьявола вы нарезаете круги вокруг Зоны, хотел бы я знать, и при этом не отвечаете на запросы? Немедленно доложите обстановку!

Виктор положил пальцы на гортань как пианист на клавиши рояля и, аккуратно нажав на голосовые связки и трахею, произнес хриплым, слабым голосом тяжелораненого:

— Сэр... Иваны вырезали десант подчистую... Я сумел вывести машину из этого ада, сэр...

— Ты ранен?

— Так точно, сэр... Второй пилот без сознания. Все как в тумане, спутниковая навигация не работает, бортовая радиоэлектроника сошла с ума... Я побоялся вести машину на ручном управлении напрямик через Зону... На борту начинается пожар...

— Посадить вертолет вручную сможешь?

— Так точно, сэр... Но дайте коридор побыстрее, я долго не продержусь...

— Немедленно коридор «Аризоне-два», мать вашу! — проревело в динамике. — Шевелитесь, ублюдки!

Две ближайшие антенны генераторов излучения медленно повернулись в разные стороны, стволы автоматических зенитных пушек уставились в небо, словно сторожевые собаки, получившие от хозяина команду «Фу!» и демонстративно показывающие, насколько им наплевать на потенциальную жертву.

Вертолет медленно двинулся вперед, рыская носом, словно тяжелораненое животное. Еще мгновение — и он завис над стеной.

— Держись, сынок, — потеплевшим голосом произнес голос в наушниках.

— Скажи это тем парням, которых ты бросил умирать на Дикой Территории, — произнес Виктор своим обычным голосом, нажимая на блокиратор двери. Призрак сделал то же самое. В его левой руке был зажат крохотный пульт, который передал ему Меченый, перед тем как покинуть борт вертолета.

До верхней площадки Стены было метров пять.

— Давай, — произнес Виктор, бросая машину вниз и пинком распахивая дверь.

Призрак вдавил в пластиковый корпус единственную кнопку. В крохотном окошке, расположенном над кнопкой, появились цифры «00.05», сразу же сменившиеся на «00.04»...

За мгновение до того, как вертолет врезался в верхнюю часть Стены, с разных сторон из кабины пилотов выпрыгнули две человеческие фигурки и с нечеловеческой скоростью рванули мимо антенн и зенитных пушек. На Стене находилось немало людей — орудийные расчеты, обслуживающий персонал, офицеры, — но никто из них не обратил внимания на пробегающие мимо, смазанные от скорости силуэты. Их взгляды были прикованы к бронированной летающей машине, которая, врезавшись в Стену, выбила из нее десятков бетонных блоков и сейчас медленно разваливалась на составляющие.

Вращающийся винт смел со Стены несколько человек, срезал антенну стационарной радиолокационной станции обнаружения и разлетелся на части. Одна из этих частей, пролетев по воздуху, словно гигантская метательная пластина, рассекла шею наводчика зенитной пушки, но никто из зрителей не отвлекся на фонтан крови, хлещущий из перерезанных артерий, — людям свойственно не обращать внимания на мелочи, когда в их жизни наступает действительно важное и значительное событие. Например, смерть.

Огненный вихрь вырвался из брюха гибнущего вертолета. Мощный взрыв в мгновение ока разметал во все стороны огромные глыбы бетона, орудийные стволы, человеческие тела — вернее то, что от них осталось. Воспламенившееся горючее выплеснулось из развороченных баков и, словно напалм, залило пространство в радиусе полусотни метров. Стена, из которой направленный взрыв вырвал глыбу сцементированного бетона размером с «БелАЗ», треснула до основания и стала похожа на развороченную доску, из которой стоматолог-недоучка выломал щипцами сложный зуб.

...Две фигуры возникли на пути Виктора, неуверенно поднимая свои М-16. Черная молния, вылетевшая из ножен, легко перерубила руку, палец которой был уже готов нажать на спусковой крючок. Второй военный, видя такое дело, раздумал стрелять и попытался закрыться своей винтовкой. Что ж, разумное решение. На бегу Виктор слегка подпрыгнул и ударил пяткой в незащищенное солнечное сплетение. Солдат охнул и улетел за бетонный бруствер Стены. С учетом бронежилета, каски и солидного рюкзака, которыми снабжает

своих защитников Дядя Сэм, у парня имелись все шансы не сломать себе шею и остаться в живых.

Со Стены вели вниз широкие бетонные лестницы. По одной из них Виктор и спустился, не встретив на пути никакого сопротивления, — все, кто остался жив на этом участке, бежали к месту взрыва, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Это было не очень хорошо — как раз в это время к разлому подбегали пятеро сталкеров, высаженных с вертолета. Поэтому Виктор бросился следом за бегущими...

У разлома уже собралось человек пятнадцать. Половина из них, вооруженная огнетушителями, заливала пламя, другая половина пыталась оказать помощь раненым.

«Через пять минут здесь будет половина гарнизона», — подумал Виктор, нащупывая в карманах камуфляжа два продолговатых цилиндра.

— Эй, ты, почему стоишь на месте? И кто ты такой, черт побери?

Виктор обернулся на окрик, исполненный все на том же корявом английском.

Перед ним стоял мордатый спецназовец с нашивками с сержанта. На рукаве его формы с засученными рукавами красовался синий щит с мечом и тремя молниями, над которым шла красноречивая надпись «Airborne».

— Турист, — сказал Виктор, обезоруживающе улыбаясь.

— Tourist?

Брови «зеленого берета» поползли вверх, но движение окончить не успели. Их хозяин внезапно заорал:

— Hands up, mother fucker! — ловко при этом расстегивая кобуру здорового неуставного «Кольта», висящего у бедра.

Виктор послушно поднял руки вверх, но при этом сделал скользящий шаг влево и вперед. Правая ладонь легла на лицо сержанта, резко надавив основанием большого пальца на корень мясистого носа, а предплечьем левой Виктор, словно палкой, ударил противника в область почек.

Голова «зеленого берета» от нереальной боли запрокинулась вверх, и он, прогнувшись в пояснице будто гимнаст, собирающийся встать на «мостик», с глухим стуком впечатался затылком в асфальт. Удар носком берца в пах довершил дело.

— В следующий раз носи каску, — бросил Виктор по-русски, но произнесенные слова пропали впустую — отключившийся от нереальной боли сержант уже не мог его услышать.

Короткую схватку заметили те, кто суетился у стены. Один из военных отбросил в сторону огнетушитель и попытался перекинуть винтовку со спины в руки. Но Виктор оказался быстрее, швырнув в толпу одновременно обе дымовые гранаты, при этом один из цилиндров угодил точно в лоб незадачливому стрелку.

Виктор бросился за угол бревенчатого строения, расположенного неподалеку, и успел заметить, как в толпу военных полетели еще гранаты, правда не дымовые, — вернувшийся к месту катастрофы Призрак и Проводник, стоявший на гребне разлома, были не столь гуманны.

Прогремевшие один за другим взрывы раскидали людей словно кегли, а из клубов дыма выбежали пятеро сталкеров, успевших в суматохе незаметно достичь Стены и перелезть через разлом, на девять десятых уменьшивший высоту пятиэтажного препятствия. Виктор махнул рукой, и сталкеры побежали к классической деревенской хате, сохранившейся еще со времен Первого взрыва.

— Спасибо пожарникам, огонь сбили, — выдохнул Проводник, подбегая к дому, укрытому густыми зарослями одичавшей малины. — Когда лезли через разлом, бетон еще горячим был.

— Знатно ты их отблагодарил, — кивнул Виктор.

— Это Зона, Японец, — серьезно сказал Меченый. — Запомни это. Здесь если не ты — то тебя, и по-другому не бывает.

— И еще здесь каждый сам за себя, — напомнил Снайпер.

— Собачимся? — осведомился подоспевший Призрак. — А, между прочим, пиндосы сейчас очухаются, и будет нам всем небо в алмазах.

Виктор огляделся.

За хатой из желтой осенней листвы выглядывали еще дома такого же плана — хоть и сложенные из деревянного бруса четверть века назад, но с виду вполне еще пригодные для жилья. Стены хат были выкрашены в защитный зеленый цвет, крыши затянуты маскировочной сеткой, дорожки между домами чисто выметены...

— Село Машево, — произнес Меченый. — Похоже, обслуживающие Стену пиндосы здесь разместились. Ладно, хрен с ними. Надо, пока они не очухались, успеть до ЧАЭС добраться. Отсюда близко, километра четыре будет.

— За полчаса доберемся, если ничего не случится, — бросил Проводник.

— Вот именно, если ничего не случится, — заметил Снайпер.

СНАЙПЕР

Мы бежали прямо по дороге, почти не скрываясь. Машево осталось за нашими спинами, впереди лежала заросшая серой травой грунтовка. Дорогой давно не пользовались, и она практически сравнялась с унылым и однообразным травяным ковром, обычным для Зоны. Я в который раз удивился — только что мы неслись сквозь заросли буйной зелени, перелезли через Стену — и вот вам, получите опять вечную осень.

Но осень — это не крупнокалиберные пули, можно и перетерпеть мелкую морось, сыплющуюся с неба, пронизывающий ветер, норовящий залезть ледяными пальцами под камуфляж, и унылые, однообразные ландшафты, раскинувшиеся по обеим сторонам дороги. А вот с пулями хуже, особенно если за тобой выслано звено вертолетов, а из контрмер у вас на весь отряд только последняя оставшаяся «Муха».

Рокот «вертушек» за спиной мы услышали почти сразу, не отбежав еще и километра от Машево. Слева от нас раскинулся лес, окутанный осенней золотистой листвой, под прикрытием которой мы и свернули с дороги.

— Хорошо, что хоть лес не рыжий, — проворчал Проводник, изрядно запыхавшийся в своем экзоскелете несмотря на сервомоторы, увеличивающие общую силу и выносливость бойца. — А то помню как-то забрел туда — еле живой выбрался. Радиация зашкаливает, мутантов — что котов недавленных...

— Воспоминания потом, — прервал его Меченый, привычными движениями срывая ветки. Их он совал в специальные петли на пыльнике, сноровисто превращая обычную сталкерскую одежду в маскхалат. — Сейчас скрытно идем через лес, направление — юго-запад. В чашу не углубляться, хрен его знает, что там водится. Задача — выйти в точку В, к селу Красное. Рванули.

Судя по тому, как Меченый ориентировался на местности, маскировался и раздавал команды, можно было смело сделать вывод — когда-то он прошел неслабую армейскую школу. Жаль, если он действительно ничего не помнит о своем прошлом до того момента, как попал в Зону...

«Вертушки» покружили над дорогой, несколько раз для острстки непроизвольно прошлись «Миниганами» по лесу, сшибая на землю тучу изорванной в клочья листвы, древесной трухи и клочьев «Жгучего пуха» и, несолоно хлебавши, отправились обратно на базу пополнять топливные баки и боезапас.

— Обломился вероятный противник, — злоратно проговорил Клык.

— Скорее, признал тактику неэффективной, — отрезвил его Меченый. — Думаю, так просто они от нас не отстанут.

Справа между деревьями показались крыши деревенских домов. Я поднял бинокль и осмотрел окраину села — вернее, то, что от нее осталось.

Красное выглядело не в пример хуже Машева. Полуразвалившиеся дома вросли в землю, напоминая изуродованных мутациями снорков, приготовившихся к атаке, — такие же облезлые и полусгнившие. Ползучие кусты хищно обвивали стены хат, похожие на сильно удлиненные щупальца кровососа. Лишь практически не тронутая временем белая

деревянная церковь возвышалась над этими надгробиями прошлой жизни, словно невеста, по нелепой случайности забредшая на кладбище.

— Село оставляем по правую руку, идем по прямой, — скомандовал Меченый.

Все, было двинулись вперед, когда со стороны села вдруг отчетливо послышался истерический детский крик. Визг ребенка достиг самой высокой ноты — и прервался, словно мальцу грубо зажали рот либо просто одним ударом перерезали горло.

— Что за хрень? — обернулся на нас Клык. — Никогда такого не слышал.

— Надо дальше идти, — сказал Проводник. — Это Зона, мало ли какая там может быть замануха.

— Может, и замануха. А может, и не она, — сказал я, передергивая затвор своего ВСК-94. — Вы как хотите, а я пойду посмотрю, что там.

— Я с тобой, — невозмутимо произнес Японец.

Интересно, а этот-то куда собрался? Я внимательно посмотрел ему в глаза. Тот вернул мне взгляд, в котором ясно читалось: «В душу не лезь, ладно? Пошли, да». Хммм, надо же, киллер, у которого осталось что-то человеческое в душе. Такое, пожалуй, только в Зоне и встретишь — аномалия ходячая, да и только.

— Мы вас сзади прикроем, — сказал Меченый. — Если что — в бой не вступать, отходите сюда.

— Принято, — кивнул я. И пошел.

Рядом шагал наш потенциальный убийца. Оружия никакого, разве что японский меч у бедра. Подумав, я протянул ему свой ВСК-94 и запасной магазин к нему.

— Обращаться умеешь?

Тот, не выпендриваясь, оружие принял и кивнул — то ли подтвердил, что в курсе насчет того, где у снайперского комплекса спусковой крючок, то ли поблагодарил. Будем считать, что и то и другое в одном флаконе, как известный шампунь.

Сам я извлек из кобуры трофейную «Беретту», перешедшую ко мне по наследству от снайпера-наемника. В ближнем бою от СВД толку мало, а вот мощный пистолет может оказаться даже лучше любого автомата.

Вблизи трухлявые избы производили еще более тягостное впечатление. Их словно грызли зубами или когти о них точили — бревна были неслабо разлохмачены, из стен торчали отслоившиеся, изломанные щепки, на которых местами болтались клочья сгнившего вонючего мяса. Запах был еще тот, будто кто-то разрыл десяток старых могил, приволок сюда их содержимое и обильно удобрил им запущенные и заросшие сорняками огороды.

По-хорошему, надо было поворачивать назад, но тут я услышал тихий и безутешный детский плач. Ребенок хныкал за ближайшей хатой, и столько было в том плаче безысходности, что мы с Японцем, не сговариваясь, пошли вперед, не забывая при этом держать оружие наготове.

Мы обошли хату справа, минуя всякий хлам, разбросанный по двору — ржавая дверца от «ГАЗ-66», дырявое ведро, какие-то почерневшие кости, — завернули за угол... и замерли.

На завалинке сидела женщина в неимоверно грязных лохмотьях и кормила грудью ребенка, завернутого в какие-то тряпки. Грудь кормилицы больше напоминала сморщенный кусок кожи, натянутый между ее лохмотьями и ворохом черного от грязи тряпья.

Но самое жуткое было не это.

На стене дома висела распятая девочка лет двенадцати. Всаженные в ее руки и ноги отломанные зубья вил покрывала темная корка запекшейся крови, изуродованные ржавые вилы валялись тут же возле стены. Из-под лоскута кожи на шее девочки свешивалась вниз разорванная мышца, похожая на толстого обезглавленного червяка. Распятая была абсолютно голой, и все ее тело покрывали страшные зияющие раны со следами человеческих зубов.

Кормящая мать медленно подняла голову и улыбнулась остатками губ, показав беззубые десны. Десны были видны полностью, так как щеки не закрывали обзор — на их месте зияли провалы с гнойной окантовкой по краям. Один глаз у женщины отсутствовал, но в пустой глазнице чутко шевелились обрывки глазных нервов. Второй представлял собой

сплошной кровавый сгусток с неровным разрезом на месте зрачка — того и гляди развалится на две части.

— Еда, — отчетливо произнесла женщина — и снова улыбнулась, чмокнув деснами.

— Еда, — жутко провыла распятая девочка, которая, подняв голову, не мигая, смотрела на нас со стены абсолютно белыми глазами.

— Еда, еда... — зазвучало со всех сторон.

Из хат дерганой походкой выходили люди... Люди ли? Живые трупы, с которыми я сталкивался еще на Кордоне. Но этих было много, очень много. И откуда их столько повылезало? В подвалах, что ли, скрывались, штабелями сложившись?

Кормящая мать встала со скамьи, уронив на землю сверток. Из него выпал полностью высохший трупик грудного ребенка. От удара у него отвалился фрагмент плеча, похожий на кусок древесной коры, но мать это нисколько не беспокоило. Ее интересовало другое.

— Еда, — повторила она, протягивая ко мне руки со скрюченными пальцами. Отросшие и обломанные на концах темно-желтые ногти придавали им полное сходство с когтями.

Я нажал на спусковой крючок «Беретты», и голова нерадивой мамыши разлетелась, словно гнилой орех. Зомби, распятой на стене, это жутко не понравилось, и она заверещала тонко и пронзительно. Именно этот вопль мы слышали, когда собирались пройти мимо села живых мертвецов. Ишь ты, манок на стенку повесили, дичь двуногую приманивать! Судя по количеству разбросанных между домами человеческих костей, которые сейчас вминала в грязь ногами толпа зомби, играть на доброте людской у дохлых, но хитрых порождений Зоны получалось довольно неплохо.

Они имели богатый опыт подобной охоты. Справа и позади нас, там, где не было домов, словно гнойные нарывы вскрывались присыпанные желтой листвой незаметные холмики могил, из которых лезли новые и новые мертвецы. Похоже, зомби научились закапываться в землю и ждать в своеобразном анабиозе, пока жертва не подойдет достаточно близко. Что ж, эволюция налицо. Так и вправду гораздо удобнее охотиться, нежели неприкаянно шлаться туда-сюда в надежде заловить кого-нибудь теплокровного.

Кольцо смыкалось. Японец неплохо справлялся, стреляя одиночными. Зомби падали с дырами в черепах, но на их место тут же лезли трое новых. Он сменил магазин, но на пятом выстреле ВСК-94 заклинило. Снайперский комплекс выработал свой ресурс. Напоследок Японец ловко метнул свое оружие, проломив голову здоровенному мертвецу, — тот неуклюже повалился на землю с лицом, вмятым внутрь черепа ударом приклада.

В моей «Беретте» закончились патроны. Я сунул пустой пистолет в кобуру и достал из ножен «Бритву». Моему ножу, как и мне, не привыкать разбираться с живыми мертвецами.

Японец уже вовсю орудовал своим мечом, негромко приговаривая что-то по-японски при каждом ударе и пытаясь прорубить путь к отступлению. У него это получалось весьма впечатляюще, но толпа зомби была слишком плотной. К тому же ходячие трупы приноровились прикрываться еще дергающимися телами своих обезглавленных товарищей. Не такие уж они тупые как кажется, некоторые, кстати, даже с огнестрельным оружием управляют, и для мертвецов довольно хорошо это у них получается — помнится, в Легионе некоторые новички стреляли и похуже тех зомби, что я относительно недавно прирезал на Кордоне.

Если б они двигались немного шустрее, мы бы уже давно были разделаны на бифштексы. Ближайшему зомби я привычно снес голову «Бритвой», второго обратным движением рассек от плеча до пояса. Гнилое мясо резалось легко, но не легко убивалось. Располовиненный труп все равно продолжал ползти ко мне, хотя отсеченная половина тела ему изрядно мешала, словно прицеп за грузовиком, болтаясь сзади на одном позвоночнике.

Колышущаяся стена тел была уже совсем рядом, когда я услышал за их спинами равномерное хеканье, с которым умелые дровосеки рубят распиленные березовые чушки. Стена мертвецов дрогнула — и распалась. Атак с тыла не любит никто, даже полумразумные зомби.

Нам с Японцем открылась интересная картина. Забрызганный гноем с головы до ног, сквозь толпу ходячей мертвечины прорубался Клык с двумя ножами в руках. Самих ножей видно не было — руки сталкера двигались с нереальной скоростью, словно пара вентиляторов, каждый удар лопасти которых сносил голову одному из мертвецов.

Видя такое дело, мы с Японцем усилили встречную атаку.

Кольцо ходячих трупов дрогнуло — и распалось с недовольным ворчанием. Мы бросились вперед, скользя подошвами ботинок в вонючей жиже, натекающей из ран зомби, и изо всех сил стараясь не грохнуться напоследок в это месиво.

— Че-то долго вы, — сказал Клык, брезгливо стряхивая желто-зеленый гной с клинков, покрытых замысловатой вязью. Теперь понятно, откуда у него такое прозвище. Нож «Клык», откованный из дамасской стали, я видел в каталоге, который от нечего делать листал на базе ученых, и сейчас именно такие ножи сталкер сжимал в обеих руках.

— Неплохая школа ножевого боя, — похвалил Японец, не сводя глаз с толпы зомби, которые стояли молчаливой стеной, пялясь на нас бессмысленными глазами.

— Взаимно, — хмыкнул Клык. — Ну че, погнали, что ль?

Зомби, не шевелясь, продолжали глядеть нам вслед, и я готов был поклясться, что в их белых глазах застыло вполне человеческое сожаление по поводу столь неудачной охоты...

— Меня Меченый послал, — на бегу пояснил Клык. — Говорит, чует мое сердце — щас эти защитники угнетенных поймут, что в Зоне плач ребенка это на девяносто девять процентов звездеч спасателю. Что при этом не мешает надеяться на один процент чуда, а детишек в беде оставлять нехорошо.

Я бежал и думал о том, что до сих пор так и не понял, но каким законам живет Меченый. То «каждый сам за себя», то «порой я даже даю аптечку какому-нибудь уроду в толстовке» и «детишек в беде оставлять нехорошо»...

— Они будут ждать нас пятнадцать минут у опушки возле озера Белого, — сказал Клык. — Потом дальше к ЧАЭС двинут.

Это тоже правильно. Если пара сердобольных членов отряда решила помочь в беде ближнему, это не значит, что нужно рисковать всем отрядом. Уже спасибо Меченому за то, что послал подмогу и принял решение подождать нас, несмотря на приближающийся Выброс.

И тут мы услышали выстрелы.

Бой шел совсем рядом, прямо за деревьями. Даже отсюда были видны огненно-белые вспышки и пятнистые спины тех, кто стрелял в наш отряд.

Получается, что мы оказались в тылу погони. Пока я, Японец и Клык воевали с зомби, нашим маршрутом следом за группой Меченого прошел отряд «зеленых беретов».

Что ж, может, даже и к лучшему, что мы несколько отстали от товарищей.

Стараясь не шуметь, мы добежали до деревьев. Я осторожно выглянул из-за векового ствола.

Угу, насчет спецназа понятно. На краю опушки залегла группа пехотинцев, числом десять. Залегла грамотно, полукругом, скрываясь за кочками, коих на той опушке было изобилие. Со стороны леса вяло отстреливались наши товарищи — не иначе патроны берегли. В общем, стандартная ситуация, если бы не одно «но».

Умело прячась за кочками, на позицию Меченого двигались... две юркие хреновины на гусеничном ходу. По-другому не назвать. Просто не представляю, как иначе могут обзывать крупнокалиберный пулемет М240 и шестиствольный сорокамиллиметровый гранатомет на гусеницах, каждый высотой по пояс взрослого человека.

Хреновины, повизгивая движками, обстоятельно выбирали позицию, но пока им ничего не нравилось. Группа Меченого предусмотрительно не высывалась из-за укрытия, и теперь становилась понятна причина их вялого ответного огня.

За деревьями мелькнула фигура в экзоскелете, и пулемет отреагировал мгновенно, полоснув очередь по цели.

Та едва успела скрыться за деревом, из которого пули М240 выступали видимый даже отсюда веер опилок.

Но и это было еще не все.

Слева между деревьями осторожно пробиралась еще одна хреновина. Вместо гусениц она имела пару гибких, подвижных ног, соединенных платформой, на которой, как слепая собака носом, водил пачкой стволов все тот же «Миниган М134М», который в настоящее время, похоже, заменил современным американским ковбоям шестизарядный «Кольт» времен Дикого Запада.

— Опаньки, как мы вовремя, — прошептал мне на ухо Клык. — Блин, только я свою пушку Призраку оставил, не люблю ножами махать, когда что-то сзади болтается. Как думаешь, они автономные или ими кто-то управляет?

Я показал глазами на молодого щуплого спецназовца, почти целиком поместившегося в яме, полуприкрытой от нас кустами. Очкастый парень вообще сидел спиной к полю боя и увлеченно тыкал пальцами в обычный iPad, словно компьютерную игрушку гонял. Только убивать в той игрушке предполагалось не нарисованных врагов, а самых настоящих людей.

Но парня это мало интересовало. Он был по уши увлечен игрой, ведь охота на людей — что компьютерных, что реальных — всегда остается одним из самых увлекательных занятий, а на экране нарисованную кровь невозможно отличить от настоящей.

Игрока прикрывал мордатый негр с М-16 в руках, расположившийся в соседней яме и зорко глядящий по сторонам. Оба «зеленых берета» сидели лицом в мою сторону, и это было нехорошо. Отработаю «игрока» — бдительный негр может успеть среагировать. Уберу негра — юноша может одним движением пальца успеть дать команду своим роботам, и тогда моя задумка погибнет вместе со мной и всей остальной группой Меченого.

Я показал Клыку глазами на обоих и прошептал.

— Сможешь по-тихому?

— Не вопрос, — прошептал сталкер, извлекая из ножен пару своих стальных тезок. — Лови гостинчик, пиндосина!

Короткий взмах рукой — и негр, выпучив глаза, попытался вытащить торчащую из горла деревянную рукоять. Но «Клык» вошел слишком глубоко в шею и наверняка застрял между шейными позвонками. Безрезультатно дернувшись еще пару раз, спецназовец пустил на воротник камуфляжа струйку розовой, пузырящейся слюны и безвольно сполз на дно ямы.

Клык метнул второй нож. Узорчатый клинок расколол правое стекло очков юного компьютерщика и глубоко вошел в глаз. На сенсорный экран частой дробью закапала кровь — не нарисованная, а самая настоящая, увидев которую, возможно, корректировщик боевых роботов призадумался бы насчет того, насколько бывает больно людям, в плоть которых вонзается сталь или горячий свинец. Но увидеть он уже ничего не мог даже уцелевшим вторым глазом. Давно подмечено, что тех, кто пришел воевать по глупости или недомыслию, война щадит, и они умирают сразу, не мучаясь от ран, сепсиса, перитонита и приходящих во сне навязчивых призраков тех, кого они убили...

Лишенные корректировщика, роботы замерли, недоуменно поводя стволами туда-сюда. Сейчас они очень живо напоминали собак, оставшихся без хозяина.

Спецназовцы, почуввав неладное, подобно роботам, принялись озираться по сторонам, пытаясь понять, что случилось. Но времени на это я им не дал.

СВД уже лежала у меня в руках, и целиться мне было не нужно — пехотинцы лежали фактически прямо передо мной, словно мишени в городском тире, и без разницы было, из чего стрелять по ним с такого расстояния — из пистолета или из смертоносной снайперской винтовки — в любом случае не промахнешься.

Пока «зеленые береты» сообразили, что с тыла их быстро и планомерно отстреливает снайпер, половину отделения я уже отработал. Оставшаяся половина принялась палить во все стороны, один из спецназовцев вскочил и бросился в лес. Но из-за дерева мелькнул черный клинок — и голова в каске покатилась в кусты. А тело само пробежало еще несколько шагов, прежде чем, выронив винтовку, споткнуться и рухнуть на землю, щедро окрашивая красным серую траву Зоны.

Трое оставшихся спецназовцев, наконец, поняли, откуда стреляют, развернулись на сто восемьдесят градусов и сосредоточили огонь на дереве, за которым я укрылся. Что ни говори, парни хорошо знали свое дело и получали свои деньги от Дяди Сэма не зря. За соседним деревом охнул и схватился за рукав Клык. На его куртке чуть выше левого локтя мгновенно расплылось темное пятно.

— Черррный сталкер вас поберит! — пробормотал Клык, быстро вытаскивая из кармана свернутую резиновую ленту — неременную спутницу, как профессионального солдата, так и любого жителя Зоны. Перекинув ленту через бицепс, он сноровисто затянул узел и улыбнулся:

— Ничего, нормалек, прорвемся.

И словно убедительная точка в конце его фразы мне под ноги упала граната, с виду смахивающая на нашу РГД-5, только немного вытянутая и больше похожая на куриное яйцо, окрашенное в оливково-серый цвет.

Думать было некогда, и я бросился вперед, чуть не столкнувшись с Клыком. Но в последнее мгновение я успел выдернуть из-под его живота американский подарочек и отправить его обратно. Трюк неочевидный, срабатывающий примерно один к ста, ведь профессиональные вояки не бросают гранаты сразу, а отсчитывают пару секунд перед броском. Делают они это именно для того, чтобы противник не успел понять, что отлично обойдется без презента с той стороны, и не попытается вернуть его владельцу. Но, насколько я помнил ТТХ штатовской М61, задержка у нее составляла от четырех до шести секунд, и я очень надеялся, что сейчас сжимаю в руке именно задумчивый вариант осколочного «киндер-сюрприза».

Не везет только тем, кто ничего не делает. Нам повезло.

Граната разорвалась в воздухе, хлестанув осколками по деревьям, кустам, трупам, боевым роботам и оставшимся в живых «зеленым беретам». Не теряя времени, я высунулся из-за дерева и двумя выстрелами из СВД довершил уничтожение живой силы противника.

Но я не учел, что на поле битвы осталась еще и неживая сила, как оказалось обладающая собственным агрессивным интеллектом.

С края поляны по нашей позиции заработал «Миниган», и я получил полную возможность оценить мощь современного потомка знаменитого пулемета доктора Гатлинга.

Кусты вокруг меня мигом превратились в труху, какой-то микроскопический острый сучок рассек кожу на подбородке не хуже опасной бритвы. При этом я спиной ощущал, как шквал свинца целенаправленно перепиливает ствол дерева, чтобы добраться до меня. Умная машинка, этот робот, который умеет с тупым упорством добиваться своей цели, — именно такая тактика зачастую оказывается выигрышной, причем не только в бою.

Со своего места я видел край опушки, и это единственное, что мне оставалось, — рассматривать кусок пустого места, густо заросшего травой, так как пошевелиться я не мог без риска получить десяток пуль в высунувшуюся наружу конечность. И я видел, как по этому пустому месту ползет Японец со скоростью, невообразимой для обычного человека. Его тело словно не имело костей, струясь по траве, вжимаясь в нее, становясь с ней одним целым. Я ни разу не видел, чтобы человек мог проделывать подобное.

Японец по совершенно открытому месту полз к яме, в которой валялся труп корректировщика, убитого Клыком. Он сильно рисковал — если б роботы его заметили, от него через мгновение не осталось бы и мокрого места. Но «Миниган» на ножках был слишком занят процессом выковыривания меня из-за дерева, а низкорослые пулемет с гранатометом, наверно, просто не могли засечь его из-за кочек, усеивающих опушку.

Короче, у него получилось. Японец дополз до ямы, взял в руки iPad, стер рукавом с сенсорного экрана еще не успевшую свернуться кровь и несколько раз ткнул пальцем в его поверхность.

И сразу стало очень тихо.

Давящую на уши тишину нарушил недовольный голос Клыка:

— Ну все, что ли?

— Похоже на то, — сказал я, осторожно высовываясь из-за дерева.

Это и вправду было все.

Приземистые роботы неподвижно стояли посреди поля боя, похожие на большие игрушки, которые забыл на краю леса ребенок великана. Неподалеку, уныло повесив книзу охапку смертоносных стволов, стоял ходячий «Миниган». И лишь по лежащим на земле окровавленным трупам спецназовцев можно было понять, что это не декорации к фантастическому фильму, а суровая действительность.

Из-за деревьев показались четверо сталкеров и подошли к нам.

— Ну и воняет от вас, — вместо «здрассте» выдал Меченый, покрутив носом. — Зомби, что ли, оприходовали одну на троих?

— Это они пацанов чуть не оприходовали, — буркнул Клык, выдергивая свой нож из глаза мертвеца. — Ты их потому и отпустил так легко, что весь этот бой заранее просчитал?

— Почему я их отпустил, я тебе уже сказал, — отрезал Меченый. — Зацепило, что ли?

— Ага, — безразлично сказал Клык, распарывая рукав. Из-под отяжелевшей от крови материи показалось кровоточащее мясо. — Трицепс навывлет пробило. Кость вроде целая, и на том пиндосам спасибо.

С этими словами Клык извлек из кармана вещмешка небольшой свинцовый контейнер, отвинтил крышку и достал оттуда пластырь, в центре которого был прилеплен небольшой круглый камешек, неестественно ярко светящийся изнутри. Клык одним шлепком прилепил пластырь прямо на рану и зажмурился, словно от удовольствия.

— Ты ж с него сам через сутки светиться начнешь, что твоя «Электра», — неуверенно произнес Проводник.

— Ну и что? — дернул здоровым плечом сталкер. — Зато от дырки в руке только шрам останется, и болеть через пять минут перестанет. А отрицательные эффекты облучения мы другим артефактом снимем — чистый спирт, настоенный на «Пузыре». Доложу я вам, первейшее средство собственного изобретения от лучевой болезни.

— Отморозок, — покачал головой Проводник, на всякий случай отходя подальше, несмотря на экзоскелет. Клык залиvisto рассмеялся ему вслед.

— Так, ладно. Поговорили — и хватит, — сказал Меченый. — А сейчас давайте-ка побыстрому соберем стволы с патронами, если оно кому надо, и двинем к ЧАЭС. До выброса осталось всего ничего. Кстати, а кто-нибудь знает, что это за железяки самоходные да самостреляющие?

— Тактическое звено боевых роботов Swords, сокращенно от Special Weapons Observation Reconnaissance Detection Systems, «специальная боевая система наблюдения и разведки», — произнес Выдра. — Созданы компанией «остер-Миллер TALON Робот», успешно применялись в Ираке и Афганистане. Третий робот, оснащенный реактивным огнеметом M202A1 FLASH, во избежание проблем с возгоранием леса заменен на экспериментальный образец «Pet-man» компании «Boston Dynamics», оснащенный «Миниганом M134M». Все боевые машины обладают искусственным интеллектом и способны самостоятельно выполнять простейшие боевые задачи без участия человека.

— Фигассе... — удивленно протянул Клык. — Ну, ты и фразу выдал! Откуда сведения?

Вместо ответа Выдра показал экран КПК, на котором было крупно написано «Боевые роботы».

— В наладоннике еще Интернет иногда работает, — сказал Выдра. — К тому же я этой темой давно интересуюсь.

— Фантастика, — покачал головой Клык.

— Ничего особенного, — пожал плечами Выдра, отчего его экзоскелет недовольно пискнул сервомоторами. — Роботы даже здесь, в Зоне, применялись при ликвидации последствий Первого взрыва для очистки кровель Третьего энергоблока и территории около Саркофага, причем было это четверть века назад. А современные боевые машины — это уже давно не фантастика. Все воюющие державы занимаются ими, забросив разработки новых танков, которым против таких машинок скоро вообще ловить будет нечего.

— Кстати, здесь еще один ошивается, — сказал подошедший Японец, показывая на экран ай-пада, где за линией деревьев притаилась яркая оранжевая точка. — Но это

неопасный. Здесь написано: «Транспортный робот BigDog-3 со встроенным искусственным интеллектом электронной собаки „Ай-сайби“ последнего поколения».

— Еще один? — нахмурился Призрак. — Нам этих хватило по самые «не хочу».

— Он неопасный, — повторил Японец, ловко пробежавшись пальцами по сенсорному экрану. — Кстати, может пригодиться. Зовут Скуби-Ду. — Он повернулся к деревьям и позвал: — Иди сюда, не бойся.

Из лесу на зов нерешительно вышло нечто на четырех ножках высотой метра полтора. Длинное «тело», защищенное броней, металлическая голова с острыми ушами, напоминающая собачью, короткий суставчатый хвост... Вышло — и остановилось, опасаясь идти дальше и явно готовое при первом признаке опасности рвануть обратно под защиту деревьев. На роботе были навьючены несколько тюков и цинков с патронами.

Японец ввел еще несколько символов на экране ай-пада.

— Ко мне, Скуби-Ду, — скомандовал он.

Робот подпрыгнул и галопом побежал к новому хозяину, поскуливая на ходу. Забавная игрушка, если не кусается и не стреляет картечью, когда не в духе. Насчет полезности — видно будет.

— Так, народ, хорош играть, пора, — сказал Меченый. И он был прав на все сто — до Выброса оставалось менее трех часов, а успеть надо было очень многое.

Мы быстро собрали все, что было необходимо. Я завладел единственной найденной на поле боя штормовой винтовкой XM-29 OICW. С похожей бельгийской машинкой FN F2000 я уже сталкивался, поэтому в освоении оружия особых проблем не предвиделось. Клык с Японцем, не мудрствуя особо, подобрали себе по M16A2. Остальные предпочли то оружие, которое у них было в наличии.

— Все, погнали, — бросил Меченый, убедившись, что отряд полностью экипирован.

— Есть идея, — произнес я.

— Ну что еще? — нахмурился Меченый.

— Судя по твоей карте, впереди мост, который наверняка охраняют монолитовцы.

— Согласен. И?..

— Я предлагаю следующее, — сказал я.

КИЛЛЕР

Группа Меченого залегла за стеной кустов, густо растущих на берегу озера Ходорина. Не кусты, а сплошные колючки без единого листка, с раскрытыми пастями мухоловок, напоминающих бейсбольные перчатки. Эти растения известные хищники, при случае не гнушающиеся даже тушканами. Да и проходящего мимо человека запросто могут цапнуть, а царапины от их ядовитых игл заживать будут неделю с температурой, галлюцинациями и другими малоприятными спецэффектами. Хорошо, что, судя по «Энциклопедии Зоны», встречаются эти кусты лишь на берегах водоемов.

Виктор изучал в бинокль объект, который был отлично виден в просвет между кустами. Знакомая картина, особенно табличка, косо прибитая к одинокому дереву прямо возле моста через Припять: «Территория группировки „Монолит“. Проход воспрещен! Предупреждение для нарушителей — ведется огонь на поражение!»

Что он ведется, причем весьма интенсивно, сомнений не было. На другом берегу реки выезд с моста перекрывал стальной шлагбаум, за которым по обеим сторонам дороги расположились два бетонных ДОТа. А с нашей стороны вдоль берега валялись в беспорядке разбросанные кости, фрагменты скелетов и трупы разной степени разложения, судя по которым можно было сделать однозначный вывод — на подходе к ЧАЭС с этой стороны отстреливалось все живое, что приближалось на расстояние выстрела.

— Прям «долговский» подход какой-то, — проворчал Клык, осторожно, словно кота по спинке, поглаживая раненую руку. — Стреляют во все, что шевелится.

— Значит, имеют на то причины, — заметил Меченый, присоединяя гранатомет к своему автомату.

Только сейчас я сообразил, что у него не стандартный АКСу, а его модификация АКС-74УБ, на который при желании навешивается дикая куча прибамбасов. Эти самые прибамбасы сталкер сейчас и доставал из вещмешка. Помимо гранатомета автомат был довольно быстро оснащен снайперским прицелом ПСО-1, установленным на боковой наплыв для ночного прицела. Довершили тюнинг два магазина, соединенные вместе изолентой и, судя по модификации автомата, снаряженные специальными патронами с дозвуковой скоростью пули.

— От теперь повоюем, — сказал Меченый — и улыбнулся.

— Понятно, — вздохнул Призрак. — Сейчас начнется — мама не горюй.

— В плане? — поинтересовался Снайпер.

— У него в подствольнике вставлен кусочек «Грави», ориентированный таким образом, чтоб увеличивать скорость полета что пули, что гранаты в момент вылета из ствола, — пояснил Призрак. — Вот такая на выходе получается вундервафля. За нее Сидорович на прошлой неделе Меченому сто штук предлагал — не продал, прикинь?

— Они и здесь лясы поточить успевают, — поморщился Меченый. — Выдра, ты готов?

— Как штык, — буркнул Выдра.

Он уже успел полностью освободиться от экзоскелета, переодеться в камуфляж, пристегнуть к предплечью узкий и длинный водолазный нож в пластиковых ножнах, к поясу — кобуру с завернутым в полиэтиленовый пакет «Кольтом», а также взвалить на плечи объемистый рюкзак из запасов, которые до этого таскал на себе Скуби-Ду.

— Снайпер?

— Готов, — коротко бросил сталкер, не отрываясь от прицела своей СВД.

— Стреляешь по вспышкам, твой ДОТ слева, — скомандовал Меченый. — Остальным огонь по команде. Японец, запускай свою кракозябру.

Позади жалобно заскулил Скуби-Ду, наверно приняв «кракозябру» на свой счет. Со врожденным инстинктом самосохранения создатели тяглового робота явно переборщили. Скуби-Ду, поджав под себя суставчатые ноги, лежал на брюхе позади сталкеров почти у самой воды и сейчас медленно полз назад, по-видимому предпочитая скорее утопиться, чем лезть под пули «монолитовцев».

Но команда была дана не ему.

Виктор поймал пальцем оранжевую точку на экране ай-пада и медленно потащил ее по электронной карте.

Позади позиции сталкеров завизжали сервомоторы. Оснащенный «Миниганом» двуногий Petman сейчас очень живо напоминал страуса-мутанта, которому голову и туловище заменили на современный американский пулемет. Делая гигантские прыжки, робот несясь по дороге к мосту, одновременно с вентиляторным шумом раскручивая блок стволов.

Длинные продольные амбразуры ДОТов осветились вспышками. В ответ Снайпер и Меченый начали стрелять одиночными — и вполне успешно. Вспышки очередей в амбразурах гасли одна за другой, но на их месте буквально через несколько секунд начинали мигать новые — недостатка в личном составе «Монолит» никогда не испытывал. И сейчас даже невооруженным глазом были видны крохотные фигурки, бегущие к ДОТам от мрачной громады ЧАЭС, возвышающейся примерно в километре от моста.

— Пошла жара, — мрачно усмехнувшись, произнес Меченый, задирая вверх ствол автомата. Подствольный гранатомет хлопнул еле слышно, посылая осколочную смерть в бегущий отряд «монолитовцев». Потом еще одну. И еще.

Жару добавлял Petman, почти добежавший до моста и успевающий на ходу словно водой из брандспойта поливать свинцом и амбразуры ДОТов, и приближающееся подкрепление.

Но все-таки он был слишком крупной целью...

Четверо «монолитовцев» в экзоскелетах, не добежав до моста, вдруг одновременно встали на одно колено, положив на плечи гранатометы, похожие на тяжелые средневековые копья.

РПГ-7 выплюнули заряды одновременно — и лишь один прошел мимо цели, разворотив землю под ногами робота. Две ракеты ударили в платформу, сорвав с нее пулемет, третья разнесла на титановые осколки левую ногу. Все что осталось от Petman — это отброшенная взрывом в сторону уцелевшая конечность, продолжающая сокращаться, словно большая гусеница, перевернутая на спину хулиганистым сорванцом.

— Все огонь! — заорал Меченый. Похоже, гранаты у него кончились, и сейчас он снова стрелял одиночными, экономно расходуя патроны. — Не подпускайте подкрепление к ДОТам и мосту!

Виктор присмотрелся, потом быстро поднес к глазам бинокль. Ему показалось, что на том берегу под мостом он заметил какое-то шевеление...

Точно!

Человек полз по склону берега, словно опытный альпинист, цепляясь руками и ногами за малейшие неровности. За его спиной висел рюкзак, из которого потоком лилась вода.

Выдра! Надо же, уполз так, что его исчезновения даже Виктор в суматохе не заметил. И уже на другом берегу! Только что он там делает, неужто из «Кольта» решил перестрелять монолитовцев, закованных в экзоскелеты?

Но Выдра задумал другое.

Зацепившись левой рукой за торчащую из земли корягу, правой он ловко извлек из рюкзака холщовый мешок размером с волейбольный мяч. После чего, подтянувшись на одной руке, словно заправский гимнаст, раскачал свою ношу и ловко забросил ее в амбразуру левого ДОТа. И тут же прыгнул обратно в реку, словно лягушка, спасающаяся от цапли.

В следующее мгновение страшный взрыв расколол бетонный ДОТ изнутри, подбросив вверх многотонные блоки, словно они были картонными. Неистовое пламя вырвалось на свободу, и на короткое время останки долговременной огневой точки стали похожи на извергающийся вулкан.

Монолитовцы, почти добежавшие до моста, притормозили, соображая, откуда мог прилететь такой подарок. Да и под падающие осколки разрушенных стен им наверняка подставлять головы не хотелось — экзоскелет, оно, конечно, хорошая штука, но от хорошего удара бетонным блоком по макушке вряд ли спасет даже он.

Пока они соображали, куда бежать и что делать, Выдра успел проплыть между быков моста и уже уверенно лез к правому ДОТу. Но монолитовцы, засевшие в нем, уже сообразили, откуда ждать опасности.

Полдюжины бронированных автоматчиков высыпали наружу и, огибая ДОТ с обеих сторон, побежали к берегу. Двое рухнули сразу, сраженные пулями Снайпера и Меченого. Один вскинул автомат и послал в сторону засады гранату из подствольника, которая ткнулась в землю и разорвалась, не долетев метров пятьдесят до позиции сталкеров. Но цель была достигнута — на пару мгновений комья земли и осколки камней перекрыли сталкерам обзор. Правда, вторую гранату монолитовец отправить по назначению не успел — пуля Снайпера пробила его шлем точно посередине.

Меченый, наплевав на экономию патронов, принялся садить по вражьей группе короткими очередями, от него не отставали Призрак, Клык и Проводник, поливая свинцом бронированные фигуры.

Один монолитовец все-таки успел добежать до берега, опустить автомат вниз и послать в цель длинную очередь, прежде чем сам упал навзничь, изрешеченный пулями.

Но за долю секунды до этого из-за береговой линии вылетел еще один мешок и точно влетел в амбразуру ДОТа.

Второй вулкан выбросил из бетонного жерла огненный фонтан, но Виктор смотрел не на него, а на командира группы. Лицо Меченого окаменело, из прокушенной нижней губы вниз по подбородку стекла капля алой крови.

— Суки... Выдру... — расслышал Виктор. А потом по ушам резанул нечеловеческий вопль:

— Вперед, сталкеррры! За дrrрруга нашего! Вперrrред!!!

Обломки ДОТа, взлетевшие к небу Зоны, еще падали вниз, а группа Меченого уже бежала к мосту, стреляя на ходу. Позади сталкеров, трусливо поскуливая и припадая от ужаса на все четыре ноги, семенил Скуби-Ду.

«Страшно, но все равно бежит, молодец какой, — подумал Виктор — и удивился сам себе: — Надо же, об электронной собаке думаю как о живой...»

Не ожидавшие такого напора оставшиеся монолитовцы отступали, вяло отстреливаясь.

Пробежав по покрытию моста несколько метров, Виктор почувствовал, как внезапно его левый бок словно проткнули каленым железом.

«Вот черт, зацепило», — словно мимоходом пронеслась в голове мысль. Пронеслась — и пропала, вытесненная горячкой боя. Старый как мир закон битвы как никогда справедлив в любом бою — все, что нас не убивает, делает сильнее и яростнее. И если ты не умер, а только легко ранен, и если ты настоящий мужчина, то никакая боль не остановит тебя...

Обычный мост, каких тысячи, сотни тысяч по всей земле. Необычны лишь ярко-оранжевые пятна на перилах и красная лужица, натекшая из стальной перчатки с искореженными остатками приводов, валяющейся возле этих перил. Пятна на перилах — это радиоактивный мох, дополнительно мутировавший еще и под воздействием излучения таинственных Выбросов. А кисть руки, запакованная в помятый металл, — это все, что осталось после взрыва от члена группировки «Монолит», тоже когда-то бывшего человеком. Нормальный интерьер для Зоны — порождения человеческого разума, в котором постоянно идет война. За что? Да кто ж его знает, за что. За артефакты, за сферы влияния, за место под свинцовым небом, за придуманные идеалы. Людям свойственно создавать себе искусственные зоны, в которых они потом расплачиваются жизнями за свои придумки. Чаше чужими жизнями. Намного чаще...

Пробегая по мосту, Виктор глянул направо — может, Выдра где лежит у воды? Но на береговом склоне никого не было, лишь скрючившиеся лысые стволы изуродованных деревьев из последних сил цеплялись корнями за сухую, сыпучую землю...

Монолитовцы укрылись за бетонными надолбами, установленными вдоль дороги, продолжая стрелять. Группа Меченого, миновав мост, залегла за дымиющимися руинами правого ДОТа.

— Черт, к Саркофагу не пройти, — скрипнул зубами Меченый. — Дорогу перекрыли, гады, и сейчас с минуты на минуту новое подкрепление подойдет.

— Поверху к Саркофагу и не надо идти, — отдуваясь после пробежки, произнес Проводник. — Давайте слева в обход, я покажу.

— А что там? — спросил Призрак.

— Заброшенный тоннель, прорытый под Третьим энергоблоком ликвидаторами последствий Первого взрыва и ведущий внутрь Саркофага, — ответил Проводник. — Я знаю, где вход.

— Рванули, — коротко бросил Меченый. — Показывай дорогу.

СНАЙПЕР

Такого маневра монолитовцы не ожидали. Вместо того чтобы прорываться через их заслон на дороге, мы резко ушли в сторону и просто обогнули их засаду пологим берегом канала пруда-охладителя. В мертвой зоне нас было не достать. Конечно, они пальнули несколько раз из гранатометов, пытаясь накрыть нас навесным огнем, но результатом данного маневра были лишь высокие столбы брызг в пруду да огромный сом, выброшенный на берег подводным взрывом.

В своем экзоскелете Sarcos последнего поколения Проводник бежал довольно шустро и почти не отставал от основной группы, потому у нас было некоторое преимущество в

скорости перед противником, на котором в этот раз оказалась броня попроще. К тому же «монолитовцы», явно опасаясь какой-нибудь новой каверзы с нашей стороны, в немедленную погоню не бросились, исходя наверно из того, что куда эти камикадзе денутся с оцепленной территории? Ведь гораздо безопаснее прочесать ее превосходящими силами, нежели преследовать небольшим отрядом, оставшимся от усиленной охраны моста.

Такая логика была нам только на руку. Тем более что Клык и Японец были ранены и, хотя и не подавали вида, но держались из последних сил. Японца мы перебинтовали чуть ли не на бегу, и теперь оставалось немного — последний рывок до тоннеля, о котором говорил Проводник.

На пути нам попалась лишь полудохлая после рождения артефакта «Жарка». Рядом с ней покачивались в раскаленном воздухе «Мамины бусы» с необычайно крупными ярко-красными «жемчужинами», нанизанными на огненную нить. Я на бегу подхватил их и протянул Японцу. Но тот мотнул головой, мол, не надо. Ну, не надо так не надо, может, его джепены каким-то своим методом излечения обучили, более действенным, чем старый проверенный артефакт да еще такой величины. Клык тоже отказался.

— У меня уже налеплена панацея, — бросил он, сплевывая на землю комок густой слюны. — С «бусами» оно только хуже будет, эти артефакты, когда рядом, радиацию взаимно потенцируют. Можно прямо на месте «смерть под лучом» получить.

Подивившись таким знаниям, я сунул добытый артефакт в пустой контейнер рядом с «Чистым небом», который уже давненько не подавал признаков жизни. В последнее время он стал очень быстро терять энергию. Это наводило меня на мысль, что артефакты вдали от своих аномалий тоже имеют свой определенный срок жизни, после которого медленно угасают, как люди, волей судьбы оказавшиеся оторванными от семьи и родины.

— Туда! Быстрее, пока монолитовцы не очухались.

Проводник ткнул бронированным пальцем в сторону огромного серого здания, над крышей которого возвышалась знаменитая, известная всему миру девятиметровая в диаметре вентиляционная труба, словно полосатая рукоять гигантского кинжала, всаженная в крышу так называемого 7001-го помещения Чернобыльской станции.

Через пять минут сумасшедшего бега мы были на месте. Проводник изо всех сил долбанул бронированным сапогом в металлическую дверь, прикрывавшую вход в здание Третьего энергоблока.

Экзоскелет Sarcos оказался устройством более чем мощным — от удара проржавевшая дверь, словно картонная, смялась в середине и, слетев с петель, с грохотом упала внутрь. Мы вбежали с оружием наперевес... но стрелять было не в кого.

В огромном зале было пусто, словно в гробу. Ржавые механизмы и приборы непонятного предназначения, стоящие вдоль стен, густо поросли красным мохом, и сейчас уже вряд ли кто скажет, для чего и кому они служили четверть века назад. Весь этот склеп тускло освещали лампочки под потолком, горящие слабым, но ровным светом. Жуткая особенность Зоны, встречающаяся здесь повсеместно. И каждый раз, когда видишь такую лампочку или простреленный в нескольких местах радиоприемник, вещающий голосом умершего диктора о событиях давних и страшных, начинаешь понимать, что неспроста кто-то, дрожа от ужаса и медленно сходя с ума, стрелял в безобидный аппарат, а тот все равно говорил, говорил, говорил...

В стене прямо перед нами был вделан огромный круглый люк, запертый на электронный замок.

— Сейчас, — сказал Проводник, подходя к устройству и набирая на нем комбинацию цифр.

— Откуда код знаешь? — поинтересовался любознательный Клык.

— От Сидоровича, — не оборачиваясь, прогудел Проводник. — Данная информация обошлась папаше Дорсету в лишние две тысячи деревянных тугриков.

— Ни хрена себе, — покачал головой Призрак. — Безумно интересно, откуда о ней узнал Сидорович, сидя на пятой точке у себя на Кордоне?

Вопрос был чисто риторическим и остался без ответа. Тем более что в стене загудели невидимые механизмы, и люк медленно и бесшумно отъехал в сторону, словно его каждый день усердно чистила и смазывала специальная бригада обслуживающего персонала энергоблока.

Двухметровый в диаметре зев тоннеля со ступеньками, круто уходящими вниз, открылся перед сталкерами. Бетонные ступени, словно ковер покрывал все тот же красный мох. По круглым стенам, извиваясь словно змеи, ползли в еле-еле подсвеченную темноту толстые кабели.

— Похожим тоннелем я шел этой весной к Саркофагу, только со стороны Припяти, — криво усмехнулся Меченый, накручивая на ствол автомата длинный глушитель. Видно было, что бравому сталкеру немного не по себе. Как, впрочем, и остальным членам группы. Что можно понять — пребывание в автоклавах Директора наверняка было для них испытанием не из приятных.

— Все тоннели, ведущие к Исполнителю желаний, одинаковые, как нити паутины, в середине которой замер Монолит, поджидающий свои жертвы, — негромко произнес Проводник. — Всего-то сто пятьдесят метров пройти — и ты в ловушке. Возможно, навсегда.

— Этот тоннель точно ведет прямо к Саркофагу? — уточнил я.

— Сто пудов, — кивнул Проводник. — Там в конце, по идее, камера должна быть метров тридцать площадью, залитая бетоном, а над ней как раз Четвертый реактор и Саркофаг. Если помнишь, там провал в полу есть недалеко от Монолита. По идее, та дыра и есть выход из этого тоннеля.

— Тогда ждите меня здесь, а я пошел, — сказал я. — В конце концов, это мое дело.

— Шаз, — кивнул Меченый. — Я для того ПБС на ствол наворачивал, чтоб у входа в тоннель посидеть. Ты такими коридорами здесь ходил? Нет. А в них, между прочим, монолитовцы с гауссовками очень любят прятаться. И снимать их лучше не твоей американской трещоткой, а тихо, без шума и пыли, чтоб остальные не набежали. Так что иди следом, если что — прикрывай, а я первым пойду.

— Я с вами, — сказал Японец.

— А это еще зачем? — поднял брови Меченый.

— Я должен лично убедиться, что устранена опасность для всего мира, ликвидировать которую меня послало руководство Комитета по предотвращению критических ситуаций.

В словах Японца была спокойная уверенность человека, который точно знает, чего хочет, и собирается отстаивать свое мнение до конца. Но времени на пререкания не было, потому Меченый только кивнул и полез в тоннель, бросив напоследок:

— Остальным оставаться здесь и прикрывать вход.

Возражений не последовало. Видно было, что Клык, Призрак и Проводник не горят желанием снова идти в Саркофаг, из которого они совсем недавно вырвались лишь благодаря счастливому случаю. Скуби-Ду отважно попытался сунуться в тоннель вслед за Японцем, на что получил строгое: «Жди здесь!» — заскулил и совсем по-собачьи сел на пол, обвив лапы суставчатым хвостом.

...Тоннель пролегал на глубине не меньше двенадцати метров. Спустившись вниз по ступеням, я сильно пожалел, что не позаимствовал у Проводника один из аварийных кислородных баллонов его экзоскелета. Духота была страшная, и утешало лишь то, что идти было сравнительно недалеко.

Внизу тоннель оказался прямым как стрела. Мрак немного рассеивали редкие лампочки под потолком, но усиленные металлом стыки огромных бетонных колец, из которых, собственно, и состоял тоннель, тонули во мраке.

«Иди ко мне... Ты обрешь то, что заслуживаешь», — прошелестело где-то в уголке моего сознания.

— Смотри-ка, Директор умер, но дело его живет, ментальный посыл работает, — хмыкнул я. — Правда, слабовато по сравнению с тем, что было раньше.

И вправду, гипнотического эффекта нудные призывы больше не оказывали, скорее, только раздражали. Скоро я вообще перестал обращать на них внимание.

Метров через пятьдесят я уловил впереди какое-то движение, словно тень качнулась возле одного из стыков. Коротко прошелестел автомат Меченого — и тень повалилась на пол.

Выждав секунд десять, мы снова двинулись вперед.

Возле стыка лежало мертвое тело в экзоскелете с «гауссовкой» в руках, рядом в бетонной стене зияло отверстие, и которое свободно мог пролезть человек.

— Ответвление, прорытое монолитовцами, — прошептал Меченый. — Вполне может быть, что таких дыр здесь несколько. Никому не стрелять, иначе на звук тут же толпа сбежится.

Он был прав, и я в который раз отметил его предусмотрительность, на этот раз насчет глушителя, навернутого на автомат.

На нашем пути попало еще два похожих ответвления, но врагов мы больше не встретили.

— По сравнению с прошлым разом такое впечатление, что нас просто пропускают с того момента, как мы прорвались через мост, — прошептал я. — Интересно, с какой это радости?

— Я тоже к Саркофагу через ад шел, — отозвался Меченый. — Думаю, Харона, несмотря на его напыщенную речь, все-таки не устраивает вариант мегазоны, в которой его банде придется воевать со всем миром. Да и черт его знает, что может случиться во время нового сверхмощного Выброса. Может, он вообще с глобуса сметет все живое. Потому не исключая, что Харон, узнав о нашем прорыве, дал приказ пропустить нас. Правда, не факт, что аналогичный приказ он отдаст, когда мы пойдем обратно...

Впереди показался слабый свет, и мы ускорили шаг.

Через несколько метров потолочные лампочки осветили завал из груды мелких бетонных осколков, словно перемолотых в камнедробилке.

— Тот самый бетон, которым была залита камера под Саркофагом, — прошептал Меченый. — Хотел бы я знать, что здесь случилось.

— Где-то здесь грохнул Второй Взрыв, — произнес я. — И в результате могло произойти все что угодно.

— Это точно, — согласился Меченый. — Ну что, пошли, что ли...

Слабый голубоватый свет лился сверху из дыры в потолке, с краев которой свешивались разорванные прутья арматуры. Отвесная куча бетонного крошева лишь немного не достигала краев этой дыры.

Мы взобрались по завалу наверх. Меченый подпрыгнул, подтянулся и оказался наверху. Я последовал за ним, подав руку раненому Японцу.

Перед нами был тот же самый громадный зал с темными гробами автоклавов, ажурными лестницами, уходящими вверх в темноту невидимого потолка, и останками несчастных, для которых это место в буквальном смысле стало настоящим саркофагом.

Ничего не изменилось. Кучи мусора, когда-то бывшего высокоточным оборудованием Четвертого энергоблока ЧАЭС, огромный фосфоресцирующий «Холодец», отбрасывающий зеленоватые блики на откинутые крышки автоклавов, засохшие гниlostные пятна от разложившихся статуй, на которых буйно разросся вездесущий красный мох...

Лишь Монолит, мерцающий слабым грязно-голубым светом, был теперь похож не на огромный сверкающий кристалл, а на большой кусок оплавленной пластмассы, внутри которого кто-то поместил слабенькую ультрафиолетовую лампу.

А позади Исполнителя желаний воздух дрожал и клубился багрово-красным. Это inferнальное марево было почти осязаемым — и в то же время потусторонним, нереальным, словно принадлежало оно не этому миру, а было отблеском средневекового ада, наконец-то получившего возможность прорваться сюда сквозь толщу веков и забвения. И казалось, что достаточно булавочного укола в центр легендарного Сердца Зоны, чтобы

сквозь разрыв в Монолите хлынул водопад горячего и неистового пламени, сметающего на своем пути все живое.

Монолит доживал последние минуты перед Последним Выбросом, который вот-вот готов был сорвать последнюю преграду на своем пути. Вот зачем позвала меня Зона там, в доме Болотного Доктора. «На север», — сказала она моими губами, и вот я здесь, чтобы вернуть Монолиту его сердце...

Я отвернул крышку контейнера и достал «Чистое небо».

Артефакт тоже выглядел не лучшим образом. Внутри его поверхности, тусклой, словно перегоревшая матовая лампочка, едва заметно мерцала синеватая точка.

Я шагнул вперед и осторожно, боясь неловким движением затушить этот слабый огонек, вложил артефакт в центр Монолита.

Моя рука на пару мгновений погрузилась в вязкую, прохладную субстанцию. Когда я извлек ее наружу, артефакта на ладони уже не было, а вокруг моих пальцев еще долю секунды мерцал слабый ореол лазурного цвета.

...Монолит оживал на глазах. Мерцающая точка, зажегшаяся в его центре, становилась все ярче. От нее по поверхности кристалла пошли упругие волны, благодаря которым темная окалина, покрывавшая Сердце Зоны, моментально осыпалась, словно зола, с огромного куска угля, пламенеющего огнем небесного цвета.

Марево позади Монолита возмущенно пульсировало, из последних сил пытаюсь прорвать неожиданно окрепший заслон, — но это уже было ему не под силу. Прошла минута, другая — и огромный кристалл засиял как в тот день, когда я увидел его впервые. По его зеркальной поверхности побежали смутные силуэты, постепенно складываясь в устойчивую картинку, — и я понял, что Монолит хочет что-то сказать мне.

И только мне...

Я увидел темный зал, слабо освещенный колеблющимся светом факелов. На странном столе, напоминающем крест, лежал человек. Лицо распятого тонуло в тени, но я был уверен, что знаю его очень хорошо. Над ним склонилась уродливая мохнатая фигура, заноса сверкающий меч, кончик которого был обагрен свежей кровью.

Человек на столе рванулся навстречу мечу. Он хотел умереть, он звал смерть, как зовут долгожданного спасителя обреченные на гибель.

Но ему было рано умирать. Я откуда-то знал — этому человеку предстоит еще многое совершить. Очень многое — если, конечно, я сейчас сделаю то, что должен.

СВД оказалась у меня в руках раньше, чем мои спутники сообразили, что я собираюсь сделать. Я вскинул винтовку и выстрелил почти не целясь — я знал, что не промахнусь...

Издали, словно с другого конца мироздания, до моих ушей донесся тихий стон, полный предсмертной муки. Зеркальная гладь Монолита подернулась рябью, словно поверхность пруда, потревоженная брошенным камнем. Картинка пропала, но я точно знал, что моя пуля достигла цели.

— Ты чего делаешь? — закричал Меченый.

— Да так, другу немного помог, — сказал я, забрасывая СВД за спину.

— Думаю, помог радикально, — заметил Меченый, переводя дух. — Стрелок, блин... Ну ладно, поскольку все целы, самое время загадывать желания.

Желание у меня было только одно, но я лишь подумал о нем, не рискуя высказать вслух сокровенное. Говорят, Исполнитель Желаний наказывает тех, кто просит слишком много, и я просто не имел права рисковать ее жизнью.

— Японец, ты как, загадывать будешь что? — поинтересовался Меченый.

Японец медленно покачал головой.

— Мое желание ждет меня на Большой земле, — произнес он. — И большего мне не надо. Сам загадывай, если хочешь.

— Ну, уж нет, — проворчал сталкер. — С меня прошлого раза хватило...

И тут из того места, куда попала моя пуля, вырвался ярко-синий луч и ударил меня в живот.

Я поймал удар на вдохе, чувствуя, как холодный синий клинок пронзает мою кожу, внутренности, позвоночник... Ощущение было жутким и странным. Я растворялся в этом луче, в Монолите. Перед моими глазами проносились видения, реальные настолько, что невозможно было ни на секунду усомниться в их подлинности. С высоты птичьего полета я видел мертвые города, поглощенные Зоной, по запущенным улицам которых осторожно двигались отряды вооруженных людей. Подо мной расстилались бескрайние поля серой травы и громадные леса с деревьями, обезображенными смертоносным излучением. А еще я видел, как над далеким горизонтом вырастает столб света, похожий на атомный гриб, и как этот потусторонний свет гигантского Выброса накрывает целый материк огненно-красным плащом. И как над землей, опустошенной ужасным явлением природы, от края до края встает жуткая багрово-красная радуга, похожая на изогнутый меч, обогrenный свежей кровью...

Все это длилось секунду — а может, и вечность. Во всяком случае, когда я открыл глаза, то обнаружил себя живым, но стоящим на коленях и опирающимся одной рукой в пол, для того чтобы не завалиться на бок. Другая рука с силой сжимала контейнер на поясе, из-под неплотно закрытой крышки которого струился чистый лазурный свет.

— Слышь, Снайпер, ты живой? — раздался у меня над ухом обеспокоенный голос Меченого.

— Похоже на то, — с усилием проговорил я. Во рту было сухо, словно я и вправду побывал в пустыне, выжженной глобальным Выбросом.

— Уффф, — облегченно выдохнул Меченый. — Ну и зрелище было! Тебя лучом насквозь пробило, а потом ты на колени — бац! И головой мотаешь. А в глазах зрачков нет и белки синие-синие. Но потом вроде очухался. Кстати, у тебя контейнер с «Мамиными бусами» как-то не так светится, ты в курсе?

Я с усилием поднялся с коленей. Ноги еще мелко дрожали, но это для нашего брата не фатально, переживем, бывало и хуже. В голове, на редкость ясной, словно я спал неделю, а то и больше, промелькнула первая мысль: «Не могут порожденные „Жаркой“ „Мамины бусы“ давать излучение такого цвета и интенсивности».

Я открыл крышку контейнера и достал оттуда артефакт... который больше не был «Мамиными бусами». Две переплетенные между собой невидимые нити, на которые, как и у всех аналогичных артефактов, были насажены слабо светящиеся огненные шарики, сейчас представляли собой одно целое, реально похожее на настоящие бусы. Только фрагменты артефакта больше не напоминали шарики с заключенным в них огоньком свечи. Каждая бусина походила на маленькое «Чистое небо», и по ним время от времени пробегали крохотные молнии толщиной с волос.

— Вот так история, — пробормотал Меченый. — Первый раз эдакое чудо вижу. И как это понимать?

— Не знаю, — пожал я плечами. Я и вправду не знал, что такое держу в руке, — подобного артефакта никогда не было в Зоне.

— Ладно, об этом потом. Японец, ты чего там делаешь?

Киллер, посланный с Большой земли ликвидировать группу Меченого, стоял у помятого стального стеллажа, на котором были расставлены пыльные книги в черных обложках со знаком радиационной опасности на корешке, и с увлечением листал одну из них. Именно с этого стеллажа в прошлый раз я позаимствовал компьютерную игру, в которую теперь играет весь мир от полюса до полюса.

— Короче, бери, что нравится, — и погнали, — бросил Меченый. — Через сорок минут, по идее, должен быть Выброс, и я, честное слово, не имею ни малейшего понятия, где нам лучше от него укрыться.

Японец закрыл книгу, положил ее в вещмешок и вслед за нами двинулся к провалу в полу, ведущему в тоннель.

Половина обратного пути прошла без приключений. А потом мы услышали выстрелы впереди.

— Быстрее, — бросил Меченый. — Наши от монолитовцев отбиваются.

Он оказался совершенно прав.

Рассредоточившись по помещению и укрывшись за стальными конструкциями, Призрак, Клык и Проводник держали на прицеле дверной проем, перед которым лежало несколько трупов в экзоскелетах.

— Как вы? — выдохнул Меченый. Дышал он часто, с открытым ртом — пробежка по душному подземелью еще то удовольствие.

— Нормалек, — отозвался Клык, бледный как смерть. — Прикинь, я, блин, умудрился вторую пулю в бедро словить. Они попытались нахрапом нас взять, но обломались. Теперь готовят что-то. Странно, что гранаты не кидают, а то бы нам уже тут точно кирдык настал.

— Боятся повредить то, что мы должны принести от Монолита, — хмыкнул Меченый. — Как я понимаю, для них Саркофаг — табу, туда они не ходят, только подступы охраняют. Поскольку они теперь в курсе нашей миссии, туда нас пустили. А вот обратно — хренушки. Но это мы еще посмотрим.

Меченый быстро свинтил с автомата глушитель, снял прицел и гранатомет, бесполезный без гранат — только вес лишний в руках, — и аккуратно сложил все это в вещмешок.

— Надо бы Бехраму сообщение отправить, что все в порядке, — сказал Проводник, потянувшись к наладоннику. — Он просил...

— Стоп! — сказал я. — Лучше сними-ка ты свой экзоскелет да положи вот за эту заслонку. А потом можно и сообщение отправить.

Я хлопнул рукой по толстому стальному люку, прикрывавшему вход в подземелье.

— Снайпер дело говорит, — сказал Меченый, забрасывая вещмешок за спину.

Проводник недоуменно пожал плечами и нажал две клавиши на груди. Ультрасовременный экзоскелет послушно сполз с плеч и свернулся у ног хозяина кучей бронированных пластин. Кряхтя, Проводник забросил экипировку в разверстый зев подземелья, после чего нажал на кнопку возле люка.

— Вечно вы чего-нибудь придумаете, — буркнул он недовольно — видать, привык носить свой немалый вес за счет мощных сервомоторов. Люк закрылся, тихо загудели, входя в пазы, невидимые стальные засовы.

Меченый нажал на кнопку дальней связи в КПК.

— Бехрам, это я, — сказал он негромко. — Миссия выполнена.

Ответ пришел незамедлительно.

— Отлично, Меченый, — прохрипел динамик. И добавил: — Счастливого пути.

После чего за люком раздался мощный удар, словно в него с другой стороны долбанули гигантским молотом. С потолка посыпалась растрепанная взрывом штукатурка.

Меченый отключил КПК и усмехнулся.

— Молодец, Снайпер, — сказал он. — Лихо ты этого Бехрама просчитал. Похоже, у меня появился еще один повод повторно пройтись по Диким Территориям.

Он нажал еще одну кнопку на экране наладонника, глянул на экран — и охнул:

— Пятнадцать минут до Выброса! Не готовят ни хрена монолитовцы. Попрятались. Хоть и выбросоустойчивые они, а все равно под трендюлями небесными шляться неохота. Вперед, сталкеры!

Мы выбежали из здания и, завернув за угол, помчались вслед за Меченым вдоль стены Третьего энергоблока мимо навеки замерших подъемных кранов, оставляя по левую руку мрачную громаду Саркофага. Скуби-Ду, словно верная и послушная собака, бежал рядом, таща на себе наши рюкзаки.

Клык был совсем плох. Мы с Призраком подхватили его под руки. Японец, забрав автомат раненого, бежал рядом. Замыкал группу Проводник, тяжело отдуваясь на бегу.

Внезапно слева от нас раздался выстрел.

Я повернул голову.

Меченый стоял с автоматом в руках и стрелял короткими очередями. А прямо на него неслась огромная стая мутировавших крыс.

— Бегите к Семиходам! — закричал он. — Там освинцованный вагон, ныряйте в него! Я их отвлеку на себя!

Железнодорожная станция Семиходы была совсем рядом, метров двести — триста пробежать. Даже отсюда были видны ее плоские бетонные крыши. Но нет ничего страшнее в Зоне, чем стая крыс-мутантов на охоте, ведомая крысиными волками, которых приходится одна особь на десяток обычных крыс. Эти крупные и очень умные твари составляют своеобразные элементы единого мозга, связывающие стаю в единый реально разумный организм. И сейчас Меченый причинял этому организму нешуточную боль, прицельно выбивая из стаи крысиных волков.

Крысы, изначально нацеленные на нашу группу, резко свернули, стремясь ликвидировать источник боли. И оставалось им до него пробежать совсем немного, метров сто, не больше...

«Каждый сам за себя. Закон жизни, и против него не попрешь...» Эти слова произнес совсем недавно человек, отвлекающий сейчас на себя живую волну неминуемой смерти, прикрывший собой товарищей и готовый заплатить за их жизни самую высокую цену.

Ты был неискренен тогда, Меченый. На самом деле, на своем пути ты следуешь совсем другому закону, согласно которому командир группы легко расстается с жизнью, если надо отдать ее за тех, кто верит в него.

Но и каждый член группы должен соответствовать такому командиру, иначе грош ей цена.

— Проводник, подмени! — бросил я. Тот, не смотря, что дышит как паровоз, бросился вперед и перехватил безвольную руку Клыка, на ноге которого насквозь пропиталась кровью повязка, наложенная прямо поверх штанины. Я же схватил штурмовую винтовку и с бедра принялся поливать стаю свинцом. Краем глаза я видел, как Японец тоже остановился, перехватил автомат Клыка во вторую руку и начал стрелять из обоих стволов одновременно, причем довольно прицельно.

Но крысы, взявшие разгон, уже не отвлекались на дополнительные источники боли. Их целью был Меченый, и они бежали на него как цунами, остановить которое может лишь другая, более мощная волна.

И она появилась.

Меченый не видел, как слева от него над Саркофагом зарождалось огненное зарево, в мгновение ока заполнившее полнеба. Он был слишком увлечен стрельбой, с нереальной для обычного человека скоростью меняя пустые магазины на полные...

...«Меченый» — хорошее прозвище, резкое, как удар хлыста. Таким коротким словом хорошо окликнуть человека полусшепотом в разведке, когда не хочешь привлекать лишнего внимания. Но, если нужно докричаться до того, кто твердо решил умереть ради своих товарищей и сейчас не слышит ничего и никого, кроме своего автомата, требуется другое слово — громкое, звучное, словно раскат Выброса, который вот-вот пронесется над нашими головами:

— Стрело-о-ок!!! — заорал я во всю мощь своих легких.

И он услышал меня. И понял, почему крысы вдруг заметались, не обращая больше на него ни малейшего внимания. Стая захлестнула Меченого, но мутантам уже было не до охоты. Теперь они, развернувшись, мчались обратно, пытаясь уйти от волны нестерпимо яркого света, накатывавшей со стороны Саркофага.

— Стрело-ок! Бежим!! Быстрее!!!

Небо над Монолитом наливалось огнем, словно нарыв, готовый вот-вот прорваться. И мы бежали, уже особенно ни на что не надеясь. Потому что вряд ли возможно уйти от Выброса фактически в его эпицентре и, что такое какой-то освинцованный вагон по сравнению со сметающим все на своем пути страшным ударом потока аномальной энергии.

В мгновение ока нестерпимый свет сменился на плотную серую взвесь, повисшую в воздухе. Предметы вокруг потеряли свои краски, в голове стал рождаться нестерпимый звон. Казалось, еще немного — и этот звук разорвет нестойкие связи между клетками,

составляющими человеческий организм, и тот, распавшись на микроскопические частицы, станет просто частью этой взвеси, знаменующей начало Выброса...

Но я уже видел распахнутую дверь вагона, из которой махал нам рукой человек в знакомом противорадиационном костюме СПП-99. В другой руке он держал фотоаппарат и щелкал им неприцельно, навскидку, словно расстреливая Выброс своей навороченной камерой. И добежать нам оставалось совсем немного, чтобы, захлопнув за собой освинцованную дверь, утереть пот со лба и сказать:

— Ну, здравствуйте, профессор Круглов.

КИЛЛЕР

Виктор лежал на койке и одной рукой рассеянно листал книгу, которую он вынес из Саркофага. Его вторая рука лежала на снежно-белой простыне, и в нее была воткнута игла капельницы. Рана в боку немного загноилась, но Сахаров уверял, что это вопрос пары дней, которые и без того необходимы для отдыха и восстановления всем членам группы.

Рассказы, напечатанные в книге, были интересными, все как один про Зону, но текст как-то не откладывался в голове. Наверно, потому, что Виктор сейчас думал о другом. Например, о том, что он так и не выполнил задание. И о том, что он скорее дал бы отрубить себе правую руку, чем позволил кому-либо убить сталкеров, с которыми он делил хлеб на привалах, которые перевязывали его, одновременно отстреливаясь от монолитовцев, и которые сейчас то и дело норовили, обманув бдительность медсестер, заскочить в палату к больному, чтобы подбодрить его словом или каким-нибудь гостинцем, «вымороженным» у строгого персонала научной станции.

Выброс, от которого они столь удачно спаслись, по мощности не превысил стандартных показателей, и радуга, повисшая над Центром Зоны после него, была обычной, бледно-серой, похожей на изогнутую полосу тумана, а не на окровавленный меч, выжигающий глаза тем, кто его увидит.

Сейчас, после столь удачного спасения, Виктору было глубоко наплевать на то, кто именно слил информацию о нем его потенциальным убийцам. Еще там, на Диких Территориях, он твердо решил — с него хватит, он выходит из игры. Оставалось немного — вернуться домой... и уйти из жизни. Из той жизни, которую он вел до сих пор. Он уже видел, как летит с ремонтируемого моста над каналом имени Москвы его черный «Мерседес» и как, не достигнув воды, превращается в огненный шар его навороченная машина. У агента его уровня всегда много личных врагов, и пусть потом его бывшие начальники разбираются, кто именно из них мог вычислить и убрать самого опытного киллера Комитета по предотвращению критических ситуаций.

Сахаров сдержал свои финансовые обязательства, не забыв, конечно, вычестить из причитающегося героям гонорара долю за спасение и лечение. Его освинцованный вагон оказался изнутри обшит тончайшей сеткой, экранирующей излучение выброса, как, впрочем, и весь поезд, доставивший группу Меченого вместе с профессором Кругловым до станции Буряковка, что располагалась недалеко от озера Яantarь. Как выразился встретивший поезд Сахаров, эта экранирующая сетка пока что была экспериментальным прототипом, требующим дополнительной настройки в условиях, максимально приближенных к экстремальным. Эти условия он продумал и обсудил с Меченым заранее, еще на Диких Территориях, возле вертолета — не без выгоды для себя, разумеется. Ведь если б группа Меченого погибла, то солидную сумму депозита пришлось бы вернуть вкладчикам — лидерам группировок. А так и прототип на людях испытан, и в деньгах предприимчивый ученый почти ничего не потерял, и контракт с самыми удачливыми сталкерами Зоны в кармане насчет того, что весь найденный хабар в течение года будет продаваться только ему. С учетом возможностей группы Меченого, это все равно, что раскопать золотую жилу вместе с рабочими, которые будут регулярно поставлять тебе уже отлитые в формы слитки высочайшей пробы.

Еще Виктор думал о том, что с деньгами, которые он получил от Сахарова, вполне возможно вообще переехать на другое полушарие планеты и посвятить все время семье. Что еще нужно человеку для счастья?

Он перелистнул страницу.

Его взгляд зацепился за название очередного рассказа — и Виктор решил, наконец, сосредоточиться на чтении. Ведь когда еще доведется вот так спокойно почитать книгу, вынесенную из легендарного Центра Зоны? Рассказ назывался немного странно для такой книги — «Писатель» и имел две части, первая из которых называлась «Ночной гость».

Ночь выдалась на редкость тихая. Не было слышно привычного эха отдаленных выстрелов, никакая тварь не выла вдали на хмурое, злоеющее небо, не шуршали тушканы в кустах, и даже ночной ветер, гоняющий по Зоне унылые листовки Гринписа, затих, набираясь сил перед послезавтрашним Выбросом.

Наверно, Корень сказал бы, что такая тишина не к добру, и посоветовал глядеть в оба. Но Таксу не требовались ценные советы старшего группы, который дрых у костра, широко открыв рот, окаймленный пышными рыжими усами и спутанной, неухоженной бородой, в отблесках костра смахивающей на щупальца кровососа. Рядом с Корнем давили щеки еще двое ветеранов, любящих давать ценные указания молодому сталкеру и по поводу, и без такового.

«Чтоб вам всем химера приснилась, — беззлобно подумал Такс. — Одна на всех, но взрослая».

Он хмыкнул про себя, представив последствия такого сновидения. Не сказать, что компания бывалых сталкеров была ему в тягость. Хочешь, не хочешь, но за полгода в активной Зоне либо научишься общаться с любым головорезом, которого судьба определила тебе в напарники, либо сдохнешь, вынужденный шляться в рейды в одиночку. Вернее, не в рейды, а в рейд. Единственный. И последний.

Особенно это касалось района, в котором сейчас ночевала четверка сталкеров. Гнилой, надо сказать, был район. Не в плане хабара — с этим как раз все было в порядке. Но и мутантов на квадратный километр водилось тут немерено. И Зону здесь «глючило» не в пример чаще, чем в других районах. Вчера туда шли — был холм, сегодня на обратном пути — болото, а на месте леса не лес, а вообще ни пойми что намешано, словно корявые сучья с огромными валунами передрались, сам черт ногу сломит. Но ради хабара ходили сюда сталкеры. И пропадали частенько, как говорится, без вести.

Потому и взглядывался Такс в темноту до рези в глазах, сжимая в руках новенькую «Гюрзу».

Себя Такс считал удачливым. Третий рейд в Чертову локацию — это не хухры-мухры. Где-нибудь в жилой Зоне он бы уже считался ветераном. А здесь пока «молодой». Ну и ладно. Всему свое время. Будет и он через пару рейдов у костра дрыхнуть вместе с ветеранами. А какой-нибудь юной «отмычке» придется сидеть на его месте и охранять сон напарников.

Мысли отвлекали от нудного сидения на одном месте, будто сам с собой разговариваешь. Потому, увлекшись диалогом с умным человеком, и проворонил Такс незнакомца. Не услышал приближающихся шагов, лишь в последнюю секунду вскинул автомат — и опустил, недоуменно рассматривая ночного гостя.

Высокий мужик интеллигентного вида в длиннополом пальто не спеша, вышел из темноты и присел у костра, протянув к огню длиннопалые кисти. Было ему с виду около сорока, лицо усталое и отрешенное, в ранних морщинах, волос немного на голове, лысина-то на черепе площадь побольше занимает...

Все это Такс отметил мельком как неосновные отличительные признаки гостя. Основное было то, что мужик шастал по активной Зоне без снаряги и оружия! То есть вообще без всего, как в Киеве по Крещатику нарезал. Хотя сейчас и там без пистолета по ночам ходить не рекомендуется. А у этого вообще ничего не было. Ни паршивой маски, ни

даже карманов на пальто, где можно тот пистолет спрятать. Хотя активная Зона, сами понимаете, далеко не Крещатик.

Пока мужик грел руки, Такс медленно приходил в себя. А придя, снова приподнял ствол и, нацелив его в мосластое колено гостя, тихо, чтоб не разбудить напарников, поинтересовался:

— А что, в Зоне уже не принято спрашивать разрешения присесть к чужому костру?

Мужик оторвал усталый взгляд от языков пламени, внимательно посмотрел на парня и так же тихо сказал:

— Такс, а тебе что, жалко?

От такого хамства молодой сталкер снова слегка выпал в осадок. Так, что не сразу осознал — ночной гость назвал его по имени! Хотя раньше Такс его в глаза не видел. И когда это осозналось, парень из осадка переместился в ступор. Из которого имелся только один выходу свойственный всем, кто хоть раз побывал в активной Зоне. Если ты вышел в рейд и встретил что-то тебе непонятное — стреляй, а там уж Зона сама рассудит, кто прав, кто виноват.

Палец выдавил половину слабины спускового крючка — и остановился. Что-то было такое в глазах незнакомца, что не смог Такс довершить начатое. Не смог — и все тут. И оттого, выйдя из ступора, разозлился не на шутку.

— Тебе чего здесь надо? — прошипел он.

— Ничего, — покачал головой мужик. — Я так, погреться зашел. Ты не против?

И снова Такс не нашелся, чего ответить. Лишь зубами скрипнул от злости на самого себя и на этого незваного гостя, которого и надо бы пристрелить по всем правилам хорошего тона, а рука не поднимается.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — выдавил сквозь стиснутые зубы молодой сталкер.

Незнакомец пожал плечами:

— Как мне не знать? Я ж тебя создал.

«Псих», — догадался Такс. И расслабился. Психов в активной Зоне хватало. Увидит новоприбывший кандидат в сталкеры вблизи сытого кровососа — и сорвется с катушек. Тем более если тот развлечется вздумает и щупальцами его пощекочет. Или если от голодного монстра убежать повезет. Как ни крути — результат один, вон он у костра сидит, руки греет.

— Ты, наверно, думаешь, что я чокнутый? — усмехнулся мужик. — В какой-то мере ты прав. Все мы немного психи. — Он рассмеялся. — А ведь знаешь, все так хорошо начиналось, — сказал он. — Хочешь, расскажу?

Такс пожал плечами. Делать все равно нечего, псих перекрывает сектор обстрела, если какая тварь к костру выскочит, первым делом на него набросится, и у Такса будет лишняя пара секунд, чтоб ту тварь пристрелить. Почему б в таких роскошных условиях не послушать бред сумасшедшего?

— Все началось с того, что компания молодых и талантливых парней создала игрушку, — начал ночной гость, в такт плавной речи медленно шевеля пальцами, словно перебирая ими языки костра. — Шутер от первого лица. Срисовала Зону отчуждения, населила ее монстрами, торговцами, сталкерами, придумала ценные артефакты, свела это все в стройный и логичный мир и выпустила на рынок.

Игрушка продавалась хорошо. Слишком хорошо. Настолько хорошо, что по ней стали писать рассказы, повести и романы. Потом появились продолжения игры, вторые и третьи части. Мир Зоны ширился, постепенно игрой увлекся весь земной шар. Игра «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» понемногу вытеснила все другие шутеры, а затем, после выхода третьей части, и стратегии...

Такс кивнул. Когда-то давно в детстве он слышал эту сказку. Старики говорят, что лет двадцать назад на земле еще были участки, не охваченные Зоной. Правда, Такс в это не очень верил. Наверно, потому, что не мог себе представить, что же такое должно было быть на тех участках.

— Ты знаешь, что такое ноосфера? Слышал, по крайней мере, такое слово? — продолжил гость. — Ну да, вижу, что слышал. Информационное поле земли. В котором накапливается все то, что творится в головах миллиардов людей, населяющих землю. Когда-то очень давно человек по имени Нострадамус писал прогнозы будущего, которые потом назвали предсказаниями.

Ночной гость ухмыльнулся:

— На самом деле предсказаний не было. Те, кто слышал его прогнозы, запоминали их и, так или иначе, передавали потомкам. То есть нагнетали напряженность ноосферы. А потом происходил обратный эффект. Прогнозы сбывались. И не потому, что кто-то их предсказал. А потому, что ноосфера, накопив информацию, сбрасывала ее людям обратно в виде объективной реальности. Примерно по такой же схеме происходят Выбросы в активной Зоне...

Такс на всякий случай кивнул. Что такое Выброс, он знал хорошо. Остальные речи психа в пальто доходили с трудом. Можно было, конечно, прогнать болтуна обратно в темноту, но одному нести караул было еще тоскливее. Поэтому он зевнул и кивнул еще раз, мол, продолжай, слушаю.

— Одна игра не смогла бы покорить умы миллионов, — продолжил ночной гость. — Как я уже говорил, ее успех развили писатели. Постепенно детективы, боевики, любовные романы стали писаться лишь с одним условием — чтобы их действие происходило в Зоне. Потом стали сниматься фильмы...

Мужик замолчал на мгновение, глядя в огонь немигающим взглядом, словно разглядывая в нем что-то, видимое лишь ему одному. Таксу стало немного не по себе, и он невольно поежился, хотя ночь была достаточно теплой.

— А потом, когда ноосфера перенасытилась информацией, грянул Второй взрыв, которого с таким нетерпением подсознательно ждало все население Земли. Информационное поле планеты вернуло людям их мысли. С лихвой. Меньше чем за год Зона затопила Землю. И сейчас в места ее наибольшей активности сталкеры ходят за хабаром. А в остальной Зоне, напоминающей Кордон древней компьютерной игры, живут обычные люди, давно забывшие, что такое достижения цивилизации и чистое небо.

Такс снова кивнул. Ну да, именно эту сказку рассказывал ему отец перед тем, как погиб в активной Зоне. Сталкеры знают много сказок. Они придумывают их у ночных костров в походах за хабаром, без которого давно бы загнулось население планеты. Отец еще рассказывал что-то про заводы, электричество, генерируемое не артефактами, а какими-то станциями, про мясо животных, которое не надо перед употреблением в пищу очищать «Пузырями», про овощи, которые могут расти под открытым небом. И про людей, которые рождались не в автоклавах, а как-то по-другому. Сталкерские байки — они и есть сталкерские байки, кто ж принимает их всерьез?

— А ты-то как по активной Зоне шастаешь без ствола и снаряги? — мягко поинтересовался Такс, желая перевести разговор с области старых сказок в более понятное русло.

— Мне не нужно ни то ни другое, — покачал головой незванный гость. — Я писатель, который очень давно придумал эту локацию. А когда ноосфера устроила людям Большой Выброс, видимо, в информационном поле произошел какой-то сбой. И теперь мы, писатели, вынуждены вечно ходить по придуманным нами локациям...

— Зачем? — зевнул Такс.

Разговор ему порядком поднадоел, и вопрос он задал просто чтобы что-то спросить. От монотонного голоса писателя его стало слегка клонить в сон, и единственное, о чем он мечтал сейчас, это дождаться конца смены, разбудить Корня — и пусть он сидит и снимает сушей жгучий пух, который ему будет навешивать туда чокнутый писатель.

— Мы регулируем равновесие, — пожал плечами собеседник Такса. — Сталкеры ходят в активную Зону, убивают мутантов, собирают артефакты. Если б не было нас, и мутантов, и артефактов становилось бы все меньше и меньше. Человечество давно бы вымерло в условиях тотальной Зоны при остром дефиците пищи и энергии.

— А мутанты зачем? — поинтересовался Такс, пряча в рукаве куртки очередной зевок.

— Если б их не было, артефакты выгребли бы за один день, — вздохнул писатель. — И мы, писатели, при всем желании не смогли бы это предотвратить. В активную Зону никто бы больше не ходил, и тогда...

Такс вздрогнул. Глаза писателя внимательно смотрели на него. Похожий взгляд молодой сталкер видел лишь однажды. Так восемь лет назад смотрел на него забредший в жилую Зону сытый кровосос, прикидывая, забить мальчика про запас или же пусть себе жир нагуливает до поры до времени.

— Скажи, Такс, а Корень хороший человек?

Вопрос был слишком неожиданным. Такс не помнил, называл ли он незнакомцу имя вожака группы, но мысль об этом мелькнула — и пропала. Молодой сталкер с трудом оторвал взгляд от лица писателя и неуверенно пожал плечами:

— Да ничего, нормальный. В прошлом рейде мне жизнь спас.

— Понятно, — кивнул ночной гость. — Ну что ж, спасибо за гостеприимство. Пойду я, пожалуй. Удачи тебе, сталкер.

Писатель быстро поднялся на ноги. Слишком быстро для человека, который долго сидел на корточках, — только полы пальто взметнулись и опали, словно черные крылья.

После чего более чем странный собеседник Такса повернулся и скрылся в темноте ночи, словно нырнул в нее как сом-мутант в черные воды Припяти.

— Не пойму, что ты там бубнишь все время?

Голос проснувшегося Корня вернул Такса в реальность.

— Да вот, с писателем тут разговаривал...

Молодой сталкер попятился. От костра на него стремительно надвинулась коренастая фигура старшего группы.

— С. Кем. Ты. Разговаривал?!

Корень размеренно выплевывал слова, словно выцелкивал пустые гильзы из барабана «Нагана», готовясь заменить их боевыми патронами.

— С. Кем????!!

От рева Корня по ту сторону костра зашевелились двое его товарищей.

— Корень, ты чего орешь? До рассвета еще...

Краем глаза в свете костра Такс увидел, как Планиет, не договорив, вдруг упал на колени и судорожным движением рванул из подсумка противогаз. Плоть с его лица, словно густой кисель, потекла к нему на грудь, пачкая камуфляж кровавыми разводами. Но натянуть резиновую маску на остатки лица Планиет не успел.

Корень резко развернулся, раздалось несколько чавкающих звуков — и не успевший переродиться snork упал на траву с расколотым черепом.

— Писатель, говоришь, — горько произнес Корень, меняя магазин «Вала». — А вот то, что осталось от Бобра.

Держа «Вал» на изготовку, Корень обогнул костер и подцепил краем контейнера «Ломоть мяса». Свежий артефакт еще не успел застыть и шевелился, словно душа Бобра пыталась вырваться из концентрированного месива плоти и костей, в который превратился ее хозяин.

— Писатель, — сплюнул Корень, завинчивая крышку контейнера. — Запомни, салага, это не человек. Это самый страшный монстр активной Зоны. Благодаря писателям мы получили тот мир, в котором живем. И сейчас они вот таким образом поддерживают равновесие.

Корень кивнул на труп Планиета.

— Увидишь такого «писателя» — стреляй не раздумывая. Хотя говорят, убить их невозможно, как и уничтожить их рукописи, которые хранит ноосфера. Но попробовать никогда не мешает.

Рука Такса потянулась к КПК.

— Ты что собрался делать? — подозрительно уставился на него Корень.

— Так согласно Кодексу Сталкеров надо скинуть информацию, отписать всем...

— Ноосферу решил подкормить? — прищурился Корень.
— Не ноосферу подкормить, а людей предупредить, — решительно отрезал Такс. — Чтобы знали, кто такие эти...
— Положи наладонник на место.
Слова, произнесенные Корнем, были холодными и жесткими, словно лязг затвора.
Такс поднял на старшего группы презрительный взгляд.
— Да пошел ты, Корень, — произнес он. — Думаю, из-за таких перестраховщиков, как ты, мы и получили то, что имеем.

Это было серьезное обвинение, но Таксу было наплевать. Он склонился над КПК, набивая текст, но дописать не успел. Пули, почти бесшумно покинувшие ствол «Вала», разорвали ему сердце, прежде чем он понял, что случилось.

— Есть тайны Зоны, которые не для всех. И с писателями плохо, и без них нельзя, — тихо произнес Корень, глядя на сокращающееся в агонии тело молодого парня. — Но чем их меньше — тем лучше. Эх, голова садовая. «Напишуу предупрежу...» Тоже мне... «писатель».

Виктор оторвался от текста и задумался. Снайпер говорит, что книга отпечатана в мире-отражении. При чем он сам побывал в таком мире, только существующем в далеком будущем. Так не посетил ли автор рассказа один из таких миров, где Выброс превратил землю в одну большую Зону и где кровавая радуга давно стала реальностью? И не этот ли Выброс только что предотвратила группа Меченого?

Виктор перевернул страницу и прочитал короткое название второй части рассказа — «Имя».

— И чего мы там пишем?
«Отмычка» поднял голову. На его щеках, покрытых юношеским пушком, пока еще не оформившемся в щетину, немедленно выступил румянец, видимый даже при неверном свете костра.

— Рассказ...

— Дай-ка сюда.

— Но, Корень, я только начал...

— Дай сюда, сказал!

Парень вздохнул и протянул старшему группы разорванную сигаретную пачку, исписанную мелким почерком.

Корень пробежал глазами несколько строк, потом хмыкнул и зачитал вслух:

— «Сейчас ночь. Вторые сутки мы с Корнем сидим у костра и ждем незнамо чего. Спим урывками, хотя оно и понятно — активная Зона это тебе не жилой сектор с боевыми роботами и искусственными охранными аномалиями на каждый квадратный метр. Здесь ты сам себе охранный робот, только непонятно, зачем Корень заставил так тщательно минировать периметр вокруг стоянки. Или мы здесь жить собираемся?..»

— И на хрена? — спросил Корень.

— Что на хрена? — не понял «отмычка».

— На хрена пишешь?

Парень пожал плечами:

— В жилой Зоне литературный конкурс объявили на лучший сталкерский рассказ. Если выиграю — напечатают на настоящей бумаге! Ну и бабла маленько дадут, оно никогда не помешает.

— Дурак, — фыркнул Корень, бросая через костер разломаченную сигаретную пачку. — Вторая ходка в активную Зону, а ума так и не набрался. Думаешь, сталкерские рассказы пишут те, кто реально по Зоне шатается?

— А кто же? — удивился «отмычка».

— Их пишут все, кому не лень, из той братии, что сидит в теплых, защищенных от радиации квартирах и выдумывает собственную Зону из головы. При этом обороты

красивые подпускает — читал недавно. Типа: «Ночь выдалась на редкость тихая. Не было слышно привычного эха отдаленных выстрелов, никакая тварь не выла вдали на хмурое, злое небо, не шуришали тушканы в кустах, и даже ночной ветер затих, набираясь сил перед послезавтрашним Выбросом».

— Красиво, — улыбнулся «отмычка».

— Согласен, — хмыкнул Корень. — А ты что написал? Отчет о рейде? Кому он интересен? Сталкерские байки сталкеры же у костров и рассказывают, на настоящей бумаге их не печатают. А рассказы для всяких конкурсов читают такие же благополучные владельцы теплых квартир за охраняемыми Периметрами, как и те, кто их написал. Понимаешь разницу?

— Понимаю, — обреченно кивнул «отмычка».

— Теперь и я понимаю, почему тебя никто в напарники не берет, только в «отмычки». И почему ты до сих пор шляешься по Зоне без имени, — заметил Корень. — Хотя даже самая распоследняя «отмычка» в первую же ходку имя получает. Нет в тебе ничего примечательного, парень, не за что имени зацепиться. Смотри, допишешься до того, что сталкеры так по жизни Отмычкой звать и будут. А это, сам знаешь, позорище несмываемое.

Парень сидел у костра, широким боевым ножом медленно отрезая от своего творения тонкие полоски и скармливая их костру. Искусственный картон огонь поедал неохотно, и обрезки корчились в пламени, словно длинные белые черви. Лицо «отмычки» уже успело сменить цвет с пунцового на мертвенно-бледный. Выйди сейчас какой-нибудь сталкер из темноты, того и гляди, подумает — зомби к костру присоседился, и чего это Корень не стреляет?

«Вал» старшего группы лежал у него на коленях, но далеко не «отмычка» сейчас интересовал его хозяина. Внезапно потеряв всякий интерес к безымянному сталкеру, Корень заметно напрягся, и в сгустившейся тишине громко и отчетливо прозвучал еле слышимый в обычной обстановке щелчок предохранителя бесшумного автомата.

«Отмычка» с удивлением увидел, как из темноты не спеша, вышел высокий мужик интеллигентного вида в черном пальто и присел у костра, протянув к огню длиннопалые кисти. Было ему с виду около сорока, лицо усталое и отрешенное, в ранних морщинах. Лысина во всю голову, лишь остатки волос окаймляют крупный череп. Так, самый обычный мужик, каких навалом среди инженерного звена, обслуживающего механизированную охрану периметра в жилой Зоне. Только странно, что он здесь без ствола шастает. И непонятно, с чего бы это так напрягся старший группы, автомат на безоружного гостя направил, того и гляди стрелять начнет.

— Ну, здравствуй, Корень, — негромко произнес ночной гость. — Не думал я, что ты решишься вернуться сюда. Сны замучили? Такс невинно убиенный по ночам приходит?

— Есть такое дело, контролёр чертов, — процедил сквозь зубы старший группы, не сводя ствола «Вала» со лба гостя. — Знаю, что тебя убить нельзя, так, может, договоримся? Уже и днем его голос слышу, а ночью так вообще труба. Только в активной Зоне немного отпускает...

— Знаю, — кивнул гость, поглаживая длинными пальцами кончики языков пламени, тянущиеся к нему из сердца костра. — Но вряд ли чем помогу. Я писатель, а не контролер. Ты убил начинающего автора, и не я, а Зона мстит тебе. Несозданные локации, неродившиеся сталкеры, непереродившиеся жители Зоны, которых вы зовете мутантами и которых убиваете без пощады, — это они зовут тебя. А мертвый Такс всего лишь знакомый тебе образ, который генерирует ноосфера...

— Брешишь, мразь! — взревел Корень. — Это твоя работа!

Его «Вал» коротко прошелестел, выплюнув огненный пунктир, но ночной гость лишь отмахнулся от пуль, словно от стаи назойливых псевдомух. «Отмычка» с ужасом наблюдал, как в полуметре от его ботинка в землю ткнулся свинцовый цилиндр. И как почти одновременно с его падением вокруг обоих сталкеров припала к земле серая трава

Зоны, приминаемая не пойми откуда взявшимся ветерком. Который через мгновение превратился во вполне ощутимую воздушную спираль.

Корень и его «отмычка» стояли внутри медленно вращающихся «Воронок». Молодой парень ошеломленно наблюдал, как из закушенной от бессильной ярости губы Корня на рыжую бороду медленно стекает темная капля крови. Он даже не успел удивиться, почему его тело до сих пор не разорвано на куски, когда его ушей коснулся тихий голос.

Отделенный от сталкера прозрачной воздушной спиралью, по ту сторону аномалии стоял ночной гость. И что-то говорил.

— Ты, правда, хочешь стать писателем? — наконец дошли до мозга сталкера слова страшного человека в черном пальто.

Парень судорожно кивнул.

«При чем здесь...»

Но неродившуюся мысль прервал голос, ставший гораздо лучше слышимым после того, как от легкого шевеления длинных пальцев аномалия сама собой растворилась в воздухе.

— Я научу тебя всему. Зоне нужны новые таланты. Ее эволюция не должна умереть в рамках старых романов, которые хранит ноосфера. Такие, как ты, напишут новые книги о Зоне, и тогда она изменится. К добру или к худу — неважно, главное, что Зона станет другой. Ведь сюжет, который не меняется и неизбежно умирает, как и любой другой мир, который рано или поздно становится неинтересен живущим в нем людям...

До «отмычки» слабо доходили слова писателя, да и немудрено — вряд ли кому-то когда-либо приходилось побывать в центре «Воронок» и остаться в живых. Поэтому он, по инерции продолжая стоять навтыяжку, лишь наблюдал, как человек в черном повернулся к нему спиной и медленно подошел к крутящемуся вихрю у внутри которого замер Корень, судорожно прижимающий к себе бесполезный автомат.

— Ты же знаешь, что меня невозможно убить ни миной, ни пулей, — устало произнес человек в черном пальто. — На что ты надеялся, когда шел сюда?

Корень молчал.

— Но ты привел ко мне ученика, — продолжал писатель. — И я не думаю, что ты всю жизнь мечтал превратиться в снарка или в какой-нибудь артефакт. Поверь, это очень больно. Поэтому я дарю тебе возможность сделать последний выстрел. Помнишь, как умер Такс? Вижу, помнишь... Ты умрешь так же. Приставь дуло автомата к подбородку и...

Неожиданно писатель вздрогнул, словно ему вдруг стало очень холодно. Удивление на его лице сменилось гримасой боли. Он застонал, медленно опустился на колени, после чего рухнул лицом в траву. Его длинные пальцы еще некоторое время скребли землю, словно щупальца умирающего кровососа, но это продолжалось недолго. Через несколько мгновений человек в черном затих, а вместе с ним умерла и вторая «Воронка», внутри которой стоял Корень. Лишь два идеальных круга примятой травы напоминали о том, что чья-то злая воля может порождать столь противоестественные аномалии.

Корень выдохнул и утер рукавом кровь с бороды. После чего, шагнув вперед, выдернул из спины трупа широкий боевой нож.

— Неплохой удар, Редактор, — сказал он, вытирая кровь с клинка длинной полкой черного пальто. — Забирай свое оружие, теперь это твой талисман на всю жизнь.

Молодой сталкер ватными руками принял нож и только с третьего раза смог вложить его в кожаный чехол, висящий на поясе.

— К-как ты меня назвал? — переспросил он, слегка заикаясь.

— Только Редактор может убить настоящего писателя, — наставительно произнес старший группы, ставя «Вал» обратно на предохранитель. — По-другому с ними не справиться.

— И... ты знал? Все это время знал и ничего мне не сказал?!

— А чего говорить? — пожал плечами Корень. — Риск благородное дело, вот я и поставил на «отмычку», который в свободное время пытался писать рассказы на сигаретных пачках. Редакторы в основном получают из потенциальных писателей, тех,

что по каким-то причинам ими не стали. Хотя иногда бывает, что им удается совмещать убийство с созиданием. И тогда получается самый сильный и могущественный монстр, которого может породить Зона. Ведь в его власти как убивать писателей, так и давать жизнь новым, и при этом они не забывают создавать свои собственные миры. Но не переживай, это не твой случай. Ты лишь убийца, как и все мы в активной Зоне. Так что с новым именем тебя, сталкер. А сейчас пошевеливайся, нам еще периметр разминировать надо. Того и гляди, какая-нибудь тварь ненароком подорвется, а это нам с тобой, напарник, прямой убыток.

Виктор закрыл книгу и положил на простыню. Писатель из рассказа напомнил ему персонажа давнего фильма о сталкерах, про который упоминал Бехрам. Фильм давно забыт, а его герои живут — и в этом мире, и в соседних. И сами продолжают создавать новые миры.

А еще в голове Виктора всплыли слова рыжебородого сталкера, с которым Виктор познакомился у Вечного костра. Корень, Легенда Зоны, который ничего не помнит о своем прошлом. Может, оно и к лучшему, что не помнит?

Может, и так, но решать это не Виктору. Тем более что рыжебородый сталкер как чувствовал, обращаясь к нему с просьбой. Что ж, перед тем как покинуть Зону навсегда, у бывшего майора Савельева появилось еще одно важное дело...

СНАЙПЕР

Прошло два дня. За это время все успели отдохнуть и подлечить раны. Совершенно случайно на глаза Сахарову попались документы из моего рюкзака вместе со старой фотографией Выброса. Он долго держал в руках снимок, сличая его с тем, что отснял профессор Круглов. На мой взгляд, они были абсолютно идентичными. Но профессор ничего не сказал по этому поводу, просто бережно отложил в сторону потертую фотографию и принялся листать документы.

Через несколько минут его руки начали мелко трястись, но он продолжал лихорадочно перелистывать страницы. Я с удивлением наблюдал за стариком. Наконец он с видимым усилием оторвался от документов и незамедлительно поинтересовался, сколько я за них хочу. Чисто смеху ради я назвал сумму в миллион евро — и через час профессор Круглов сообщил мне номер счета в офшорной зоне, на который переведена озвученная сумма. Я лишь пожал плечами — Зона такое место, где чудеса случаются настолько часто, что просто перестаешь им удивляться.

Наконец мы отправились обратно. Группа Меченого единогласно решила проводить меня к небольшому кордону у села Терехова, что стоит на Болотах, и заодно навестить Доктора. Конечно, база Сахарова была в Зоне оплотом аллопатической медицины, даже раны Клыка и Японца за пару дней почти затянулись. Но все же сталкеры больше доверяли искусству Болотного Доктора. Народная медицина — она всегда ближе к народу.

От базы ученых до Болот мы прошли без приключений. Проводник знал такие тайные тропы, о которых даже не подозревали самые опытные сталкеры.

— Прям будто не Зону с севера на юг пересекли, а в турпоход сходили, — пошутил Клык.

— И слава Черному Сталкеру, что так, а не иначе, — буркнул на это Меченый. — Не навоевался еще, что ли?

— Навоевался, — покладисто согласился сталкер. — Но война ж для мужика как водка — чем больше пьешь, тем больше хочется, хотя знаешь, что вредно.

Меченый покачал головой и ничего не ответил. Я знал — он глубоко переживал смерть Выдры и во всем винил только себя...

Заночевали мы недалеко от Рассохи, а рано утром уже были возле домика Болотного Доктора. Встречать нас вышел сам хозяин лично.

— Я все знаю, — вместо приветствия сказал Болотный Доктор. — Проходите.

Мы прошли в гостиную, где был накрыт огромный стол, на середине которого стояла большая бутылка, наполненная мутноватым содержимым, в окружении семи граненых стаканов. Также на столе лежали нарезанная ломтями свежая булка черного хлеба и огромный шмат настоящего деревенского сала. Так по обычаю встречают закадычных друзей, вернувшихся живыми с войны.

— Угощайтесь, — сказал Доктор. — Мы подойдем позже вместе с горячим.

И махнул мне рукой — идем, мол...

Мы стояли на больничной половине дома возле койки, которая снилась мне не одну ночь. Сорок пятая так и не пришла в себя. Тщательно расчесанные волосы окаймляли бледное лицо. От густых ресниц на щеки ложились чуткие тени, шевелящиеся при неверном свете свечи и от этого казалось, что девушка вот-вот откроет глаза. Но впечатление было обманчивым, как и любой мираж, выдающий желаемое за действительное.

— Я все знаю, — повторил Доктор. — Поэтому не стой столбом и давай его сюда.

Я непонимающе уставился на него.

Доктор нахмурился и ткнул пальцем в контейнер на моем поясе — мол, так уж прямо трудно догадаться, о чем разговор идет?

Я открыл крышку и протянул ему облученные Монолитом «Мамины бусы», еще не совсем понимая, что он собирается с ними делать. Доктор, недолго думая просто разорвал их, а после соединил на шее девушки, так и не вышедшей из комы...

Каждый в Зоне знает, что если артефакт светится сам собой голубоватым светом, словно кварцевая лампа, то переносить его надо только в тройном контейнере, а уж надевать на шею — это вообще чистое самоубийство. Через час, а может и того меньше, острая лучевая болезнь обеспечена, и, чем страшно мучиться перед смертью, проще сразу застрелиться.

Но в то же время «Чистое небо» не раз спасал мне жизнь, я неоднократно держал его в руках и пока что жив. Может, и этот артефакт, порожденный Монолитом, обладает схожими свойствами и не является переносчиком концентрированной смерти?

Разрыв между бусинами сросся на глазах. А потом я увидел, как дрогнули ресницы Сорок пятой.

— «Дочкино ожерелье», — сказал Доктор.

— Что? — не понял я.

— Я назову этот артефакт «Дочкино ожерелье». Эта девочка истинная дочь Зоны, как и ты — ее сын, которого она любит. И, возможно, вы будете единственными в мире людьми, кому Зона подарила истинное счастье. Все мы ее дети, иногда блудные, иногда нелюбимые... Но те, кто однажды приходит в Зону, остаются с ней навсегда — если не телом, то душой. И от этого никуда не деться.

Я лишь краем уха слышал слова Доктора. Несомненно, он говорил что-то очень важное, но сейчас ничего не было важнее для меня, чем смотрящие на меня глаза цвета единственного в мире артефакта.

ЭПИЛОГ

Пальмы шумят каждую ночь и будят меня. Я просыпаюсь, уверенный, что это какая-то радиоактивная тварь крадется в темноте к моему костру и шуршит ветвями. Но это всего лишь пальмы, которые качает ветер с моря.

Тогда я целую спящую девушку, которая когда-то в другой жизни имела номер вместо имени, тихонько встаю с кровати и иду на крыльцо. Я люблю ночью посидеть на ступеньках нашего бунгало и просто подышать свежим соленым воздухом. Ведь это большое счастье — дышать без фильтрующей маски и знать, что радиоактивная пылинки случайно не попадет тебе в легкие и не убьет медленно, но неотвратно.

Иногда мне приходят письма от друзей. Например, вчера я получил весточку от Виктора, которого чаще по привычке называю Японцем. У него с Майуко родился сын,

которого жена назвала Миямото в честь великого японского фехтовальщика, правда, Японец упрямо зовет его Мишкой. К письму было приложено фото, где они все втроем сидят на спине Скуби-Ду, а железная псина повернула голову в их сторону и довольно высунула полимерный язык. Я рад за Японца и очень надеюсь, что Зона и Комитет по предотвращению критических ситуаций отпустили его навсегда.

Призрак, Клык и Проводник по-прежнему сталкерствуют в Зоне, и я редко получаю вести от них. Но я не в обиде. Для людей, живущих в Зоне, Большая Земля кажется чем-то вроде недостижимого рая. Или ада, в который лучше не возвращаться. Так зачем писать письма на тот свет человеку, который навсегда ушел из Зоны и из их жизни?

Меченый не пишет вообще. По слухам, он после нашумевшей операции «Фарватер» стал главным научным консультантом в НИИЧАЗ — Научно-исследовательском институте Чернобыльской аномальной зоны. Но как-то мне слабо верится, что этот человек мог променять защитный костюм сталкера на робу яйцеголового с карандашиком в нагрудном кармане...

Подышав воздухом и послушав успокаивающий шелест моря, я возвращаюсь в постель и закрываю глаза, пытаюсь убедить себя, что в моем пробуждении были виноваты пальмы и ветер. Пальмы, ветер, море — все что угодно, только не голос, который начинает тихо шептать в моей голове, как только я закрываю глаза:

«Иди ко мне... Ты обрел то, что заслуживал, но я вижу твоё желание... Иди ко мне, сталкер... Вернись ко мне...»

19.09.2009 — 24.11.2010